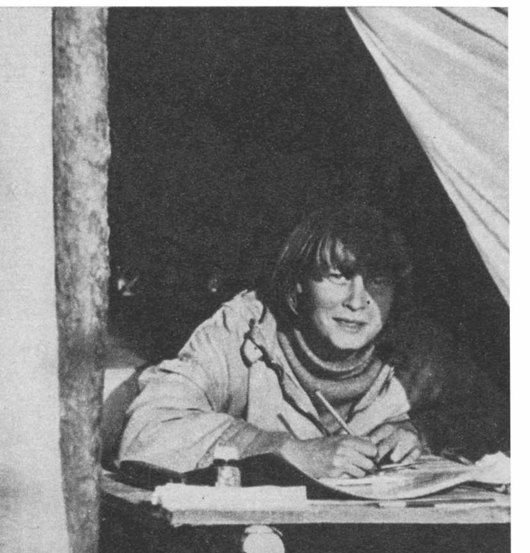

ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Феликс Каминский возглавил уходящий отряд.

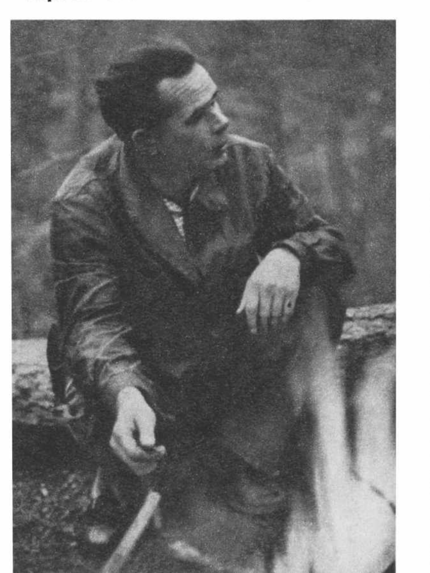
КИМБЕРЛИТ—ГО

Снизу сохнет, сверху мокнет.

Наша Рая.

Сергей Васильевич Потапов.

И снова вперед...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Дождь начался еще вчера. Мелкий, секущий, бесконечный. Потемнела кора лиственниц, отяжелели ветви, разбухли от сырости палатки. Только река сыто рокочет. У костра идет вечерний разговор:

— ...Подобрали собаку, а она оказалась медвежатницей. Выгоняла зверя прямо на геологов. Те от него уходят, а бедняжка обижается, не понимает.

— А вот тоже. Таким же лагерем стояли. Повадился медведь в гости ходить, шалый какой-то. Придет и вертит башкой: в лагере, видишь ли, бидоны моют и солнечные зайчики прыгают...

— ...Еще в Якутии было. Нашли алмазик. Первый в трубке. Комиссий понаехало! Из Москвы. Смотрели, вертели, а он и закатись куда-то в избушке. Не могут найти. Так избушку даже спалить предлагали, а золу отмыть, словно породу. Как они там управились — точно не знаем, но отыскали всетаки алмазик!

Три года назад при геологической съемке в этих местах был найден обломок породы. Нашла его Нина Соломонидина. Обломок исследовали. Оказалось, кимберлит. Так появилась трубка «Нина» — первая на Дальнем Востоке.

Мне видится огненная лава, она бушует, рвется из недр сквозь земляную толщу, и где-то в таинстве ее движения рождаются сверкающие кристаллы — это оживает в памяти популярная лекция, прочитанная мне старшим геологом партии Феликсом Каминским.

Дождь перестал, и поэтому, наверное, громче и отчетливее слышен рокот реки.

Сегодня наш отряд оставит лагерь. Саша Зеленин, радист и одновременно геофизик, упаковывает рацию и особенно тщательно Полевой сепаратор алмазов.

— Негабаритный груз.

И Зеленин снова начинает умещать в рюкзак 28 килограммов металла и радиодеталей.

Собственно, весь отряд будет работать на этот рюкзак.

Спутники алмазов — кроваво-красный пироп и вороненo-смолистый пикроильменит. Общая задача нашей партии — оконтурить тело, являющееся источником рассеяния пикроильменита. А отряду плюс к этому позарез нужно найти хотя бы один алмаз, чтобы сказать: «Все условия природой выполнены. Копай здесь!» Для этого-то и предстоит переворошить кубометры грунта, промыть его и просеять, чтобы насытить чрево сепаратора.

К полудню сборы закончены. Олени наконец переловлены и завьючены. Путь — за ближайшую сопку, но займет он часов шесть. Сергей Васильевич Потапов — начальник партии. Он исходил чуть не полстраны, но алмазы — новая область. За плечами Феликса Каминского — старшего геолога,— несмотря на молодые годы, опыт работы с якутскими алмазами. Поэтому ему предстоит не только командовать отрядом, но и следить за поисковыми работами всей партии.

...В тайге не заскучаешь. Зеленые гривастые кочки. Нелепо пробалансировав на зыбкой вершине, плюхаешься ногой в яму, и сапог полон ледяной воды.

— Интересно наблюдать, между прочим,— роняет Каминский, идущий впереди,— как ходят по кочкам лошади...

Кончается болото, начинается тягун, медленный и длинный подъем. Мокнет спина, пересыхает горло.

И снова комментарий Каминского:

— Сейчас мы подобны эскадре миноносцев, спешащих на коронацию королевы Елизаветы с плодами манго...

Дорога выравнивается. Из мха темными пятнами выглядывают корчажины, наполненные черной водой. Вода не слишком холодна. Она сдобрена запахами леса и, если ее зачерпнуть пригоршней, оказывается кристально чистой...

Далеко растянулся караван. По цепочке приходит известие: оторвалась четверка оленей и куда-то задевалась. Попробуй найти беглецов!

— Однако,— замечает старший каюр Савелий Трофимов,— животные должны вернуться в лагерь.

Но это когда-то будет, а пока исчезли в неизвестном направлении посуда и кое-что из продуктов.

И вот уже поставлены палатки, полыхает костер, над которым булькает кулинарный гибрид — каша-суп. Лучшие места у огня нарасхват. Склонился над дневником Каминский. Сушит сапоги Игорь Молнар,— безусловно, самый лучший рассказчик почти невероятных историй, очевидцем или участником которых он был. Глядя на огонь, помешивает варево Рая Белоусова. Такая маленькая и, казалось бы, совсем не таежная Рая. А ведь этот сезон для нее не первый, и он у выпускницы МГУ — преддипломная практика. Говорят, капелька холодной воды осаждает кофейную гущу. Мне кажется, что, подобно такой капле, Рая осаждает и сдерживает излишнюю словоохотливость, присущую мужским компаниям.

Темнее не становится, просто густеет туман. Он стекает с поросших тонкими лиственницами берегов озерца, накапливается и потом начинает клубиться, укутывая лес и болото.

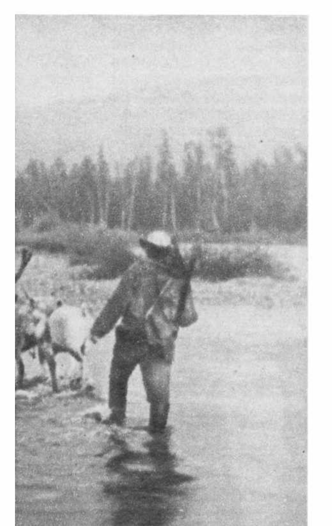
Пришел Молнар, принес бомбу — экстренное сообщение, достойное вознаграждения из бутыли, хранящейся в ящике с красным крестом.

— Понимаешь, иду по ручью, вижу — пикроильменит. — Игорь ловит за лацкан Зеленина.— Отмыл шлих — зерна. В миллиметр. Поднимаюсь по воде, мою, опять зерна. Круп-не-е! Еще выше забираюсь. Копаю. Одна нога в трещине, другая по камню скользит, воды столько, что лоток не погружается. От-мы-ваю.— Молнар округляет глаза.— Вот тако-о-ой, с полсантиметра, пикроильменит!

...Кимберлит — голубая порода. Кимберлит — голубая земля.

ЛУБАЯ ЗЕМЛЯ!

Не исключено, что здесь скрывается алмаз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

43-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 36 (1993)

5 СЕНТЯБРЯ 1965

МОСКВА И КАИР ДРУЖАТ!

Сердечно встречала столица Советского Союза Президента Объединенной Арабской Республики, Председателя Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насера. Уже десятилетие существуют дружеские отношения между СССР и ОАР. Народы наших двух стран связывает приверженность к великим революционным идеалам свободы и прогресса, непримиримость к силам угнетения, эксплуатации и империалистической агрессии. Новый визит главы Объединенной Арабской Республики в Москву послужит дальнейшему развитию нашей нерушимой дружбы.

В дни визита в Кремле состоялись переговоры советских руководителей с Гамаль Абдель Насером. Эти переговоры были отмечены откровенностью и теплотой.

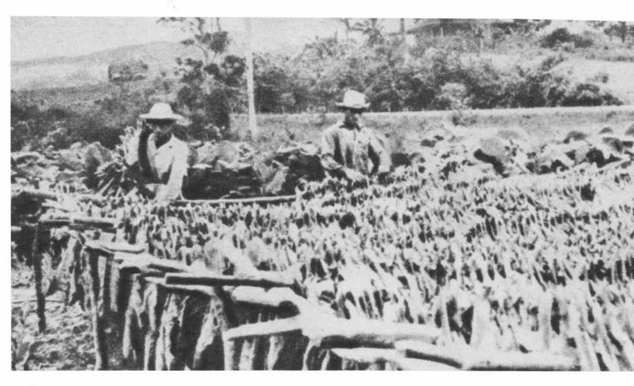
Яркой демонстрацией дружбы наших двух стран был митинг, состоявшийся в Кремлевском Дворце съездов в связи с пребыванием в СССР Гамаль Абдель Насера.

Фото А. Гостева.

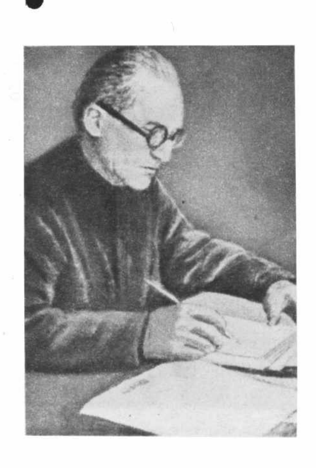

Шахтер Даважав первым в Монгольской Народной Республике получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Ныне годы заставили Даважава уйти на пенсию. Но на шахту Налайха-капитальная, где он трудился, пришел работать его сын Амарсайхан. Шахтерская эстафета передана.

Табак, который вырастили кубинские крестьяне в провинции Пинар-дель-Рио, станет гаванскими сигарами, прославленными на весь мир. Для того, чтобы сигары были хорошими, нужны не только подходящие климатические условия и почвы, но и большой опыт, которого кубинским табаководам не занимать.

Погиб, купаясь в море, всемирно известный французский архитектор Шарль Ле Корбюзье. Преданный своему делу, он внес новые идеи в архитектуру. Он мечтал о городах, полных солнца, зелени, простора, о городах, в которых удобно и красиво будут жить люди. Но действительность, окружавшая его, не позволяла ему претворить в жизнь свои идеи полностью. Газета «Юманите» опубликовала большую статью о творчестве Ле Корбюзье.

ЛИНИЯ МИРНОГО ОГНЯ

Сегодня впервые в нашей стране отмечается Всесоюзный день работников нефтяной и газовой промышленности. Мы рассказываем о самой молодой, но стремительно растущей отрасли народного хозяйства — газовой индустрии.

Ю. БОКСЕРМАН,
заместитель Председателя Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР

Из четырехсот месторождений, найденных советскими геологами, природный газ идет в города и поселки, на заводы и электростанции по подземным стальным магистралям общей протяженностью в 45 тысяч километров. Ныне нет такой отрасли народного хозяйства, где бы не применялся газ. Более сорока миллионов жителей городов и поселков пользуются этим удобным и дешевым топливом. Газ и нефть заняли свыше пятидесяти процентов в общем топливно-энергетическом балансе страны. А совсем недавно, только десять лет назад, удельный вес газа в общей добыче топлива был едва заметен — 2,4 процента. Таковы цифры, о которых нельзя не вспомнить сегодня.

...Всегда трудными бывают первые шаги, трудными были они и для газовой промышленности.

Газопровод Саратов—Москва строился в конце войны. Многие тогда не верили в запасы месторождений, найденных геологами близ Саратова. Не верили и в возможность соорудить газопровод от Волги до Москвы! Но он был построен, и построен в короткий срок, и вот уже двадцать лет волжский газ поступает в столицу.

Теперь в Москве каждые сутки газ заменяет сорок маршрутов угля. Москвичи, пользуясь газом, получают ежегодно сорок миллионов рублей экономии.

...В праздничный день хочется прежде всего сказать самые душевные слова в адрес геологов и газостроителей. Им приходится работать в пу-

С 15 августа по 31 октября 1940 года над Британскими островами шла Битва за Англию. 1 790 самолетов гитлеровского «люфтваффе» совершали налеты на английские города и бомбили, бомбили, бомбили... До сих пор помнят англичане о тех ужасных днях. Но, очевидно, не все англичане. Эти два портрета мы воспроизводим из лондонского «Обсервера». На них изображен один и тот же человек, но второй снимок сделан через 25 лет после первого. Имя этого человека — Герхард Фридрих Баркхорн. В 1940 году этот гитлеровский ас совершал налеты на Англию, потом воевал против Советского Союза. Ему удалось унести ноги с Восточного фронта. Но Баркхорн остался верен себе. Он по-прежнему летчик, и на втором снимке он изображен в чине полковника нынешних западногерманских ВВС. В этом качестве он прибыл в Англию и сейчас совместно с английскими пилотами испытывает новый самолет. Кое-кому на Британских островах, очевидно, ценен опыт этого воздушного бандита, и они готовы забыть прошлое. Опасная забывчивость!

Американские космонавты Чарльз Конрад (слева) и Гордон Купер на борту авианосца «Лейк Чэмплен».

●

Наш следующий снимок взят из западногерманского журнала «Штерн». Он свидетельствует, что дух милитаризма и реванша в этой стране жив. Взгляните на мальчишек с автоматами. Их пригласил к себе на каникулы бундесвер. Но отнюдь не детским забавам предавались они там. После каникул, как сообщает журнал, сопляки заявили, что готовы стрелять в сторону русских. Вот какие уроки преподают молодому поколению ФРГ в бундесвере!

120 ВИТКОВ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

29 августа 1965 года американские космонавты Гордон Купер (командир корабля) и Чарльз Конрад благополучно приводнились в Атлантическом океане, совершив 120 витков вокруг Земли на космическом корабле «Джеминай-5».

Гордон Купер и Чарльз Конрад проверяли возможность пребывания человека в невесомости в течение шести и более суток. Это считалось одной из важнейших задач полета — этапом подготовки к рейсу на Луну. От наземного центра космонавты получили указание провести в полете ряд экспериментов, в частности измерить тепловое излучение Млечного Пути, сфотографировать ракетный полигон «Уайт Сэндс» и начинавшийся в Атлантическом океане ураган «Бетси».

Ураган «Бетси» приблизился к району предполагаемого приводнения «Джеминай-5». Это заставило руководителей полета посадить корабль не после 121 витка вокруг Земли, как было запланировано, а после 120-го.

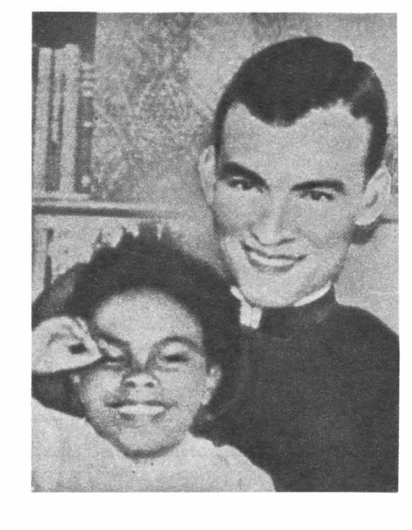
С вертолетов, прибывших к месту приводнения космического корабля, в воду спустилась спасательная команда. Космонавтов подняли на борт вертолета и доставили на авианосец «Лейк Чэмплен». Врачи, тщательно осмотревшие космонавтов, сообщили, что они находятся в отличном состоянии и мечтают только о том, чтобы побриться и выспаться.

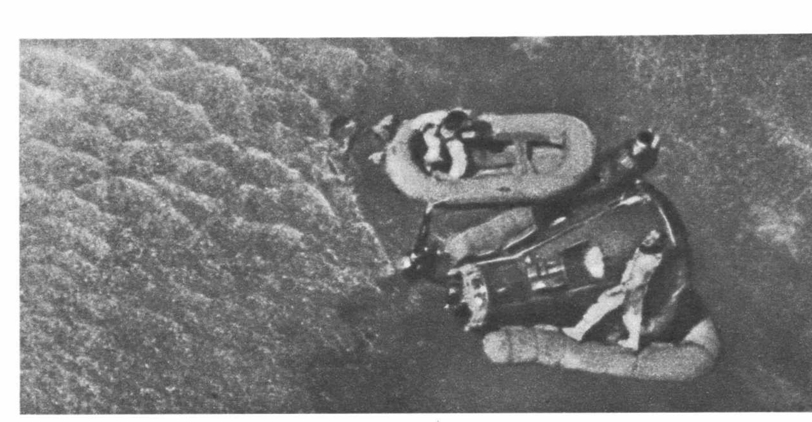
Гордон Купер и Чарльз Конрад пробыли в космическом пространстве 190 часов 56 минут, установив этим новый рекорд.

●

В вакханалии американского беззакония выделяется зловещая фигура шерифа. Эти деятели правопорядка во многих городах Юга — самые ярые преследователи негров и всех, кто выступает за расовое равенство. Как теперь стало ясно, заместители шерифов не отстают от начальства. Недавно в Хейневиле (Алабама) некий Том Коулмэн, заместитель шерифа, из 12-зарядного пистолета убил священника Джонатана Даниэльса (см. снимок), одного из борцов за гражданские права негров. По обычному праву американских расистов убийца был арестован, а следом за этим освобожден из тюрьмы под залог.

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Юманите», журналов «Штерн» и «Тайм».

После приводнения...

стыне, тайге, пересекать болота, водные преграды, быть первопроходцами.

...Газли. Первые палатки в пустыне Кызылкум. Изнуряющий зной. Жара до семидесяти градусов. Вода доставляется в цистернах за сотни километров. Годы трудных поисков геологов, буровиков и, наконец, радость открытия самой богатой подземной кладовой страны — пятьсот миллиардов кубометров газа! Геологи Л. Жуковский, Е. Кудряшев и другие первооткрыватели могли радоваться большому успеху. Вслед за ними сюда, в пустыню, пришли строители самой мощной в мире магистрали Бухара — Урал. Протяженность двух линий — 4 500 километров.

Но прежде чем начать строительство, надо было опровергнуть доводы тех, кто не верил в запасы Газли, кто исписал десятки докладных записок: де, мол, невыгодно строить такой мощный газопровод. Примерно такие же споры велись двадцать лет назад, когда только на ватмане существовала магистраль Саратов — Москва.

Первую магистраль из Бухары на Урал соорудили за два года. Мужественные строители заслужили высокие награды правительства. Лучшие из них — В. Прокопенко, Н. Воробьев и А. Халиуллин — стали Героями Социалистического Труда. В нынешнем году завершится прокладка второй линии на Урал. И тогда Бухара будет передавать почти 20 миллиардов кубометров газа, эквивалентных по теплотворности трем таким ГЭС, как Братская. Газ на Урале обходится в пять раз дешевле угля, и все затраты на него окупятся в четыре года — это для сведения тех, кто сомневался.

Поиски новых газовых месторождений в Средней Азии продолжаются. Хорошие вести идут из Туркмении, новые газоносные площади обнаружены и недалеко от Газли. Отсюда началась прокладка первых сотен километров мощного газопровода Средняя Азия — Центр. Опять в пустынях Кызылкум и Каракум появились отряды строителей, вооруженных мощной техникой, вновь кочуют тут десятки поселков на колесах.

Газ завоевывает право на жизнь и на другом полюсе, на севере Тюменской области, за Полярным кругом. Здесь большой отряд геологов, которым руководит крупный специалист, бесконечно влюбленный в свое дело, Герой Социалистического Труда Ю. Эрвье, недавно нашел очень крупные месторождения газа: Пурпейское (площадью около тысячи километров), Тазовское (с запасами более ста миллиардов кубометров) и Ново-Портовское на Ямальском полуострове. Мне недавно довелось быть в тех местах. Ямальский полуостров пока еще мало населен. Но там уже выросли поселки разведчиков, буровиков, идет бурение скважин, проектируются сложные сооружения. Условия работ необычные и трудные. В июле, когда в Тюмени термометр показывал выше 30 градусов жары, в Новом Порту стоял лед на Обской губе. Навигация здесь длится лишь полтора месяца.

Недавно в Тюменской области побывала большая группа геологов; все согласились с высокой оценкой перспектив газоносности, согласились с тем, что север Тюмени может в ближайшие годы стать крупнейшим районом газовой индустрии.

Широким шагом шагает советская газовая индустрия. В этом году будет добыто газа в 13 раз больше, чем в 1955-м.

Недавно наши экономисты подсчитали: за шесть лет семилетки использование газа в народном хозяйстве дало 6 миллиардов рублей экономии — в два раза больше всех капитальных затрат за этот период на газовую промышленность.

Впереди новые, очень трудные маршруты у разведчиков недр, у всех тружеников газовой промышленности. Они знают, что в их работе еще немало недостатков. Но они выходят на трассы, уже обогащенные большим опытом. Они идут мощными отрядами на освоение богатств Сибири, Средней Азии, Украины, Северного Кавказа, Поволжья, они прокладывают невиданные в мире магистрали голубого огня.

Американские самолеты стараются обходить подальше позиции зенитчиков.

КРАЙ СВОБОДОЛЮБИ

Е. КОБЕЛЕВ

Фото автора.

Свое двадцатилетие Демократическая Республика Вьетнам встречает в нелегких военных условиях, отражая агрессию американского империализма. Встав на путь социалистического строительства, вьетнамцы под руководством Партии трудящихся Вьетнама добились за двадцать лет больших успехов. Ныне народ отстаивает свои завоевания с оружием в руках. Его борьбу, его усилия в строительстве новой жизни поддерживают социалистические страны, и среди них — Советский Союз, верный друг вьетнамского народа.

Не сломить!

Город Тхань Хоа, окаймленный полноводными реками, расположен приблизительно в 150 километрах к югу от вьетнамской столицы. Погруженный во тьму, пропахший порохом, он встретил нас воздушной тревогой, которая продолжалась с перерывами весь день. Как разъяснили нам представители военного командования, американцы изменили тактику воздушной войны против ДРВ. Раньше они прибегали к массированным налетам на один-два объекта за день, причем в таких налетах иногда участвовало до 150 самолетов. Теперь американские самолеты летают небольшими группами, бомбят и обстреливают в течение дня десятки объектов на всем протяжении от 17-й параллели до районов, расположенных севернее Ханоя.

Как живет население Тхань Хоа в эти дни? Дни проходят в сражениях и упорном труде между налетами. Уже накоплен боевой опыт, поэтому в действиях всех без исключения горожан появились уверенность и спокойствие людей, привыкших смотреть смерти в лицо.

Обычно во время налетов предприятия и учреждения продолжают работу. Люди уже так досконально изучили типы американских самолетов, их технические данные, повадки, что могут с абсолютной точностью предсказать их намерения в воздухе. Поэтому большинство бросает рабочие места только тогда, когда замечает реальную опасность. Один мальчишка лет двенадцати, вихрастый, с черными бусинками глаз, постоянно шмыгающий носом, говорил мне с гордым видом знатока, что сейчас над городом пролетели американские истребители-бомбардировщики «F-105D», что у них, кроме двадцатимиллиметровых пулеметов, есть бомбы и ракеты, что у них большая скорость и хорошая маневренность, что американцы называют их «громовержцами», но что вьетнамские истребители все равно недавно сбили два «F-105D» в воздушном бою, а зенитчики и ополченцы, среди которых находится и его отец, сбивают «громовержцев» чуть ли не каждый день.

Американские летчики используют не только бомбы, ракеты, пули. На вьетнамскую землю сыплются миллионы броско оформленных листовок. Прекрасным слогом, на литературном вьетнамском языке, сдобренном южными диалектизмами, жителям провинции предлагается не более, не менее, как капитулировать. Прием избитый: к нему неоднократно прибегали французские колонизаторы. Особенно часто жителям провинции приходится подбирать листовки с речами Джонсона по вьетнамскому вопросу: ведь американский президент произнес их уже бессчетное количество, и самому богу неизвестно, сколько подобных речей будет еще произнесено. Справедливости ради нужно сказать, что труд издателей листовок, предназначенных для Вьетнама, не совсем пропадает даром. На мой вопрос, что делают с американскими листовками, один вьетнамский военный ответил весело: «Собираем на макулатуру».

В провинции Тхань Хоа живут гордые и свободолюбивые люди. В давние времена крестьяне этих мест первыми откликались на призыв полководцев, первыми шли под их знамена, чтобы освободить свою землю от гнета чужестранцев или собственных императоров и феодалов. Прошли века, но в жилах жителей Тхань Хоа течет все та же горячая кровь.

Варварство

В четырнадцати километрах от Тхань Хоа, там, где на равнину неожиданно, словно выросшие из-под земли, надвигаются причудливые горы, стоят обугленные скелеты корпусов рисоочистительного завода. На сотни метров вокруг чернеет земля от пепла. Заводской двор зеленеет молодой порослью риса: взрывной волной разбросало зерна, и они дали всходы. Рядом с заводом развалины жилых домов рабочего поселка. На сохранившейся стене механического цеха лозунг «Неустанно повышайте технику безопасности труда!».

Рисоочистительный завод Тхань Хоа американские самолеты бомбили трижды. До этого они совершили над территорией завода не один разведывательный полет. День за днем группы самолетов, отбомбившись в других районах, пролетали затем над заводом, ве-

Эти девушки—бойцы отряда ополченцев, организованного крестьянами кооператива «Красное знамя».

дя аэрофотосъемку и визуальное наблюдение. Людям, знакомым с официальными заявлениями американской военщины, могло показаться, что американские летчики ведут такую тщательную разведку с целью установить, военный это объект или нет. Однако 30 апреля, в который уж раз за короткую историю необъявленной воздушной войны США, стало совершенно ясно, что американские агрессоры не делают никакого различия между военными и мирными объектами.

В тот день ранним утром в лучах восходящего солнца появились восемнадцать американских истребителей-бомбардировщиков. Пикируя один за другим, они сбросили на территорию завода около десятка бомб и обстреляли его из пулеметов. После полудня прилетели еще 23 стервятника. С высоты более тысячи метров они в течение получаса посыпали территорию завода 250-килограммовыми бомбами. Стервятники улетели, оставив от завода груду развалин. Через полтора месяца, 15 июня, останки завода были подвергнуты термической «обработке». Группа американских самолетов сбросила сюда более десятка фосфорных бомб.

На пустынном заводском дворе в тот момент, когда мы нацелились объективами своих фотоаппаратов на покосившуюся стену механического цеха, к нам неожиданно подошел вооруженный вьетнамец лет тридцати пяти. Бывший рабочий завода, ополченец, он нес охрану территории и рабочего поселка.

— Зовут меня Ле Ван Нгуен,— охотно представился он, узнав, что мы советские корреспонденты.— Я работал в маслобойном цехе с 1959 года — со дня пуска. Завод наш относился к разряду предприятий средней мощности, но со своей задачей мы справлялись отлично,— в очищенном рисе провинция недостатка не ощущала.

Американские летчики знали, что они бомбят рисоочистительный завод,—отвечая на наш вопрос, продолжал Ле Ван Нгуен.— Они хотят задушить нашу провинцию голодом и тем самым сломить ее сопротивление, поставить ее на колени. Вполне привычный для фашистов прием. Двадцать лет назад японские захватчики уже пытались сделать это в нашей стране. Два миллиона вьетнамцев умерло тогда от голода. Но японцев мы все равно вышвырнули. Такой же конец ждет американских агрессоров.

С винтовкой у станка

Прикрытый маскировочной сеткой, с развевающимися на ветру банановыми листьями-крыльями, наш «газик» летел на юг, оставляя далеко позади притихший, словно перед бурей, Ханой. Навстречу нам с затянутого завесой моросящего дождя неба несся гул американских самолетов, державших курс на север. А впереди лежал Винь — колыбель вьетнамской революции, один из красивейших городов Вьетнама.

Винь находится на линии огня уже год: впервые он стал объектом бандитских налетов американской авиации в прошлом году, в августе. Не проходит здесь дня без звенящего грохота зенитных орудий и тугих взрывов бомб. Похоже, что американские агрессоры поставили цель смести с лица земли один из крупнейших городов Северного Вьетнама, лежащий на полпути от Ханоя до 17-й параллели.

Винь опустел. Основные учреждения, школы и мирное население эвакуированы. Это сделано потому, что американские самолеты открыто перешли к беспорядочным бомбардировкам жилых кварталов города. Только за один день американские летчики превратили в руины десятки домов рабочих и служащих в микрорайоне № 4, несколько жилых домов на улице Нгы Хай, семилетнюю школу, католическую семинарию, здание Виньского отделения Государственного банка, здание филиала Международной комиссии по наблюдению и контролю во Вьетнаме. Американские летчики, еще раз подтвердив демагогичность официальных заявлений Вашингтона, били в тот день не по отдельным объектам, а по площади. 250-килограммовые бомбы падали на город с большой высоты, неся смерть и разрушение всему живому.

Наряду с армией активное участие в защите Виня принимают ополченцы. Каждое предприятие города ощетинилось стволами зенитных пулеметов и винтовок рабочего ополчения. Рисоочистительный завод Виня, который мы посетили однажды вечером, работает круглые сутки, а специально выделенные дежурные несут охрану завода у зенитных пулеметов. По сигналу «воздушная тревога» рабочие покидают цеха и занимают места в траншеях вокруг территории завода.

Есть среди ополченцев завода и свои знаменитости. Например, 22-летняя Нгуен Тхи Хоанг, третий номер зенитного расчета. В десяти боях участвовала эта молодая женщина, не знающая страха. Награждена за героизм грамотой военного командования города Виня. Хоанг недавно вышла замуж, и рабочие шутят, что теперь ее мужу придется просиживать дни и ночи у зенитного пулемета, чтобы хоть как-то сравняться со своей женой.

Позиции зенитных пулеметов заводского ополчения расположены неподалеку от завода. Нас встречает командир ополчения Нгуен Дык Чыонг, работник отдела кадров завода. Входим в соломенный шалаш — здесь располагается штаб, спят дежурные зенитчики. Иногда шалаш превращается в классную комнату — на модели реактивного самолета изучаются тонкости зенитного дела. Часто учение происходит прямо в бою. 1 июня американские самолеты совершили налет на район завода. Молодые, неопытные тогда еще зенитные расчеты рабочих бесстрашно вступили в бой и сбили один реактивный американский самолет.

— Вашингтон не может взять в толк, каким образом нашим южновьетнамским братьям, намного уступающим американским и марионеточным войскам в военной технике, удается наносить им сокрушительные удары и пядь за пядью освобождать южновьетнамскую землю,— сказал мне военный представитель провинции До Чонг Льен.— Народная война, война всеобщая — вот что помогает нам давать решительный отпор наглой агрессии. Каждый, кто может держать винтовку, должен быть на передовой — под таким девизом ведем мы освободительную, справедливую войну, и мы не сложим оружия до победного конца.

Под покровом ночи

Мы ехали на север с потушенными фарами. Лишь бледный лик молодого месяца освещал нам дорогу. Вокруг — ни одного огонька, ни одного селения, и было трудно понять, закончилась воздушная тревога или нет. Когда мы решались включить хотя бы подфарники, появлявшиеся по обочинам дороги с коромыслами на плечах крестьяне строго кричали нашему водителю: «Самолеты рядом, гаси фары!» Вновь мы погружались в темноту, водитель привычно высовывался из окна кабины, и машина, как и прежде, начинала осторожно ощупывать своими колесами дорогу. Так продолжалось всю эту долгую тревожную ночь.

Изредка над дорогой то позади, то впереди нас вспыхивали «фонари» — осветительные авиабомбы на парашютах. Машина визжала тормозами, ныряла под спасительные кроны деревьев. Мы смотрели на разгоравшееся зарево и ждали, когда стихнут разрывы бомб, когда перестанут чертить крупнозвездное тропическое небо ослепительные пунктиры американских ракет «воздух-земля». Затем мы снова продолжали путь, минуя перевернутые, пробитые пулями, пылающие машины.

Мы пытались опередить рассвет, но черная тропическая ночь неумолимо отступала под натиском утренней зари. А ведь надо было во что бы то ни стало добраться засветло до Тхань Хоа: движение по дорогам в этих районах разрешено только ночью. До города оставалось меньше тридцати километров, когда стало ясно, что мы опоздали. Быстро светало, и на юге за нашей спиной уже послышался далекий гул реактивных моторов. Подбежавший к нам дорожный патруль приказал не мешкая укрыть машину в банановой роще, расположенной в трехстах метрах от дороги. Едва мы успели это сделать, как в безоблачном небе появились тупорылые американские истребители-бомбардировщики. Они летели вдоль дороги на север — туда, где в туманной рассветной дымке угадывались очертания Тхань Хоа.

Деревня! Нет, крепость!

Приветливо встретили нас жители общины Хай Нинь, куда привели нас военные дороги. Председатель кооператива «Красное знамя» долго раздумывал, где нас разместить, и повел в дом старика Чана. Прямо на прохладном полу просторной бамбуковой хижины нам постелили циновки. У стены против входа в хижину возвышался алтарь предков семейства Чан. Чувствовалась заботливая хозяйская рука: алтарь, как и следует по вьетнамским обычаям, украшали цветы, курильницы, благовонные палочки. Венчали скромное убранство алтаря изображения двух вьетнамских мечей. Это означало, что предки семейства Чан были добрыми воинами и сложили свои головы на полях сражений за честь и славу отчизны. А на другой стене похвальные грамоты, медали, ордена — боевые трофеи сыновей и внуков престарелого Чана, добытые ими в священной войне сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов и совсем недавно — в борьбе против агрессии американского империализма.

Небо над деревней раскалывалось от грохота реактивных моторов. Самолеты шли звеньями на север, а со стороны реки уже послышались ахающие разрывы бомб и частая дробь зенитных пулеметов. Бомбили, вероятно, мост и паром, на котором мы не успели переправиться на другой берег. Утомленные напряженной и бессонной ночью, мы свалились без сил на прохладные циновки. И сразу забылись в тревожном сне под непрестанный гул американских самолетов.

После полудня, эскортируемые шестнадцатилетними автоматчиками, мы знакомились с кооперативом «Красное знамя». Деревня изрезана глубокими морщинами траншей и окопов, надежно укрытых под густыми кронами бананов и пальм. В этих убежищах прячутся во время налетов дети и старики — все те, кто не носит оружия. Остальные жители деревни поставлены под ружье. Боевые позиции ополчения расположены на опушке сосновой рощицы. Когда мы пришли туда, у ополченцев, среди которых были совсем юные девушки и ребята, как раз проходили боевые учения. Председатель кооператива, он же командир отряда, давал теоретические указания, как вести огонь по пикирующему самолету. Неожиданно за околицей деревни, там, где располагался наблюдательный пункт, послышались частые прерывистые звуки тамтама: «Воздушная тревога!» Раньше тамтам призывал жителей деревни на собрания и митинги, на похороны и свадьбы. Ныне мастерам тамтама вновь пришлось вспомнить сигнал военной опасности, который использовался в давние времена.

Командир ополчения тотчас же отдал приказ приготовиться к бою. Ополченцы быстро заняли места в окопах, устремив стволы винтовок и автоматов в небо. Самолеты шли на большой высоте, минуя деревню. Однако ополченцы покинули свои позиции только тогда, когда стих гул американских самолетов и ветер донес звуки тамтама, возвестившего отбой.

Мы прощались с боевой деревней вечером. Катилось в морские волны багровое солнце. Почти горячая после знойного дня вода уже начинала сверкать еще еле заметными светлячками—хозяевами ночного моря. Наш путь шел по тропинке, проложенной посреди рисового поля, и крестьяне, узнавая, что мы советские, приветливо улыбались и подходили пожать нам руки. Да, для врагов община Хай Нинь — это крепость, готовая в любую минуту к беззаветной обороне. А друзей здесь ждут раскрытые объятия, белозубая улыбка, сердечное гостеприимство.

Винь — Ханой — Москва.

Гроза надвигается.

Мария Михайлова, жница.

Виталий Сергеев, молодой наладчик Чебоксарского электроаппаратного завода, первый свой отпуск проводит в родной деревне. Но как не помочь отцу-комбайнеру?

ТРУДНЫЙ

Вл. КРУПИН

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Хмурое нынче лето, хмурое и недоброе. Темные, тревожные тучи почти не покидают неба, проливаясь на землю затяжными холодными дождями. Затянулась, как никогда, уборка.

— Рожь убираем обычно за неделю с небольшим. А нынче комбайны уже месяц как с поля не уходят. В дождь косить нельзя: зерно в бункерах загорится. Как же все-таки будет с хлебом? Хлеб будет в закромах. Каким был март — таким и сентябрю быть!

Это говорит наш попутчик Анатолий Сергеевич Ерлаков, секретарь обкома партии и агроном с довоенным стажем. Он рассказывает о делах на полях республики (Чувашия план продажи зерна выполнила, и семенной фонд засыпан), а сам беспокойно поглядывает вперед.

Грозное лохматое облако надвигается на нас из-за Волги. Белая игла молнии протыкает его насквозь, и в образовавшуюся дыру низвергается водопад. Вот он ударяет в ветровое стекло, и уже ничего не видно — только слышно, как хлещет ливень по крыше и как чавкает грязь под колесами автомашины. Какие уж тут полевые работы!

И все-таки работа идет! На краю пшеничного поля, там, где хлеб, казалось бы, безнадежно полег и скручен ветром в узлы, трудятся жницы, накинув на голову накидки, чтобы дождь не заливал глаза. Маруся Михайлова, задорная, миловидная, лет сорока, кричит нам:

— Эгей, начальнички! Помахали бы серпом маленько, помогли бы старухе!

Секретарь обкома вырос в селе и, наверное, в юности не раз держал серп в руке — вон как ловко и сноровисто заходил он у него!

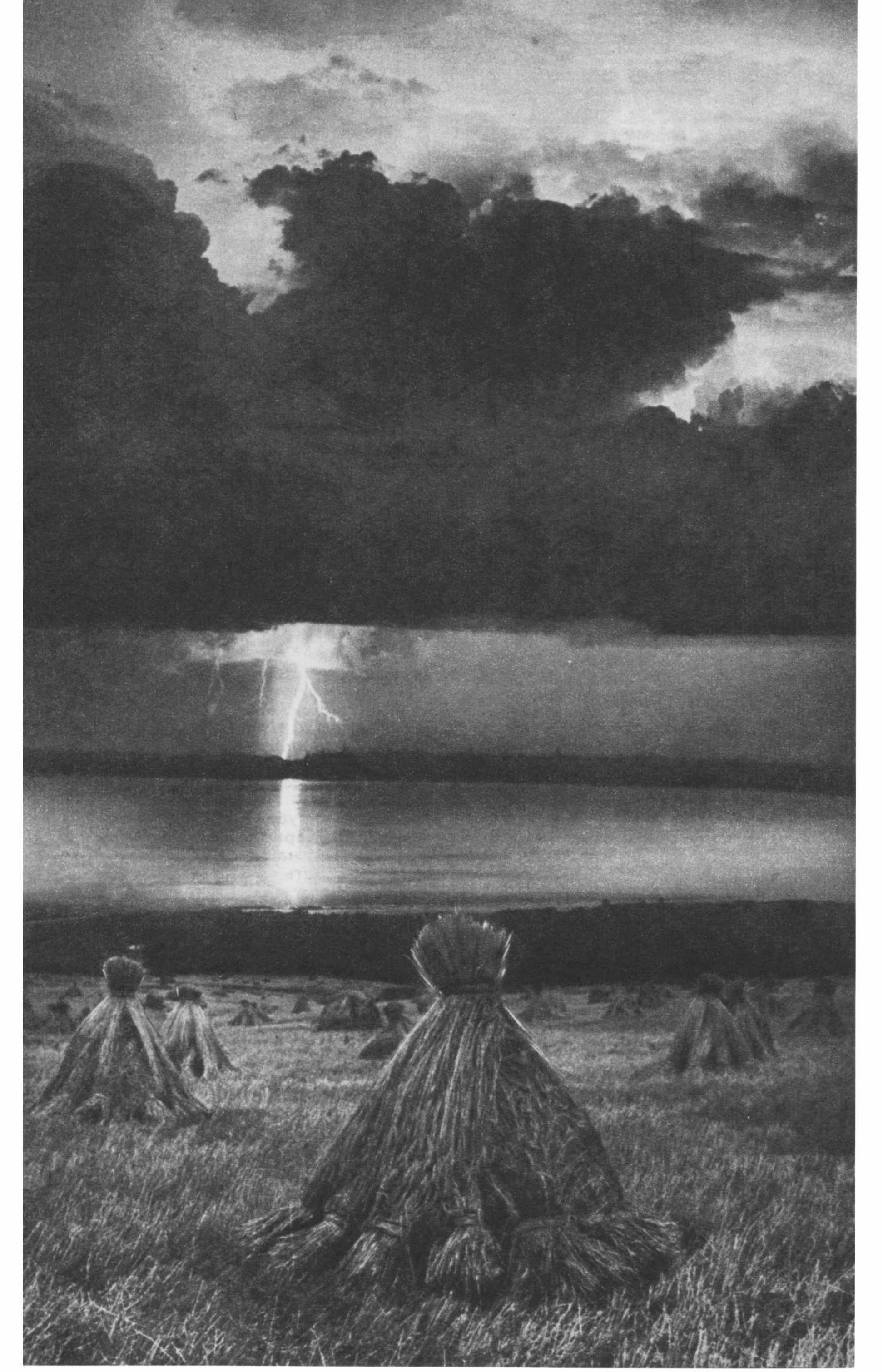
Можно сказать много высоких и верных слов о крестьянском труде, о его тяготах и радостях, о чувстве долга, которое земледелец испытывает перед своими соотечественниками, и о трезвом материальном расчете (новая цена на тонну сверхплановой ржи как-никак 195 рублей!). Но, кроме слов, есть еще одно: тебя охватывает торжественное чувство: хлеб идет!

Мне кажется, что только этими словами можно более или менее точно выразить его. Хлеб идет, несмотря ни на что!

Две тысячи тонн зерна поступило на Марпосадский хлебоприемный пункт, в том числе сырого зерна — две тысячи тонн. Да, здесь нарушали инструкцию, принимали хлеб повышенной влажности — до двадцати пяти процентов. Но ни тонны не сгноили. Зерносушилки работали с двойной нагрузкой. Люди — с тройной — двадцать один час в сутки. И червонное зерно идет отсюда теперь в Горький и другие города России. Четыреста гектаров посевов выбил град в колхозе имени космонавта Николаева — четыреста из тысячи семисот. А хлеб идет! Колхоз выполнил уже полтора плана. А дальше?

— Дальше по обстановке. Во всяком случае, без семян, без фуража — словом, без хлеба сами не останемся.— Василий Васильевич Зайцев, председатель колхоза, подвигает к себе счеты и щелкает костяшками: — Средняя урожайность зерновых получается что-то около восемнадцати центнеров с гектара. А весной мы обещали колхозникам гарантированную оплату по два килограмма на трудодень при урожае в тринадцать центнеров. Под гарантию хлеб уже убран, а остается сколько, видали? Уберем, конечно, все. Где не возьмет комбайн — жатками, где не сумеет жатка — серпами. Вручную у нас запланировано сжать семьдесят гектаров. В процентном отношении это вроде немного, около трех. Но если считать по-старому, на пуды,— тысяч восемь пудов зерна наберется. Арифметика и политика одна: нельзя столько хлеба в поле оставлять!

Жилистый, выдубленный солнцем и ветром, Зайцев кажется много моложе своих лет. Два года назад он оставил колхоз «Победа», который — можно сказать без преувеличения — сделал богатейшим в России и где заработал «личное золото» — Звезду Героя. Хозяйство, куда он перебрался, только-только выбивается из отстающих. Но тем характернее, тем типичнее для нынешней осени перемены, которые там происходят. На новом месте урожайность зерна подскочила за два года в полтора раза. В чем секрет?

Разверзлись хляби небесные...

ХЛЕБ

— А мы его тово-с, навозом,— хитро прищурившись, улыбается Зайцев и тут же серьезнеет.— Секретов нету. Есть старый, проверенный дедовский способ. Надо стоять к земле лицом, чтобы она не повернулась к вам тылом. По опыту «Победы» мы сократили посевы под рожью, под викой. Посеяли триста гектаров люцерны и других трав. Люцерна — это белковый корм и в конечном счете органическое удобрение. Стало быть, сокращение зернового клина за счет увеличения посевов люцерны не убавит, а прибавит нам зерна. Так мы рассчитывали. Так и вышло. Я уже не говорю о том, что мы и стадо укрепили благодаря люцерне и кассу пополнили — продали государству восемь тонн семян. Одним словом, по Прянишникову поступаем, а не по советам его толкователей.

Для детальных разговоров времени мало. Во вторую бригаду только что прибыла новая зерносушилка — надо побывать там. В первой пора начинать озимый сев — и туда заглянуть бы. Зайцев садится в свой «газик», который быстро исчезает за пеленой сплошного дождя...

Дождь и дождь. Он идет всю неделю, что мы живем в деревне Мало-Камаево. Но однажды ночью я просыпаюсь от непривычной тишины. Дробный стук капель по крыше прекратился, и в просинь окна видны звезды. Часа четыре, наверное. Скрипнула кровать, потом дверь. Хозяйка захлопотала у печи. Что-то звякнуло, разгоняя остатки сна. И вдруг в горнице запахло медом, покосом, пашней.

Босые ноги гулко зашлепали по полу.

— Мамка, дай хлебушка!

Это хозяйкин сын Сашка. Он канючит голосом сонным, но требовательным. Сквозь щель в занавеске видно, как сверкнул нож, освещенный огнем русской печки, как будто лемех плуга над пластом чернозема. В Сашкиной руке появилась коричневая ноздреватая краюха хлеба. Он прижимает ее к щеке, на мгновение сладко зажмурившись. Еще теплая и мягкая, должно быть. Хлопнув дверью, он выбегает наружу. С завистью я смотрю ему вслед. Еще бы: он первым отведал хлеба из урожая этого года!

Светает. Добрый, праздничный дух ржаного хлеба плывет над округой.

ТОРГУЕМ САМОЛЕТАМИ

«АН-2М» — самолет для сельского хозяйства.

Маленький двухмоторный самолет тронулся с места, пробежал несколько метров, неожиданно круто поднял нос, словно встал на цыпочки, и ушел в воздух. Делает круг над аэродромом и садится. Снова взлетает и снова садится, ну почти как вертолет. Затем низко над землей летит одномоторный самолет, оставляя за собой белый шлейф химикатов.

С земли за этими полетами наблюдают представители различных фирм европейских, африканских, азиатских стран. Всесоюзное объединение Авиаэкспорт показывает иностранным покупателям новые самолеты конструкции Антонова — «АН-24» и «АН-2М».

После полетов покупатели осматривают машины, знакомятся с их техническими данными. Финны заинтересованы самолетом «АН-2М» в сельскохозяйственном варианте. Он очень производителен и экономичен, принимает в бак две тысячи литров химикатов, а экипаж машины — всего один человек. Ширина обрабатываемой полосы при опылении или опрыскивании — 60—80 метров, а при внесении удобрений — до 30 метров.

Инженер Багу Петру из Румынии спрашивает о технических данных «АН-2М» в пассажирском варианте. Его устраивает, что самолет может взлетать и садиться на грунтовые площадки длиной не более двухсот метров.

— Мы хотим,— говорит Багу Петру,— использовать эту машину на строительстве новых электролиний — перевозить рабочих, материалы.

Возле самолета «АН-24» тоже идут деловые разговоры. Главный инспектор спасательной службы Санитарного управления Венгрии Мартон Пап спрашивает, когда можно получить «АН-24», если сейчас совершить покупку. Ведь это отличный санитарный самолет: ему не нужны аэродромы, он взлетает и садится почти без разбега.

Намерен приобрести «АН-24» и мистер Л. Симонс—управляющий и главный пилот голландской фирмы «Хенеар Н. В.».

— Как вы предполагаете использовать этот самолет?— спрашиваем у мистера Симонса.

— Как личную машину. По делам фирмы мне часто приходится выезжать в различные города Европы. На таком самолете это, видимо, будет удобно. Только сначала, прежде чем купить, я на нем полетаю. Кстати, наша фирма уже ведет дела с Авиаэкспортом. Мы подписали контракт на покупку самолета «АН-14» и планера «А-15». Я планерист-спортсмен, и полеты на «А-15» доставляют мне большое удовольствие. У нас в Голландии есть планеры немецкого, английского и американского производства. Но «А-15» лучше. Думаю даже, он лучший планер в мире. Наша фирма намерена купить в Советском Союзе еще несколько таких планеров и вертолет.

О том, что советская авиационная техника пользуется за границей доброй славой, рассказывает председатель Всесоюзного объединения Авиаэкспорт Борис Иванович Харченко.

— Например, вице-президент американской компании «Дуглас эйркрафт корпорэйшн» мистер Б.Коггaн,—говорит он,— считает, что наши новые самолеты «ТУ-134», «ИЛ-62» и вертолет «В-8» будут пользоваться спросом на мировом рынке. Сейчас более полутора тысяч различных советских гражданских самолетов и вертолетов летает почти в сорока странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Спрос на советскую авиационную технику растет. Скажем, в прошлом году у нас купили четырнадцать «ИЛ-18». «ТУ-124» приобрели Чехословакия и ГДР. Семь «АН-24» купила известная авиационная компания «Юнайтед Араб-Эрлайз» Объединенной Арабской Республики. Президент этой компании господин Махмуд сказал, что считает самолеты «АН-24» абсолютно надежными и самыми подходящими для работы на линиях средней и малой протяженности в ОАР.

Наше объединение не только продает летательные аппараты, но и осуществляет их техническое обслуживание, подготовку летных кадров. В прошлом году в Советском Союзе получили необходимую авиационную подготовку около четырехсот граждан различных стран.

Вести с нами переговоры о закупке самолетов и вертолетов,— говорит в заключение Борис Иванович,— изъявили желание представители авиатранспортных компаний Финляндии, Швеции, Цейлона, Сирии, Ирака, Индии, Индонезии и других стран.

Г. АЛЕШИН,
А. ГОСТЕВ

Иностранные покупатели на пресс-конференции, посвященной самолетам «АН-24» и «АН-2М».

— Самолет «АН-24» меня устраивает. Но прежде чем купить, хочу на нем полетать,— говорит управляющий и главный пилот голландской фирмы «Хенеар Н. В.» мистер Симонс.

ТУРИСТЫ и ЕЖИ

З. АНТОНОВА

Город Несебыр — маленькое пятнышко в море, чудо, вкрапленное в теплый залив болгарского черноморья.

Здесь никогда не бывает сильного шторма. Разноцветные водоросли струятся по мелководью, серебряные рыбки играют в отражениях древних храмов, и солнечные зайчики прыгают в окна рыбацких домов. Благодатный край, где цветет миндаль, зреет темный, как кровь, виноград и с инжирного дерева капает на камни сладкий сок.

Может быть, поэтому веками отвоевывали друг у друга такой маленький клочок земли разные народы и лилась горячая кровь фракийцев, греков, болгар. И сейчас еще любопытные туристы находят в прибрежном песке небольшие свинцовые шарики — пули старинных ружей.

Здесь было более сорока древних храмов — девятого, одиннадцатого, четырнадцатого веков. Красные кирпичные стены, украшенные разноцветной поливой, стройные колонны и арки застыли немой загадкой, и только вечное море помнит людей, сотворивших эту красоту.

В историческом музее города можно увидеть изящные греческие амфоры, пролежавшие столетия на морском дне, каменные саркофаги, светильники, монеты, золотые украшения и театральные маски третьего века до нашей эры. Когда-то полуостров был обширнее и склады купцов-греков стояли у самого берега. Потом часть его оказалась под водой, и теперь древние амфоры часто попадают в рыбацкие сети.

Несебыр — город рыбаков. Живя рядом с красотой древнего искусства, они почти не замечали его из-за вечной заботы о куске хлеба насущного. Боролись с морем, с нехватками, с алчными рыботорговцами, с ненавистными царскими чиновниками.

Не раз темная ночь укрывала от злых глаз остроносые рыбацкие лодки, переправлявшие коммунистов-подпольщиков, нелегальную литературу, продовольствие партизанам. Не один рыбак сменил море на горы, а весло — на партизанскую винтовку.

И если сегодня смотришь на рыбаков, шагающих вечером от пристани, видишь те же темные, продубленные морем лица, те же глубокие борозды морщин, но поступь у них легка, взгляд уверенный, а улыбка широкая и ясная.

9 сентября вместе со всей Болгарией они будут отмечать День Свободы — праздник, который близок сердцу каждого болгарина.

В садике, прилепившемся на прибрежной скале, сидят два старика в тельняшках. Перед ними на дощатом столике бутылочка сливовицы и чирус — знаменитая вяленая скумбрия. Они прихлебывают жгучий напиток и молчат. Они все знают друг о друге и о своем городе, и их здесь знает каждый. Это пенсионеры — капитан Морти и капитан Садко. Собственно, они всегда были простыми рыбаками, но так уж повелось, что в Несебыре, обращаясь к бывалому моряку, непременно прибавляют это звание. В их широких, тяжелых ладонях рюмки кажутся совсем крохотными. Сейчас уже не та, конечно, сила в этих руках, а прежде они могли удержать лодку против любой волны.

Перед стариками их город. Внизу, у пристани, выстроилась обновленная флотилия рыбацкой артели, снуют люди — одни выгружают улов, другие развешивают на просушку тяжелое кружево мокрых снастей.

Если повернуться в другую сторону, то взору открываются оживленные улочки, где между тесно сдвинувшимися старинными деревянными домиками бродят ошалевшие от впечатлений иностранные туристы. Они тратят километры пленки на ничем, казалось бы, не примечательные вещи: висящие повсюду вязанки перца, сидящих на трубах белокрылых глярусов, на огромные бочки, приготовившиеся принять новое вино.

Туристы приходят сюда каждый день с прибрежных дюн, что километрами тянутся в обе стороны. Там за последние несколько лет вырос целый город. Он тоже виден капитанам — сверкающее в лучах заходящего солнца чудо сегодняшнего дня. И название у него тоже славное — Солнечный Берег. Морти и Садко считают его продолжением своего города и страшно гордятся, что на конвертах, путешествующих теперь по всему миру, можно увидеть адрес: «Несебър, Слънчев Бряг».

Когда на дюны пришли первые строители возводить этот курортный комплекс, им самим не верилось, что через восемь месяцев на этом пустынном берегу поселятся в комфортабельных отелях сразу шесть тысяч отдыхающих. Но в назначенный срок тридцать девять отелей гостеприимно распахнули двери.

Болгарский зодчий лауреат Димитровской премии Никола Николов сумел объединить молодых талантливых архитекторов в единый дружный коллектив, и они создали ансамбль, соединивший в себе новейшие достижения современной архитектурной мысли с традиционными болгарскими элементами. Волнистые изгибы крыш с длинными навесами, крытые черепицей заборы, прорезанные плавными арками, дорожки, выложенные крупными плитами, легкие высокие корпуса и притаившиеся под кронами деревьев бунгало создают одновременно ощущение спокойствия, уюта, радости и приподнятости.

И каждой гостинице дано поэтическое имя: «Нептун», «Венера», «Орфей», «Юнона», «Юпитер», «Олимп», «Глобус», «Чайка», «Ропотамо»...

А рядом продолжают вырастать все новые отели, и в этом году Солнечный Берег принимает одновременно уже десять тысяч туристов из многих стран — Чехословакии, Польши, Советского Союза, Финляндии, Швеции, ФРГ, Австрии, Англии... Чтобы быстрее добираться, неподалеку выстроили новый большой аэродром, и на него слетаются самолеты со всего мира.

Вряд ли зарубежные гости, загорающие теперь на золотом песке берега и на мягких дюнах, знают, что пять лет назад змеи доставили здесь немало хлопот строителям курорта. Но болгары — народ не только веселый и гостеприимный, а и весьма изобретательный. Они решили эту непростую проблему оригинальным способом: наловили в горах ежей, привезли их сюда на грузовиках и поселили в кустах и рощах. Через два месяца змеи исчезли. Теперь об этой истории напоминают только сами ее герои — добродушные колючие покровители этих мест, которые нет-нет да прошуршат в листве под окнами отелей.

Но ежики скромны и молчаливы, и потому туристы, не омрачаясь никакими опасениями, превосходно отдыхают на благодатном болгарском побережье.

Стойко ДАНЧЕВ

УТРО

Росой одето, словно в жемчуга,
выходит утро, празднично и молодо.
И солнце, пробивая облака,
на землю сыплет пригоршнями золото.

И по полянке молодой олень
уходит в лес, качая головою.
И тает, тает незаметно тень
деревьев с озаренною листвою.

И ожил лес, приветствуя восход.
Проснулись в гнездах потаенных птицы.
И над родною стороной плывет
настой железа, нефти и пшеницы.

ПЛЕВЕНСКАЯ ТИШИНА

Лучи заката нежат землю,
сгорая вновь над Кайлыкóм.
И тишина устало дремлет,
и гуще, гуще тьма кругом.

Над Плевной песня все смелее
и все привольнее звенит.
И память славных дней хранит
покой ночного мавзолея.

И рядом с ним — домов громады.
И свет из окон. И луна.
Над Плевной ночью звезды падают,
и миром дышит тишина.

Перевел с болгарского
Борис КАУРОВ.

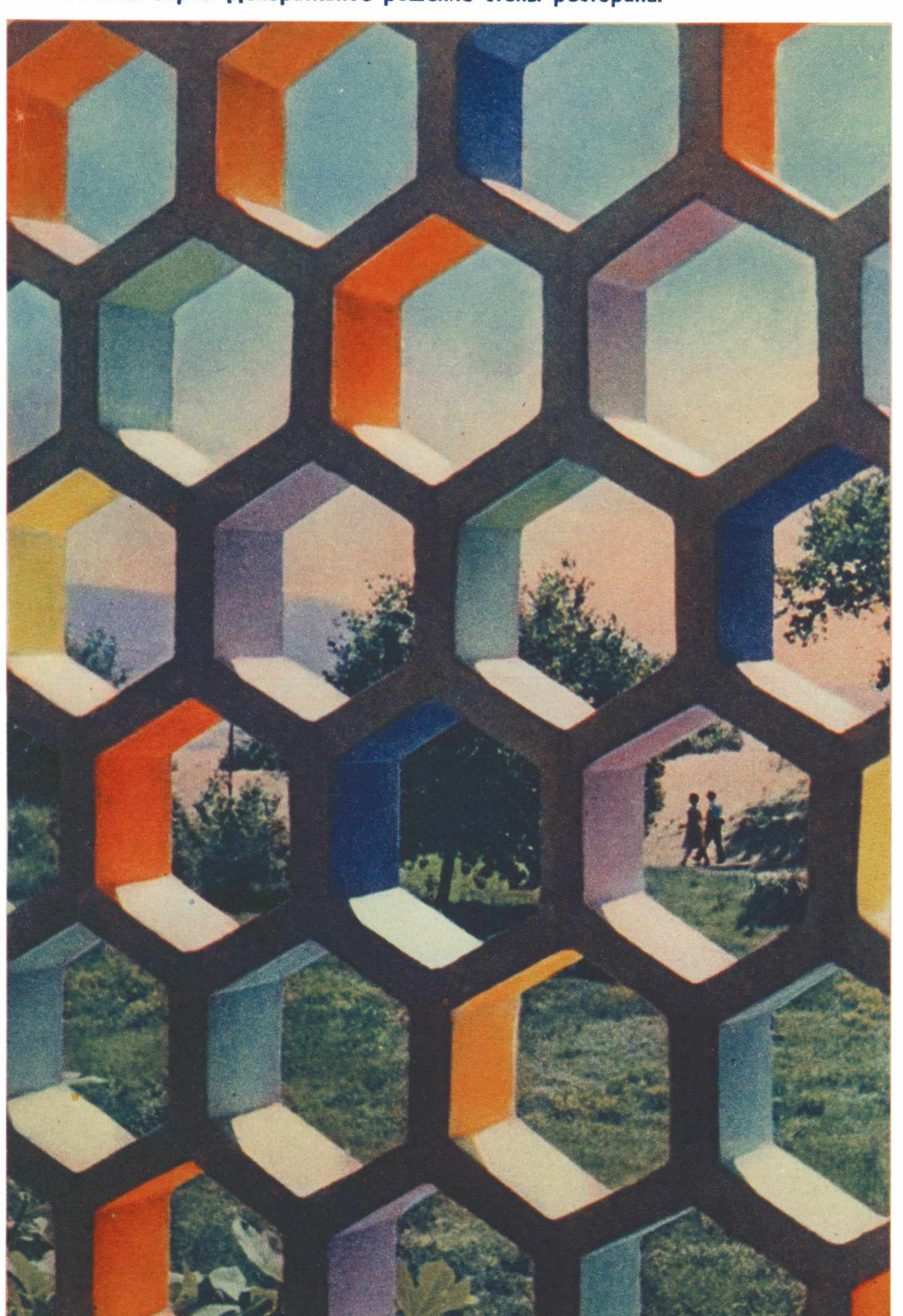

Город Несебыр.

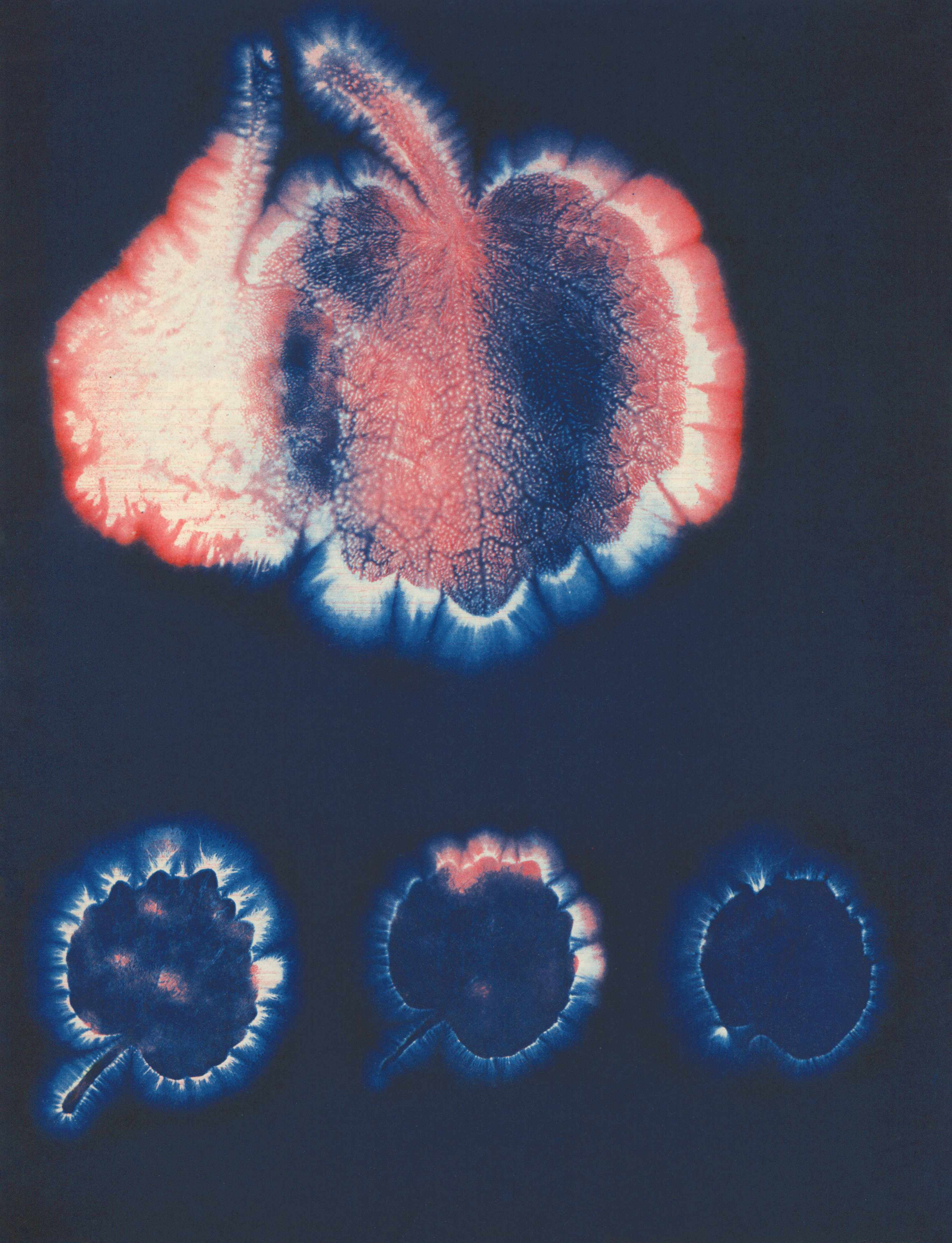
Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Солнечный берег. Декоративное решение стены ресторана.

А зовут эту девчушку Ваня.

Эти фотографии получены В. и С. Кирлиан при посредстве токов высокой частоты. На них видно, как увядают растения. Лист как бы сигнализирует затухающими факелами о своем самочувствии.

Наверху — два листа, равные по величине и форме, но один — здоровый, другой — умирающий.

Внизу — зеленый лист глухой крапивы: здоровый, чуть подвядшии, на грани биологической смерти.

СРЕДИ НЕВИДИМЫХ МОЛНИЙ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Наука всесильна. Это мы слышим со школьной скамьи. Да, она всесильна, но не всезнающа. И живем мы пока еще в огромном, малоразгаданном мире.

Это чувство меня не покидало в домашней лаборатории краснодарских изобретателей супругов Кирлиан. Сейчас они на пенсии. До этого Семен Давидович долго работал физиотехником в краснодарской поликлинике.

— Положите на эту пластинку палец,— говорит он.

Затем включает ток. И вдруг я вижу, как на моем пальце взрываются огненные протуберанцы, и сотни искр, лиловых, розовых, фиолетовых, окружают его.

— А теперь посмотрите, что у вас происходит внутри кожи, скажем, вот тут, на руке.

Мне дают черную трубочку — разрядно-оптическую обкладку с микроскопом, созданную изобретателями. Я прикладываю ее к руке, настраиваю микроскоп и вижу мерцающие созвездия. Одни из них светят ровным розоватым светом, другие перебегают с места на место, а эти напоминают вспышки маленьких молний. Какие таинственные явления отражают они?

Факелы жизни

Когда изобретатели создали свою аппаратуру, раскрывающую невидимую нам электрическую жизнь предметов и живых существ, они стали тащить под микроскоп все, что попадалось под руку: насекомых, бумагу, металлические пластинки. Так попал на стол лаборатории только что сорванный лист с одного из тополей, шумящих за окнами дома. Исследователи сфотографировали растение, оставили лист на столе и стали проявлять пленку. Спустя несколько часов они вновь взглянули на лист через разрядно-оптическую обкладку. Картина резко изменилась, хотя лист был тот же: уже не взрывались по краям листа протуберанцы, внутри него огоньки тускнели, как звезды на предрассветном небе. Исследователи подождали еще час. Гибель листа отчетливо отражалась в картине его электрической жизни.

Как-то приехали в Краснодар сотрудники одного из столичных институтов и привезли изобретателям для экспертизы два одинаковых листа.

Супруги Кирлиан не поверили своим глазам. Под токами высокой частоты зеленые близнецы дали совершенно разный рисунок. Изображение электрического состояния одного листа было из округлых деталей, рассыпанных симметрично, а изображение другого — из мелких фигурок, разбросанных группами. И что же?.. Оказалось, что один лист принадлежал растению, пораженному микроорганизмами.

Для чего листьям многих видов растений природой дана рассеченная форма?

Точного ответа на этот вопрос в науке нет.

Физики знают, что напряженность электрического поля особенно велика вблизи заостренных предметов. Именно поэтому на остриях перед грозой вспыхивают яркие искры — так называемые огни св. Эльма. «А может быть, нечто подобное происходит и на зазубринах листьев?— подумали Кирлианы. — И если так, то имеет ли это какое-нибудь значение для жизни растений? Не может ли способствовать стеканию излишних электрических зарядов с листа растения?

Нет ли связи между изрезанностью листьев, особой электрической активностью на их зубцах и газовым питанием? Не служат ли электрические заряды на зубцах для усиленной ионизации воздуха?»

Вот уже десять лет супруги Кирлиан работают над этой проблемой...

Какой цвет у плохого настроения!

Приборы, созданные краснодарцами, удивительным образом отмечают тонкие физико-химические процессы, происходящие в организме. Устал человек — электрический рисунок кожного покрова один, отдохнул, скажем, освежился холодной водой — другой; хорошее настроение — характер свечения новый, плохое — картина видоизменяется.

— Впервые мы это подметили так,— рассказывает Валентина Хрисанфовна.— Приехали к нам сотрудники из подмосковного научно-исследовательского института. Надо сказать, в то время наша аппаратура часто капризничала. Когда ее демонстрируешь, невозможно не волноваться. И на этот раз с первой же минуты дело не ладилось: муж несколько раз подставлял руку к прибору, но изображение было туманное, краски блеклые, не наведешь никак на фокус. Мы разбирали аппаратуру. Картина становилась все более нечеткой. Хоть откладывай демонстрацию!

Один из гостей, желая научиться обращению с прибором, подставил руку, взглянул в микроскоп и восторженно вскрикнул. Чудо! Обкладка работала безукоризненно. Картина четкая, яркая, красочная. Естественно, наше нервное напряжение упало. Семен Давидович снова подставил свою руку. Странно. В поле зрения была привычная картина, которую в начале демонстрации получить не удавалось. Значит, прибор реагирует на нервное состояние человека?

— Не может ли ваш прибор служить для диагностики заболеваний? — спрашиваю я.

— Я не врач,— говорит С. Кирлиан,— но приближение спазма сосудов головного мозга (у меня он бывает, ничего не поделаешь, возраст) я заблаговременно определяю по своей руке: что-то меняется в привычной картине электрического состояния.

Явление необъяснимое, не правда ли? Но, с другой стороны, известно, что кожа человека — зеркало организма. Ее участки (зоны Геда) связаны теснейшим образом с соответствующими органами. Но пока не ясно, существует ли четкая и определенная связь между характером свечения и состоянием организма. Может быть, в дальнейшем по характеру электрического состояния этих зон при помощи нашей методики ученые смогут определять патологические изменения в соответствующих органах?

Рентген наоборот

Ну, а что говорят специалисты о работе супругов Кирлиан? Где практически могут использоваться их открытия?

«Предлагаемый авторами метод является принципиально новым и заслуживает дальнейшего изучения... Можно с достаточной уверенностью сказать, что он найдет применение в клинике кожных заболеваний, поскольку он открывает новые возможности в исследовании структурных особенностей здоровой и патологически измененной кожи. Также можно с уверенностью сказать, что метод найдет применение в судебно-медицинской практике» — таково мнение специалистов отдела изобретательства и рационализации Министерства здравоохранения РСФСР.

Перспективы, которые открывает новое изобретение, еще шире.

Семен Давидович показывает мне черную коробку из плотного картона. Она пропитана и залита слоем парафина.

— Что лежит тут? — спрашивает он.— Сейчас увидите...

Он кладет коробку на стол, тушит свет, включает генератор, и я вижу, как сквозь слой картона проступают светящиеся контуры деталей, спрятанных в коробке. Вот гайка, гвоздь, пробка, кусок не то камня, не то металла. Интенсивность свечения предметов различна. Мне объясняют, что наиболее яркое свечение дают металлы. А это фарфоровая пробка,— у фарфора бледный силуэт, у дерева и каучука он ярче.

— Похоже на рентген наоборот,— говорю я.— Там видишь тени, а тут светящиеся силуэты.

Супруги соглашаются. И прибавляют, что при помощи высокочастотной установки, как утверждают специалисты-строители, можно исследовать железобетонные стены, металлические каркасы, проверять, нет ли там трещин, следить за процессом схватывания бетонного раствора...

Супруги Кирлиан уже на пенсии. Почему бы не помочь им организовать лабораторию в их родном городе Краснодаре? Или при любом научном центре Академии наук — в Москве, Ленинграде, Киеве? Ведь их изобретение, открывающее широкие перспективы в самых разных областях науки и техники, настоятельно требует немедленного внедрения, дальнейших уточняющих и углубляющих исследований. В лаборатории на дому проводить их просто невозможно, да, по существу, и не нужно. У нас в стране есть достаточно научных институтов, вооруженных совершенным исследовательским оружием. Многие ученые считают, что надо наладить выпуск необходимой аппаратуры — прежде всего высокочастотных генераторов.

Уже сейчас в маленькой домашней лаборатории Кирлианов побывали инженеры, биофизики, медики, физиологи, электроники, кибернетики и даже криминалисты. И каждый предлагает новую область исследований, требующую разработки специальной методики, каждый увозит с собой тоненькую, только-только пошедшую в рост веточку от нового в науке дерева, посаженного в Краснодаре.

Мильён

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Открытие Усуха принадлежит Илье Швецу. Усух надо было открывать, как мореплаватели и землепроходцы открывают новые острова и островки, новые земли, новых обитателей нашей планеты. Подгоняемый нетерпеливым желанием отыскать хотя бы единственную речушку, где бы не ступало, а точнее, куда бы не погружало своих снастей стремительно размножающееся и все более совершенствующее свое опустошительное оружие племя рыбаков-любителей, Илья все дальше и дальше уходил в глубь Брянских лесов, пока не вышел к Усуху. Двадцать пять дворов, окнами изб выходящих на единственную улицу, а задами один порядок — к речке, другой — к лесу, стеною нависшему над маленьким хутором,— вот и вся деревня. Усух не колхоз и, кажется, даже не бригада, а какая-то часть ее. Пахотной земли у этой бригады ежели наберется гектаров сто — и то хорошо. Зато кругом луга и большие поляны, сплошь заливаемые по весне водою, а летом покрытые высоченной травою. Идешь, бывало, по таким лугам, и оторопь тебя берет: пырей и разнотравье по грудь, под ноги не глянешь, а тут, сказывают, видимо-невидимо ядовитых змей, да и кабаны шныряют всюду.

Ядовитыми змеями всегда припугивают новичков, мы это знали и потому не шибко боялись. Что же до кабанов, то следы их попадались нам часто, особенно возле подсыхающих болот; там так наворочено, словно трудились десятки бульдозеров. Но вскоре и о змеях пришлось подумать всерьез: я собственными глазами увидел их на одной старой лесной дорожке, на которую сквозь макушки прореженных немецкими снарядами и минами деревьев падало солнышко; змеи (их было три) свернулись колечками и грелись на припеке. Я чуть было не наступил на эти серые зловещие кренделька. Но все это было позже.

Первым, напоминаю, заявился сюда с «бандурой» на плече Илья. Река Сев, как ему показалось поначалу, еще не разведана другими рыбаками. Жители Усуха — это на девяносто процентов женщины, очень старые и средних лет, молодые и совсем еще молоденькие. Мужья их, отцы, деды, сыновья и братья сложили головы либо в рядах армии, либо — таких больше — в партизанских походах. Илья, а позже и мы, бродя по лесам, видели на глухих лесных дорогах и полянах небольшие, поросшие холмики с подгнившими крестами или деревянными пирамидками. И сколько же их рассеяно в бескрайних дебрях! Ни надписи, ни какого другого знака на тех крестах да пирамидках — кто лежит под ними, чьи отцы, чьи сыны, чьи деды, поди теперь узнай... Грустно и долго простаивали мы у этих холмов, молчаливые, уходили дальше.

Не сразу, не вдруг Илья стал скликать нас в те места. Сначала, как и полагалось, он произвел тщательную рекогносцировку. Прежде всего, разумеется, проверил клев в Севе. Он оказался превосходным, в письмах к нам это уже был не клев, а жор. Спускаясь вниз по реке, он вскоре натолкнулся на другую, быстротечную, пока еще мутную, но, судя по многим признакам, тоже рыбную. Река эта по имени Нерусса, соединившись с Севом, поглотив вместе с его водами и его название, делает крутой изгиб и устремляется дальше, к Десне. И пока что, помимо усухских ребятишек, Илья не встретил ни одного рыболова. Это обнадеживало. Теперь надо было возложить на себя обязанности квартирьера: письма товарищам уже посланы, и со дня на день они могут нагрянуть. Перво-наперво познакомился с чуть ли не единственным в хуторе и весьма бойким старичком. На вопрос Ильи, отыщутся ли в Усухе две-три избы, в которых могли бы расположиться московские литераторы, старик, не тратя на обдумывание ни секунды, ответил:

— Мильён!

Услышав столь оптимистическое заявление, Илья, похоже, счел вопрос этот решенным. Сам поселился в избе сестер-доярок. Старшую зовут Римма, а младшую — Лена. Это неподалеку от Мильена. (Так теперь я буду именовать старика и потому, что слово «мильен» — его любимое слово, и главным образом потому, что не хочу до поры до времени называть его настоящей фамилии.) Сестры — живая, черноглазая, общительная Римма, ей было тогда под сорок, и угрюмоватая тридцатилетняя Лена — приняли постояльца со сдержанной радостью: видать, Илья не забыл сообщить им некоторые свои анкетные данные. В тот же день, подоив коров, они угостили поэта парным молоком, а к полудню, пока он рыбалил, притащили с лугов целый мешок черемши — дикого лука (по форме листа — щавель, по вкусу — ближе к луку), который оказался способным возбуждать зверский аппетит. Илья и без черемши не страдал отсутствием оного, с помощью же этого подножного подспорья сделался просто жаден: сестры успевали только поворачиваться. Правда, и он не оставался в долгу: в изобилии снабжал их окунями и щукой. К нашему приезду поэт успел раздобреть, под неизменной клетчатой его рубашкой очень явственно обозначился жирок; две тугие складки на потучневшей загорелой шее подпирали его крутой затылок; даже оспинок на лице стало меньше, часть их, должно, заплыла, затянулась благоприобретенным жировым отложением; и вообще на челе Ильи надолго поселилось отражение некоего внутреннего довольства. Коротая время между писанием стихов и ловлей окуней, он начал, будто вернувшийся с войны хозяин, кое-что починять на обветшалом сестрином подворье. Сперва врыл глубоко в землю две новые вереи, поднял с земли, приладил к ним ворота, поднял также плетни и поставил к ним с обеих сторон подпорки, напилил и нарубил побольше дров, вычистил хлев, сделал там из горбылей настил. К моему приезду Илья обжился настолько, что чувствовал себя и вправду хозяином, чему, судя по тихой улыбке Риммы и особенно ее младшей сестры, подлинные владелицы избы были только рады.

Получилось так, что в тот, 1959 год я приехал в Усух из Москвы один. Начав годом раньше работу над романом «Вишневый омут», я принужден был оставить службу и занимался только этой книгой. Поэтому мне ничто не мешало покинуть столицу когда угодно и укатить в каком угодно направлении. Если бы я проставил в конце «Омута» имена селений, где он писался, то там бы значились: село Монастырское на Саратовщине, поселок на Нижней Волге Никольское, Лопушь и Усух на Брянщине. В одном только месте не написано ни одной главы — в собственной квартире в Москве, в квартире, кстати сказать, со всеми современными удобствами. Одного, правда, удобства не было: тишины. Усух, лишенный всех прочих удобств, обладал одним, вот этим, последним, что для нас имело решающее значение.

Не подумайте, пожалуйста, что я возвожу хулу на город, который давно уже стал для меня и моих товарищей милым, родным и близким; родным хотя бы уж потому, что в нем родились наши дети, что он приютил нас, что мы его граждане, мы живем в нем. Просто всякий выбирает для своих литературных занятий тот уголок, который более всего подходит к его душевному складу. Роман «Солдаты», повесть «Наследники» и многие другие вещи писались мною в городе; «Вишневый омут» и «Хлеб — имя существительное» я мог писать только в деревне, и нигде больше. Современные впечатления будоражили память, вызывали к жизни, воскрешали видения далеких лет. Петух ли взлетит на плетень и, огромный, лохматый в сумеречной полутьме, заголосит во всю мочь; взмыкнет ли испуганный теленок на лужайке у своего прикола; пробежит ли с удочкой мальчонка и оставит на поседевшей от росы траве зеленые отпечатки босых ног; раздастся ли в утренней свежести вязкий хряск одинокого топора; запах ли деготька долетит до ноздрей от телеги; бодрый ли рокот трактора на далекой, пресно пахнущей меже коснется твоего слуха — и все уже поет в тебе, манит, зовет куда-то, рождая множество самых разнообразных и, казалось бы, немыслимых ассоциаций.

В одном всякий раз испытывалась мучительная неловкость: как ты, явившийся в село бог весть откуда с удочками в руках и рюкзаком за плечами, как ты докажешь людям, которые от зари до зари заняты совершенно определенным и всем понятным и всем видимым делом, что ты тоже не бездельник, что твое занятие также необходимо? Когда сидит писарь в сельском Совете и пишет, это понятно, это его работа; когда же сидишь ты и что-то там сочиняешь, это странно, это вызывает хорошо если улыбку удивления, а чаще снисхождения: взрослый, здоровый мужичище, а занимается черт знает чем. Сельский житель любит книжки, но он несокрушимо убежден, что пишутся книжки в городе, а в деревне должно пахать землю, сеять хлеб, доить корову и рубить дрова. Требовалось какое-то время, чтобы растаял ледок этой подозрительно-удивленной настороженности со стороны крестьян, чтобы они поняли наконец, что книжки пишут обыкновенные люди, а не апостолы Петры и Павлы. В родном селе легче: там тебя знают с детства. Иное дело — Усух...

Впрочем, значительную часть дела уже сделал Илья. Он снял загодя с моего появления определенную долю неизбежной при таких обстоятельствах неловкости. Об одном лишь позабыл наш верный друг Илья: из обещанного «мильена» он подобрал квартиру пока что только для себя, мне же ничего не оставалось, как воспользоваться гостеприимством словоохотливого старичка. Поселившись у него и проживши день-другой, осмотревшись малость, я понял, что выбрал далеко не лучшее место.

Жил Мильен со своей женой-старухой в большой избе, добрая половина которой отведена сеням, доверху загруженным разной разностью. Чего только не было в тех сенях! Кадушки всевозможнейших размеров и всевозможнейших возрастов — совершенно новенькие, полуразвалившиеся и развалившиеся; около десятка пахтанок; множество топоров с топорищами и без таковых — эти последние понатыканы у истоков крыши вперемежку с ржавыми, иззубренными лопатами; вдоль стен — мешки; на мешках — доски и ящики, всклень насыпанные гвоздями и лошадиными подковами. Все это добро опутано, точно тенетниками, старыми, рваными сетями и вентерями; натуральный же тенетник густо и душно висел под самым коньком высокой соломенной крыши без потолка; слышалось, как в смертной тоске бились там жирные, изумрудные навозные мухи. Вторая, жилая, половина

Глава из «Повести о моих друзьях-непоседах». Полностью книга будет опубликована в журнале «Молодая гвардия».

избы, в свою очередь, поделена была надвое, потому как там разместилась во всем своем царственном дородстве наша российская деревенская печь. За печью, задернутая занавеской, узкая железная кровать — она-то и была предложена мне. В правом углу, под образами,—стол, покрытый толстой и липкой клеенкой. В одном месте клеенка как бы вспухла, и вскоре я понял, почему. Мильен, припадая на левую ногу и непрерывно говоря что-то, сразу же направился к тому столу и вытащил из-под клеенки желтый газетный сверток. Долго разматывал его, извлек почти черную, до смерти измученную бумажку и попросил меня прочитать вслух. Поняв, что бумажка эта не простая, а золотая для старика, я прочел со всей возможной выразительностью: «Сие удостоверение выдано имярек в том, что он действительно помогал нашему отряду дважды переправляться через Сев и Неруссу, а также и по продовольственной части.

Командир партизанского отряда».

Фамилии командира разобрать не удалось.

Старик, счастливо помаргивая маленькими синеватыми глазами, полуоткрыв беззубый рот, ждал, как я отреагирую. Я, конечно, поглядел на него с восхищением. А через минуту мое уважение к хозяину возросло еще больше. Я увидал, что все стены его избы залеплены плакатами, исключительно направленными на борьбу с браконьерами. Старик не преминул тотчас же подтвердить, что он злейший враг браконьерства, что он в здешних краях вроде егеря, что о нем знает вся округа, а с суземским, районным, значит, начальством он на короткую ногу.

Созерцая в сенях его богатство, я поначалу не обратил внимания на странный предмет — длинный шест, на один конец которого приделана цилиндрической формы железяка. Не обратил внимания и на другую штуку, похожую на четырехрогие вилы,—острия рогов их почему-то загнуты крючком. Немного насторожил меня огромный запас пороху и дроби, которым старик похвастался в первый же час моего квартирантства. Недобрый смысл всех этих вещей стал для меня очевиден несколько позднее.

Сейчас же я был занят другим: мне было ясно, что избранное мною жилье на жилье только и сгодится, работать в нем невозможно. Я отправился на поиски. Напротив увидал избушку, которая показалась мне пустующей. Поскольку была середина мая, я мог бы, не думая об отоплении, приспособить ее под свой личный «кабинет». Избушка и вправду пустовала. С помощью Мильена я быстро нашел опекуншу из родственниц уехавших и быстро договорился с нею относительно уплаты за «амортизацию» брошенной хаты. Илья мобилизовал сестер, и те быстро привели ее в относительный порядок. Старик отыскал среди сенной своей рухляди старенький стол, закрепил в нем ножки и втащил в мой «кабинет». Так что с завтрашнего утра можно было приступать к занятиям. По правде говоря, такое двойное мое расположение оказалось лучшим из всех возможных: спал и харчился у Мильена, а занимался писанием в избе, где никто не мог мне помешать.

Отдыхая, я рассматривал семейные фотографии, почему-то оставленные хозяевами, портреты кинозвезд и разные картинки из иллюстрированных журналов, которыми были оклеены все стены. По картинкам и по портретам известных артистов кино я мог заключить, что у незнакомого для меня хозяина была дочь, а может быть, и несколько взрослых дочерей. По приезде в Усух в хижину мою стал часто наведываться Сергей Смирнов. Двумя годами позже в его сборнике «Веселый характер» я прочел стихотворение под названием «Изба». Вот строчки из него:

Под стеклом пестреют фотоснимки,
Женихи, невесты в полный рост,
Бабка со внучатами в обнимку
И набор
советских кинозвезд.
Как сюда попали кинозвезды,
Ведь вокруг столетний Брянский лес?
Вероятно, родниковый воздух
Пробуждает к звездам интерес.

Чтобы, очевидно, не было кривотолков относительно того, чья хата оказалась прототипом его «Избы», Сергей посвятил это стихотворение мне.

Прочтя, я грустно улыбнулся. Увлекшись эффектным образом, поэт, очевидно, запамятовал, что «родниковый воздух», пробудивши интерес к звездам, почему-то не задержал хозяев избы в Усухе, что, забыв обо всех благостях сельской жизни, они, лишенные, похоже, поэтического воображения, подались в город...

В первый «творческий» день удалось посидеть над рукописью не более трех часов: Илье не терпелось показать мне новые владения, и он уже несколько раз прошел мимо моего окна со своею «бандурой». В конце концов не выдержал и вошел в избу.

— На сегодня хватит! Пошли. Ребятишки червяков нарыли.

Оказывается, предприимчивый Илья успел наладить с усухскими мальчишками прочные деловые отношения. На целое лето снабдил их крючками и лесками, а они обязались обеспечивать нас червяками — основной насадкой для наших удочек. Надо сказать, что ребята выполняли свои договорные обязательства в высшей степени добросовестно.

Два часа ушло на осмотр Сева. Сначала мы поднялись километра на два вверх, а потом спустились вниз, до впадения Сева в Неруссу. Признаюсь, более красивых берегов я нигде еще не видывал. Казалось, поблизости жили одни поэты, и они-то засадили прибрежья тихой и действительно задумчивой речушки наполовину черемухой, наполовину ракитой и черной смородиной. Черемуха цвела во всю мочь. Казалось, река закуталась в горностаевую шубку. Соловьиные хоры не затихали ни на минуту. Ракиты были старые и высокие. Многие из них, подпиленные бобрами, лежали поперек реки, и от стволов, гонимые тайною, невидимою силой жизни, стремительно рвались вверх, к солнцу, прямые, как стрела, отростки, для которых пока что хватало живого соку в толстой коре родимого дерева. По берегу надо ступать осторожно: всякую минуту можешь провалиться в бобриную нору и сломать ногу. У бобриной норы два выхода: верхний выводил зверя на сушу, в лес, в луга; нижний—прямо под воду. Бобриная работа видна была всюду. В одном месте начисто срезаны талы, в другом — повалено огромное дерево, в третьем — такое же дерево, только уж обработанное, то есть распиленное на бревна и освобожденное от ветвей; самих ветвей не видно: ушли, видать, на кормежку.

Наслушавшись досыта соловьев и насмотревшись всего этого, Сергей Смирнов впоследствии воспылал чувством горячей признательности к открывателю Усуха, первому исследователю здешних краев Илье Швецу, и посвятил ему такие строчки:

Я живу в деревне соловьиной,
Где обрел рабочий кабинет.
Рядом Русь граничит с Украиной,
А границы, собственно, и нет.

Есть поля да белый цвет черемух,
Есть леса да реченьки свои,
Где в сплошных ракитовых хоромах
Набирают силу соловьи.

Как займутся посвистом бедовым,
Поведут — замри и не дыши!
Соловьи седым солдатским вдовам
Возвращают молодость души.

И бегут от сердца к сердцу нити,
Что-то сокровенное тая.
Соловьи-кудесники, взгляните:
Не у вас ли молодость моя?

Не она ли в старой плащ-палатке,
В рядовой пилотке набекрень
От меня шагает без оглядки
По одной из этих деревень?

Соловьи неистовствуют пуще,
Всех невест хотят свести с ума,

От реки в бессмертие текущей,
Словно гром, врываются в дома.

А бобры, нарезав прутьев грубых,
Стелют их у влажных нор и ям,
И сидят в своих боярских шубах
И вовсю внимают соловьям.

Соловьи — в лирической разведке,
Соловьи — у каждой колеи,
Соловьи — почти на каждой ветке,
И на сердце — тоже соловьи.

Соловьи способны пробраться в сердце не только поэта, но и прозаика. Одно лишь смутно тревожило меня и не позволяло целиком отдаться во власть соловьиных чар.

Я все искал свежих бобриных следов, а их-то как раз и не было. Вспомнил про шкурку, которой Мильен покрывал кадушку с дробью. Вспомнил и про загадочные слова самого Мильена, твердившего невнятно про какую-то дыру, которая могла бы его выручать, которой, однако, не было в его распоряжении. Вырываясь вперед, скажу, что вскоре я понял, о какой дыре идет речь. Мильену нужно было место, куда бы он мог сплавлять мех. Это на его своеобразном языке и называлось дырою. Не искал ли он во мне своего посредника? Похоже, да. Хитрый и сметливый, старик, однако, очень скоро понял, что тут номер его не пройдет, и затаился. Но не настолько, чтобы я не мог видеть его проделок. Вечером, возвратясь из похода, я застал старика за новым занятием. Напилив из соснового бревна несколько колесиков, он раскалывал их на мелкие чурки. Я думал, для самовара, но чурки имели иное назначение. Облитые предварительно смолою, они были унесены в лодку, аккуратно сложены на корме в специальный противень и, как только смерклось и все на хуторе умолкло, угомонилось, вспыхнули факелом.

Ночью, выйдя на зады, я видел, как факел этот медленно двигался, рассеивая кромешную тьму, вдоль противоположного берега, и оттуда время от времени раздавались бульканье и всплески. Под утро, сквозь сон, я слышал возню в сенях, потом громыханье обутых в высоченные яловые сапоги ног в самой избе, кряхтенье, укладывание на широкой лавке, где хозяин спал не более двух часов в сутки. Подымался он раньше меня, когда бы ни заснул.

И в тот раз соскользнул с лавки с третьими петухами, проковылял в сени, собрал там что-то и исчез до двенадцати часов дня. Утром, направляясь в свою хижину, я увидел все те же странные вилы. Они стояли теперь в другом месте На загнутых концах перламутрово переливалась под лучом, пробившимся в стене между неплотно лежащих друг на дружке бревен, крупная рыбья чешуя. Острога! Так зовут это чудовищное оружие. Оно настигает леща, жереха, крупную плотву, карася, линя, щуку спящими на полводе, поближе к берегу, и, пущенное удачливо, пронзает насквозь, нанизывает жертву на все четыре хищных зуба, при промахе (что бывает чаще) смертельно ранит или наносит такие увечья, которые обрекают рыбу на медленную смерть.

Неделею позже открыл наконец себя и длинный шест с большим цилиндрическим наконечником. Среди бела дня, сидя в своей избушке, я вдруг услышал глухие удары об воду, похожие на отдаленные взрывы бомб. Быстро выскочил из избы и пошел в направлении взрывов. В километре от Усуха, в верхнем течении Сева, там, где река рассекается надвое Бобриным островком, увидал лодку, а в лодке Мильена с тем шестом.

Маленький, сухонький, поджарый, с удлиненным хориным лицом, старик по-хориному же и изгибался, со страшною силою ударяя цилиндрическим концом по воде. Вода со стоном ухала, из-под цилиндра взрывалась фонтаном. Все живое под водою ошалело шарахалось подальше от чудовища, то есть туда, где были расставлены сети. Я не выдержал и прекратил это злодейство. Мильен долго не мог понять моего гнева. Твердил:

— Нешто ее усю выловишь? Ее издесь мильен.

— И бобров мильен?

— И бобров мильен!— живо и радостно подтвердил старик.

Владельцы огромнейшей и богатейшей земли, не потому ли мы иной раз бываем бедны, что привыкли все считать не на штуки, а на «мильен»? Ну что из того, что мы загрязним ядовитыми заводскими отходами какую-нибудь там малую речушку и обезрыбим ее, когда у нас таких речушек мильен? Что из того, что вырубим какую-то небольшую рощу, когда полстраны у нас сплошь покрыто лесами, когда у нас таких рощиц мильен? Что из того, что мы истребим зверя и птицу на какой-то части страны, скажем, в Центральной России, когда и зверя и птицы у нас более чем предостаточно в Сибири и на Крайнем Севере, когда их там мильен? Что из того?.. И вот читаешь бодрые, брызжущие оптимизмом строки бойкого репортера: «В тайгу пришел человек. Застучали топоры, завизжали, запели пилы. Зверь бежит». Зверь бежит, разумеется. А вместе со зверем убегает куда-то и тайга. На новом месте вырастает город, и вкруг он голехонек — ни деревца, ни кустика вокруг. Спешно собирается актив. Городской Совет мобилизует комсомольцев, пионеров. Начинается шумная кампания по лесонасаждению. Наспех, как попало втыкаются прутики, в бумагах ставятся галочки — и все довольны.

Казалось бы, разум должен подсказать элементарнейшую вещь: ты затеял город среди вековой тайги, среди красы, доставшейся тебе даром; огороди же хотя бы самую малую часть ее высоким, прочным забором и не пускай туда никого до поры до времени. А когда вырастет город, когда на его окраинах задымят заводы, когда улицы заполнятся усталыми рабочими людьми, поставь у забора арку, напиши на ней два слова: «Городской парк» — и пусти туда людей, пускай они отдохнут, подышат сладким и чистым воздухом, а дети и внуки их пусть порезвятся. Это будет парк, какой и за сотню лет не взрастишь!

Мы говорим «мильен» в Центральной России, но такое же приходится слышать и в других частях огромнейшей страны, стало быть, истребление природы идет повсюду.

Картина станет еще тревожней, если мы вспомним, что мой усухский Мильен — особь отнюдь не единичная, что и без того либеральные наши законы о защите родной природы везде и всюду нарушаются самым бессовестным образом, что к не поддающейся учету армаде браконьеров присовокупляется сонмище охотников и рыбаков-спортсменов, которых сам закон, как бы само правосудие благословили, чтобы они денно и нощно истребляли все живое на земле; причем средства истребления совершенствуются с невероятной быстротой: теперь уж на каждую рыбешку, наверное, приходится по одному рыболову-спортсмену, на каждого зайца, на каждую дикую утку — по пять-шесть охотников. После всего сказанного надо удивляться не тому, что у нас меньше стало зверя, птицы и рыбы, а тому, что они еще кое-где попадаются!

Со страниц то одной, то другой газеты раздается набат; умные, проницательные люди подают сигналы бедствия, но кто их слышит, те сигналы?

Как-то, будучи у Леонида Максимовича Леонова, я сказал, обращаясь к этому ратоборцу в защиту зеленого нашего друга:

— Кровь вскипает в жилах от чтения ваших статей. А велик ли результат? Вы же продолжаете и продолжаете бить тревогу...

— А что делать?— глухо и грустно ответил он.— Когда на ваших глазах три гориллоподобных существа собираются или уже насилуют двенадцатилетнюю девочку, неужели вы не вступитесь за нее? Вы знаете, что в лучшем случае вам побьют физиономию, что вы с ними не сладите, и все-таки, ежели вы человек, вы не останетесь в стороне, не можете не выступить на защиту беззащитного!..

Зеленый друг для Леонова — существо беззащитное, равным образом как и зверье, и птица, и рыба: они бессловесны.

И еще.

Отчего получается так, что одно мы возводим и рядом с вновь воздвигнутым непременно теряем ценное и нужное нам? Почему, построив электростанцию на реке, мы сейчас же делаем эту реку бесплодной, хотя вчера еще она кишела рыбой? Отчего Волга, озарившись светом гигантских станций, перестала существовать для рыбного промысла чуть ли не на всем ее протяжении? Отчего рядом с большими стройками обязательно должны исчезнуть такие же большие леса, даденные природой не одному, а множеству поколений?

...Назавтра, в полдень, украдкой от Ильи ушел я не на речку, а в лес. Долго и бездумно бродил по узким дорогам и тропам. По косым, сделанным под елочку надрезам на коре многих сосновых стволов медленно стекала растопленная солнцем янтарная, горячая смола, постепенно наполняя прикрепленные под надрезами железные, трехугольной формы кружечки. Сосны были редкие и толстые. Стволы их светло-желтые, сучкастые. Временами над головою со скоростью пулеметной строчки и с таким же опасным жужжанием проносились отроившиеся стада пчел. На вершине одной сосны я увидал улей, а у подножия — Мильена, только что спустившегося с дерева. Я и теперь не знаю, как он, колченогий, клешнятый, семидесятипятилетний, взобрался на такую верхотуру, да не один, а вместе с огромным ульем. Оказалось, за утро старик успел расставить шесть ульев-уловителей. Так он каждую весну охотится на отроившиеся пчелиные семьи и потом продает их либо таким же, как он, любителям, либо на колхозную пасеку.

— Тут их мильен!— сказал он мне, тыча заскорузлым пальцем в висевший на ветке орешника ворочавшийся клубок медоносных насекомых.

Потом нам попался свежий след кабанов, их, по свидетельству вездесущего моего хозяина, в здешних краях также мильен. Чтобы я убедился собственными глазами, повел меня сначала в глубь леса, где становилось все сырее и прохладнее, вывел на поляну, к озеру, сам полез на дерево и приказал мне лезть вслед за ним. Угнездившись там на прочных, толстых сучьях, мы огляделись. Внизу, ближе и дальше, там и сям, бушевала черемуховая кипень, ноздри расширялись, надувались парусом от густой смеси разнообразнейших лесных запахов, по всему телу разливалась какая-то благость. Грустно думалось, что придет твой час и все это останется, а тебя уже не будет...

Старик между тем что-то высмотрел и подтолкнул меня своим острым локотком.

— Чуешь? Чавкають...

Я прислушался. Звонкое, сочное чавканье явственно долетало до нас.

— А зараз гляди в оба. Выйдуть на поляну.

Вышел один хряк. Сначала из-за зеленой плотной стены камыша высунулось его предлинное красновато-рыжее рыло с черным, облепленным сырою землей пятачком. Затем появилась огромная голова, а потом и все суженное к заду рыжее туловище. Я невольно покрепче обнял ствол сосны, а старик тихо хохотнул. Зверь почуял что-то, фыркнул, не спеша повернулся и вскоре скрылся в камышах, таща туда заляпанный маслянистой грязью сплюснутый с боков зад.

— Зараз нельзя спушаться. Не ровен час, вынырнет обратно. Тогда беды не миновать. Обождем чуток...

Пока ждали, когда кабанье стадо удалится, старик доверительно сообщил мне о беспокоившем его в последнее время деле. У него была дочь. Полгода как вышла замуж, теперь на сносях, а муж ее, Ивана, должны вот-вот призвать в армию. И как же она теперь будет без Ивана? Я не раз видел румянощекого, общительного юношу на Мильеновом подворье, но не знал, что это зять моих хозяев. Не знал и того, что между Иваном и его тестем идет отчаянная и невидимая война. Мильен, чтобы как-то оставить Ивана в Усухе, чуть ли не каждое утро отправлялся в Суземку, в военкомат, и в дар начальнику относил свежую рыбу. Тем же самым занимался и Иван, только цель у него была совсем иная: он приносил рыбу военкому и упрашивал, чтоб его поскорее призвали в армию. Рассказывая потом нам эту историю, военком хохотал от души. Рыбу он брал и от тестя и от зятя, а в выигрыше от этой операции оказывался детский сад.

Не проиграл, однако, и зять. Его вскорости призвали в армию. Старик нахмурился и с того дня резко сократил свой рыбный промысел. Упрятал куда-то подальше и сети, и острогу, и шест с окаянным его наконечником, а сам на определенное время целиком переключился на пчелиную охоту. Вскоре и без того маленькие его глазки заплыли окончательно от пчелиных жал, и на свет божий он зрил сквозь узкие щелочки.

ЭКСПОНАТЫ ГОВОРЯТ

Государственный исторический музей. Под толстым стеклом витрин бесстрастно молчат экспонаты. Но если заставить их заговорить, они могут оказаться красноречивыми, нужно только раскрыть историю этих вещей.

Массивная, тяжелая цепь. К ее плоским золоченым кольцам прикреплена медаль. «Мировой посредник», — выгравировано по краям.

В 1861 году, после отмены крепостного права, мировые посредники из различных уездов надевали такие цепи с медалями. Всех мировых посредников утверждал

правительствующий сенат. Свои обязанности мировые посредники понимали весьма по-разному.

Рядом с золоченой цепью в витрине карикатура из неопубликованных материалов сатирического журнала «Искра», издаваемого поэтом-демократом Василием Степановичем Курочкиным. На карикатуре изображен становой пристав, расправляющийся со «свободным» мужиком, а посредник — толстый барин, опираясь на трость, довольно улыбается.

Третий экспонат представляет собой полуистертую фотографию, на которой запечатлены 13 мировых посредников Тверской губернии, подвергнутых в 1862 году административной каре за слишком рьяную защиту интересов освобождаемых мужиков. Глядя на эту фотографию, вспоминаешь, что цепь мирового посредника носил и молодой Лев Толстой и что именно эта цепь послужила поводом для начала тайных наблюдений III отделения за писателем.

Л. Н. Толстой в 1861 году был назначен мировым посредником. И в августе того же года 18 дворян Крапивенского уезда подали на него жалобу, заявив, что «действия и распоряжения гр. Толстого по должности мирового посредника для нас невыносимы и оскорбительны».

12 декабря 1861 года уже все помещики Крапивенского уезда писали в новом заявлении уездному предводителю: «...в видах общего спокойствия мы покорнейше просим Вас от лица всего дворянства Крапивенского уезда ходатайствовать об увольнении графа Толстого от должности».

Далее объяснялось, что Толстой взыскивал с помещиков в пользу крестьян, разрешал крестьянам травить помещичьи луга, рубить барский лес и протестовал против переселения мужиков на худшие земли.

Уездный предводитель не замедлил отослать копии заявлений дворян с приложением собственного обвинительного письма тульскому губернатору. Жалоба на мирового посредника графа Льва Николаевича Толстого попала к министру внутренних дел Валуеву.

С 3 января 1862 года III отделение начинает тайные наблюдения за писателем.

Нежелание идти на компромисс с властями вынудило Толстого подать в отставку. Сенат просьбу свободомыслящего графа с удовольствием удовлетворил.

А в деле департамента полиции между тем появилась заметка: «При эмансипации 61 года граф Толстой был мировым посредником и при разверстании держал всегда сторону крестьян в ущерб помещикам, чем вызвал неудовольствие как владельцев, так и мирового института, и принужден был оставить должность...»

Н. РАБКИНА

СЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

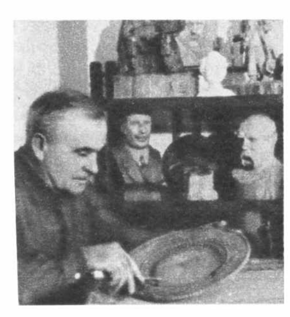
Читатель «Огонька» Д. Маюк из Винницкой области прислал в редакцию две заметки о хороших людях.

Сорок лет Максим Иванович Пилявец работал агрономом. Выйдя на пенсию, он занялся рисованием и резьбой по дереву. Декоративные тарелки, статуэтки, барельефы и другие произведения резчика демонстрировались на выставках народного искусства в Виннице.

Работы Максима Ивановича экспонируются в Винницком областном краеведческом музее, их видели киевляне на республиканской выставке и москвичи в дни декады украинского искусства.

В августе ему исполнилось 70 лет. Его приветствовало областное радио. В клубе сахарозавода, где он работал последние 15 лет, состоялся юбилейный вечер.

Поселок Вороновица

На снимке: М. И. Пилявец вырезает декоративную тарелку с портретом Н. А. Щорса.

Фото М. Андрейчука.

●

Федор осиротел подростком. Днем пас общественное стадо, вечерами учился. С помощью полученных знаний юноша сделал небольшую динамо-машину, приводимую в движение ногой. Сидит, читает, нажимая ногой на педаль,— динамо-машина движется и подает свет висящей над столом лампочке. А когда встает, лампа гаснет. Это неудобство заставило Федора Захарчука сделать ветряк. Сила ветра двигала динамо-машину, которая давала ток уже для двух лампочек.

Повзрослев, Федор Захарчук построил на своем дворе электропилу, работающую от собственной электростанции.

В 1947 году Федор Захарчук построил на водяной мельнице электростанцию, осветившую колхозный двор и несколько хат.

Федор Захарчук — ценный человек в колхозе. Сейчас он заведует электростанцией. Помогает механизаторам: там машину наладит, там устройство какое-нибудь придумает. Недавно, перед началом уборки урожая, Федор Захарчук заметил, что в колхозе мало зернопогрузчиков. Собрав со списанных комбайнов и молотилок части, он за два дня соорудил зернопогрузчик собственной конструкции. Машина несложная, но пользу хозяйству приносит большую.

Село Федоровка.

Фонтан за фонтаном

Обычно раньше открывают нефть, и уже потом появляются трубопроводы. В белорусском Полесье случилось наоборот. Раньше здесь пролегла магистраль нефтепровода «Дружба», а потом, под Речицей, всего в нескольких десятках метров от международной трассы, буровая № 8 дала первую промышленную белорусскую нефть.

Геологи еще не могут точно назвать выявленных запасов, но нет сомнения, что новое месторождение очень богато. Изыскательские работы продолжаются. Приходят сообщения о новых мощных фонтанах.

В. ПОНОМАРЕВ,
собкор «Огонька»

На снимке: буровая № 19 дала нефть с глубины 2 198 метров.

Версты полосаты...

В Москве, у заставы Ильича, стоит белокаменный столб со странной для наших дней надписью: «До Москвы 2 версты». Этот старинный верстовой столб установлен в 1783 году.

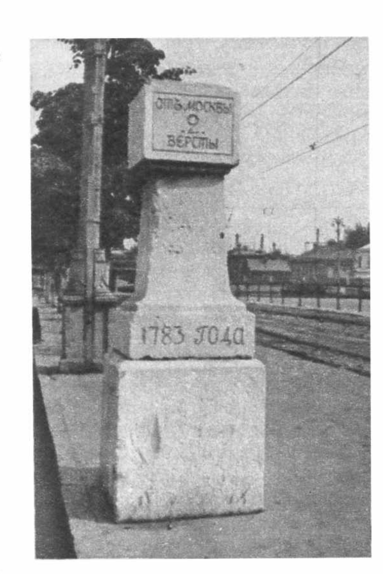
Верстовые столбы на Руси впервые появились в XVII веке. Их устанавливали на проезжей дороге из Москвы в Коломенское. С 1735 года верста стала приравниваться к 500 саженям, и народная поговорка «верста коломенская» употреблялась для обозначения чего-либо непомерно большого.

Верстовые столбы, установленные на Петербургском тракте в 1744 году, служили ориентирами для ямщиков. Их косые черные полосы и цифры, указывающие число верст от и до столицы, были видны издалека.

Слово «верста» употреблялось и как степень равенства или соответствия. Это нашло свое отражение в пословице: «Невеста родится — жених на коня садится — вот верста». В одном из древних писем Посольского приказа встречаются слова: «...велено давать папскому послу Поссевину запас в ту версту»,— то есть в том же количестве, что и другим послам. В типографском термине «верстать» верста фигурирует уже как признак расположения набора на странице, а в слове «верстак» та же верста определяет процесс выравнивания поверхностей, например, при строгании доски рубанком.

Так многоликая верста, уступив на дорогах место километру, продолжает свою жизнь в наших обиходных словах.

А. МИХАЛКОВ

На снимке: верстовой столб у заставы Ильича.

Фото В. Бабаева.

В № 38 «Огонек» начинает печатать повесть О. Шмелева и В. Востокова

«ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»

Повесть эта — об одной операции, проведенной советскими контрразведчиками в недавние годы.

Иллюстрации художника О. Коровина.

Разговор продолжается:

«ПРАВИЛА И ИСКЛЮЧЕНИЯ»

Так называлась статья Б. Шумилина, заведующего отделом административных органов ЦК КП Белоруссии, опубликованная в № 29 журнала «Огонек». Автор повел интересный разговор о проблемах воспитания молодежи. Публикуемый очерк — продолжение этого разговора.

ГЕНКА ЗЯБЛИКОВ, БЫВШИЙ КОРОЛЬ

В. СЕРГЕЕВ

Королем быть нелегко. Эту истину подтверждает история. В том числе история Генки Зябликова, моего знакомого, который в шестнадцать лет стал королем Брода. Поясню сразу, это не страна и не остров, а просто часть одной из центральных улиц Свердловска длиною в четыреста погонных метров от здания Театра музыкальной комедии до небольшого водохранилища. Брод живет по своим законам, не очень уважая те, что действуют в остальной части города. Его законы не писаны, но понимаются населением королевства довольно четко. Там власть принадлежит силе и удерживается в руках короля силой. Королю предоставлено право решать споры, то и дело возникающие среди непокорных подданных. Он дает или утверждает уже прилипшие клички. Он объявляет войны иноплеменникам, которые то и дело вторгаются в его владения,— на Брод частенько приезжают большие и дружные компании ребят с окраины.

Все это напоминает игру — пусть странную и непохожую на те, что рекомендуют Министерство просвещения и журнал «Вожатый». Каждый вечер приходят подростки на Брод. Шумно здороваются, собираются оживленными, пестрыми кучками. Подолгу болтаются у входа в здание почтамта, улюлюкая и задевая прохожих. Уточняются финансовые возможности, после чего кучки перемещаются к дверям «Гастронома». Соображается выпивка. Если денег хватает, берут водку, бутылку — на троих, на четверых. Если с «валютой» туго, берут фруктовое или плодоягодное вино. Распить можно в кафе на втором этаже магазина, очень удобно. На закуску — пачка мороженого. Как трубка мира, идет она по кругу. Теперь веселее. Быстро захмелев, юнцы с шумом вываливаются на центральную улицу города. Последствия нетрудно себе представить...

Обо всем этом и о многом другом рассказал мне Генка Зябликов, бывший король, в общем-то неглупый парень. Я познакомился с ним в Москве, в детском приемнике. Есть такое учреждение, где месяц-два содержатся подростки, которые в силу определенных и, как правило, не очень веселых обстоятельств оказались вне семьи, вне школы — словом, вне. Их задержали и до выяснения причин безнадзорности поместили за высокие, глухие стены бывшего Данилова монастыря...

Не то чтобы я не поверил россказням Генки, нет. Просто в его судьбе, в судьбах других ребят и девочек, с которыми я познакомился в приемнике, было столько всяческих противоречий, сложных коллизий и неожиданных, а иной раз и закономерных поворотов, столько было видно воспитательных прорех, что я решил съездить в те места, где родился Генка, где он учился, работал, где стал королем в шестнадцать лет.

Путь в Свердловск лежал через длинные коридоры и по-деловому строгие кабинеты дома на улице Огарева — там находится Министерство охраны общественного порядка Российской Федерации. Еще не отправившись в путь-дорогу, я понял, что ключ к проблеме подростка куется не только педагогами, не только пионерскими и комсомольскими работниками, но и милиционерами. Правда, на первый взгляд люди, которых я встретил на улице Огарева, занимаются вопросами, которые стоят довольно далеко от функций милиции: психология детей и подростков, специальные отрасли педагогики, проблема свободного времени, спортивные лагеря, создание кинофильмов и книг для ребят. Деятельность милиции сегодня строится на основе глубокого научного анализа причин возникновения правонарушений. Внимательному исследованию подвергается каждый аспект проблемы безнадзорности и правонарушений — экономический, правовой, педагогический. Здесь я встретил научных сотрудников, занимающихся исследованиями в области психологии и педагогики, опытных партийных и комсомольских работников, лишь недавно надевших мундиры.

Нельзя не признать, что наша милиция нашла верную точку зрения на саму проблему подростка. Она ищет истоки правонарушений. Новые направления в ее деятельности логически развивают замечательные традиции чекистов времен Дзержинского...

Но вернемся к Генке Зябликову и продолжим рассказ о его нелегкой судьбе. Генка родился в Челябинске в 1947 году. Счастливая пора детства кончилась для него довольно рано. Ему не было и десяти, когда между родителями начались разногласия. В чем там было дело, кто из них виноватей, Генка не знает и поныне. Вначале надолго исчезла мать. Жизнь вдвоем с отцом, инженером трубопрокатного завода, была в общем-то неплохой. Вольной. Отец сам вырос, ни разу не ощутив на плече твердой мужской руки, и был, видимо, лишен передающегося из поколения в поколение чувства, которое называется отцовством.

Когда неожиданно вернулась мать, то мужчины, большой и маленький, были обрадованы. Но вскоре оба заметили, что мать стала какой-то чужой. В просторной квартире стало тесно. Генка первым почувствовал это. Мать не разрешала ему приводить к себе товарищей: наследят, поцарапают полировку мебели. Пока ее не было, чем только не занимался Генка с друзьями: сделали макет электростанции, заводную черепаху, даже подводную лодку. Строгали, пилили, паяли...

А теперь мать выпроваживала его на улицу, во двор. Вспомним, кстати, что нам, кто рос до войны в тесных, густонаселенных коммунальных квартирах, родители никогда не запрещали приводить целые ватаги сверстников, они не считали царапин на славянских шкафах и пузатых комодах, справедливо полагая, что любые затеи дома лучше уличных проказ. Нынешние же мебельные гарнитуры сумели вытеснить ребят на улицу.

А на улице... Там свои нравы, свои обычаи, свои развлечения. В те годы, когда Генка становился подростком, по стране прокатилось демографическое эхо войны — увеличилось число ребят, родившихся в первые послевоенные годы. В Челябинской области это было особенно заметно: в 1946 году там родилось детей в два с половиной раза больше, чем в сорок четвертом. Ребята росли, им не хватало ни яслей, ни детских садов, ни школ (учились в три смены). Они не вмещались в Дома пионеров, в тесноту станций юных техников. Многие руководители ведомств и организаций, занимающихся воспитанием детей, оказались не подготовленными ко всему этому и беспомощно разводили руками. Не хватало ни воспитателей, ни идеологических учреждений, чтобы противостоять влиянию улицы. Заметим в скобках, что и сейчас отголоски эха еще раздаются—по-прежнему остро ощущается нехватка того, что мы называем материальной базой для воспитания тех, кому сегодня 14—16 лет...

Меж тем в семье Зябликовых продолжались скандалы. Генка становился невольным свидетелем взаимных упреков и оскорблений. Выбегая все чаще и чаще на улицу, он слышал, как судачат соседки о его родителях. Он затыкал уши или дико свистел, пугая сидевших на лавочке женщин. Но свист не заглушал растущего в маленькой смятенной душе неуважения к взрослым. А те, словно сговорившись, снова и снова давали для этого повод.

Выражаясь Генкиным языком, его дальнейшая жизнь пошла зигзагами. Мать снова уехала. Правда, она забрала и сына. Зачем она это сделала, Генка так и не понял. Его дела и заботы мать не интересовали, и он сбежал к отцу. Отец отдал сына в школу-интернат, но почему-то забывал платить то, что полагалось за содержание мальчика. Наступили дни, когда Генка (уже пятиклассник) на каждой утренней линейке вздрагивал, услышав: «Геннадий Зябликов! Последний раз предупреждаю: напиши отцу, чтобы он немедленно внес плату... Иначе отчислим».

Генка не стал дожидаться отчисления. Поздним вечером он вылез в окно и был таков. Добрался до Свердловска, там его приютила тетка, сестра матери, женщина добрая... В ответ на расспросы Генки, что же приключилось с его родителями, какие они, тетка отвечала односложно:

— Хорошие они у тебя, хорошие...— И надолго замолкала, лицо ее становилось растерянным, словно она стыдилась, что не может расшифровать этого заколдованного, но в общем-то очень неконкретного слова...

Скучно было у тетки. Не веселее было и в школе, в группе продленного дня, куда определили Генку. Лидия Ивановна, классный руководитель, была так затуркана, что сил на продленную группу уже не хватало. В пять часов школа закрывалась, и ребята, кое-как сделав уроки, разбегались по своим делам.

Придя во двор, Генка подолгу слушал заунывные, одна на другую похожие песни Кости-Каблука — про «Ванинский порт», про «деньги советские», которые «ровными пачками с полок глядели на нас», про парня «в кепке и зуб золотой». Частенько, отложив в сторону гитару, Костя-Каблук вдруг начинал читать свои лекции.

— Пить, молодые люди, можно все, что булькает в горле. Денег нет? Верно, дорогá нынче водочка. Но умный человек завсегда выход найдет. Где? В аптеке! Хорошие напитки есть в аптеке,— с приятной задумчивостью говорил он, ласково обводя подростков водянистыми глазами.

Пока любознательные слушатели пытались в шумном споре разгадать парфюмерные и фармакологические тайны, он шарил по своим карманам, пересчитывал на грязной ладони медяки и, зажав их в кулак, говорил:

— Слышите? Добавляйте, голуби, на флакончик! Не трусь!

И голуби не трусили...

Деньги у Генки не было, но глоток-другой доставался и ему. Отказываться было не принято. Постепенно спиртное стало привыч-

ным. Круг ребячьих интересов сузился, он не выходил за рамки двора и всего с ним связанного.

Глотнув однажды вечером пол-кружки пахучего питья, основным компонентом которого была мебельная политура, Генка получил приглашение от двух подростков — пойти прогуляться. Цель прогулки не сразу дошла до мальчишки. Он долго стоял один, изнывая от скуки, за углом большого дома. Так ему велели, он должен был свистнуть, если кто-нибудь появится. Приятели вернулись оживленные, рубашки оттопыривались от папиросных пачек.

Добыча была спрятана на чердаке соседнего дома. Через полчаса ребята втащили ящик. При свете спички прочитали на фанерной крышке: «Озеро Рица». Нетто 26 кг». Конфеты! На следующее утро двор был усеян синенькими бумажками. В песочнице копались малыши с измазанными шоколадом губами. Конфеты лежали кучками на столе доминошников. И странное дело, взрослых не удивила и не насторожила эта непонятно сладкая жизнь. «Смотри не объешься, обедать не будешь»,— торопливо бранили матери и бабушки. А еще через день, собираясь в школу, Генка видел в окно, как дворничиха подметала обертки, как уносила их струя из поливального шланга. Вместе с синей бумажной пеной уплывали тревога и угрызения совести. Пронесло!

Прошло несколько дней. И опять, странное дело, никто во дворе не удивился, что у Генки появился транзистор «Спидола». Почтенные отцы семейств останавливались послушать спортивные новости. «Сильна техника!»— уважительно заметил один. «Забьет теперь Костину гитару»,—улыбнулся другой.

Летом прошлого года Генке стукнуло семнадцать. К этому времени он добрался только до седьмого класса: оставался на второй год в пятом и в шестом. Второгодником он стал не потому, что было трудно учиться,—просто не хотелось. Хотелось работать. Но оказалось, что на предприятиях Свердловска для семнадцатилетних нет выбора, кем быть. Быть можно только тем, кем сделает тебя отдел кадров: Генку взяли на «Уралтяжмаш» учеником заточника инструмента. А его тянуло к электротехнике.

Генка был не одинок, к сожалению. Недавно опросили 783 подростка, работающих на том же заводе. Опросили и удивились: только около одной трети ребят выразили желание продолжать работать по своей специальности. Это статистика, но ведь за цифрами стоят люди. Шестнадцатилетние. Занятые нелюбимым делом, они испытывают чувство неудовлетворенности, работают кое-как.

Генка мог бы получить хорошую специальность в профессионально-техническом училище — ПТУ. Но как все это практически выглядит в том же Свердловске? В области больше сотни ПТУ. Мало. Хотя всем известно, что стоимость подготовки рабочих в ПТУ в полтора раза дешевле, чем при индивидуальном обучении на заводе.

Дело, конечно, не только в том, что в области не хватает профтехучилищ. Есть и другие трудности. Лишь 23 училища размещаются в капитальных зданиях, остальные — в аварийных помещениях. О какой новой технике для обучения подростков можно говорить, когда с потолка льет, а по классам гуляет ветер? А преподавательские кадры? Опять-таки не секрет, что большинство мастеров и преподавателей технических дисциплин не имеют специального, а зачастую и общего среднего образования. Тем более не обладают они элементарными педагогическими знаниями. Инженеры, техники, высококвалифицированные рабочие неохотно идут в училище: оплата труда там намного ниже, чем на предприятиях...

Но вернемся к Генке. Недолго проработал он на заводе. Не понравилось. Другие заводы его не брали. Дело шло к зиме, и большинство предприятий уже выполнило план трудоустройства подростков. Трудно, когда ты никому не нужен. Паренек начал, может быть, бессознательно, искать другие пути для утверждения своего «я». Так Генка появился на Броде. Сделать карьеру среди постоянных его посетителей помогла все та же «Спидола». Лето прошлого года — последнее школьное лето—прошло в мелких стычках с любителями радиотехники, безуспешно пытавшимися заиметь Генкин транзистор. Как-то подошел к нему тогдашний король, окруженный свитой.

— Ты знаешь меня? — спросил он.

— Знаю,— ответил Генка.

— Отдай музыку!

— На!

И веселая мелодия, доносившаяся из ящичка, захлебнулась. Изящная вещица обрушилась на голову короля. На голове не было короны, не было даже кепки, и король зашатался. Не давая опомниться свите, Генка продемонстрировал на двух приближенных свой испытанный в уличных драках прием. Традиционных в прошлые времена возгласов: «Король умер! Да здравствует король!»— не было. Однако факт остается фактом — Генка стал королем. Спустя неделю на его плече болтался новенький транзистор. Опытные руки теперь уже легко открывали запоры продуктовых палаток, а их в Свердловске много...

Настал наконец день, когда Генка познакомился с милицией. Случилось то, что давно должно было случиться. Знакомство оказалось обоюдно полезным: в окрестностях Генкиного дома прекратились кражи, а Генка начал понимать, что к его судьбе и поступкам не все равнодушны.

Прослеживая за судьбой бывшего короля, убеждаешься, что не случайно милицию волнуют те вопросы, которые, как мы сказали, на первый взгляд стоят довольно далеко от ее прямых функций. Органам охраны общественного порядка не ради праздной любознательности приходится проявлять к этим вопросам огромный интерес. Приходится потому, что довольно часто в поле зрения милиции попадают подростки, в жизни которых скрещиваются большие и малые недоработки нашего воспитания. Впрочем, я неточно выразился: малых недоработок не бывает, когда речь идет о человеческих судьбах.

У этой истории счастливый конец, если иметь в виду одного Генку Зябликова. Он работает на большой ударной комсомольской стройке. Он радуется жизни, шумно и без оглядки, как радуются ей только семнадцатилетние. Друзья преподнесли ему ко дню рождения... «Спидолу». В Свердловске короли доживают последние дни. Вот-вот канет в Лету и Брод. Милиция и дружинники неплохо потрудились по его расчистке. Но остались те, кто создал проблему подростка, породил королей. Не выпестуют ли они новых? Как им помешать, вот в чем вопрос.

Челябинск — Свердловск— Москва.

АФИШИ НЕ ПОВТОРЯЛИСЬ

Невзирая на все старания синоптиков, погода преподносила москвичам нынешним летом немало огорчений.

Зато театральная атмосфера — прямо-таки в противовес природе! — была на гастрольных спектаклях неизменно горячей и радостной. Самым же приятным было то, что радушие хозяев не становилось просто данью вежливости по отношению к гостям. Взыскательная, подчас даже капризная московская публика с интересом знакомилась со спектаклями.

В столице гостили краевой Хабаровский театр драмы, театры из Горького и Оренбурга, оба носящие имя А. М. Горького.

Это разные, ничем не похожие друг на друга коллективы. Чем же привлекает их творческая работа?

Горьковский театр драмы имени Горького — один из старейших театров страны. Он может гордиться тем, что Щепкин и Никулина-Косицкая, Рыбаков и Ленский, Ермолова и Станиславский выступали на его сцене. С именем Собольщикова-Самарина, замечательного режиссера, педагога и театрального деятеля, связано становление горьковского театра, воспитание старшего актерского поколения.

Казалось бы, ну что еще нужно театру?! У него славная история, добрые традиции, плеяда отличных мастеров, известных за пределами родного города, признание зрителей. Однако театр беспрестанно занят поисками. Он ищет более тесных контактов со зрительным залом, ищет новый репертуар, новые средства художественной выразительности. На этом трудном пути есть у него, как у всякого ищущего, свои победы и свои издержки.

Собираясь на гастроли в Москву, горьковчане наверняка могли бы выбрать из обширного репертуара пять-шесть спектаклей из числа лучших, признанных. А они привезли одиннадцать работ, не всегда ровных, зато точно указывающих направление и характер поисков, как и степень самих возможностей театра. Видимо, за эту-то откровенность, за доверчивость и бесстрашие и полюбились горьковчане москвичам!

Театр бережно собирает в своем репертуаре произведения, связанные и с историей и с сегодняшним днем родного города, ищет авторов-земляков. Прежде всего это, конечно, драматургия А. М. Горького. Спектакль «Сестры Нечаевы» — дань любви и уважения нижегородским революционеркам, сестрам Невзоровым. События инсценировки «На горах» по роману Мельникова-Печерского разворачиваются на берегах Волги, недалеко от нынешнего Горького.

Острым чувством современности проникнут один из лучших спектаклей горьковчан — «Жаркое лето в Берлине». Постановка Б. Воронова (художник В. Герасименко) дышит страстной ненавистью к возрождающемуся на Западе неофашизму; в ней много интересных и значительных актерских работ.

А теперь пойдемте на самый интересный спектакль хабаровчан — «Ярость».

Пьеса Е. Яновского, остросюжетная, с крупными, ярко выписанными характерами, когда-то — в начале 30-х годов — обошла многие театры страны. Потом ее незаслуженно забыли. И вот сейчас она снова живет, возрожденная режиссером Я. Цициновским.

Переполненный зал Малого театра, где играет краевой Хабаровский театр драмы, с напряженным вниманием следит за стремительным развитием событий, боясь пропустить хоть слово. А на сцене кипит, волнуется живое человеческое море! Не на жизнь — на смерть идет борьба за хлеб, за большевистскую правду. Сценический горизонт — то бесстрастно холодный, голубой, то тревожный, кроваво-алый, то черный и страшный, как дела, творимые под покровом ночи,— придает необходимое настроение каждой картине (художник Б. Локтин). Широкими, сочными мазками рисует актриса Н. Медведева смелый и сильный характер сельской коммунистки Марфы Ковровой. Трагический образ Семена, Марфиного мужа, человека, изуродованного беляками, но все еще крепкого и красивого, создает А. Егоров.

Спектакль не просто волнует — он захватывает накалом своих страстей. Видно, что хабаровчане предпочитают произведения, отличающиеся острым драматическим конфликтом, эмоциональным зарядом, как «Камешки на ладони» А. Салынского, «Костер епископа» Ш. О'Кейси, «Король Лир», «Царь Федор Иоаннович»...

Новыми, а точнее сказать, тоже неправомерно преданными забвению спектаклями привлек к себе внимание и Оренбургский драматический театр имени Горького. Здесь с успехом шли «Петр Первый» А. Толстого, «Офицер флота» А. Крона.

«Петр Первый» на оренбургской сцене. Заглавную роль исполняет А. Михалев.
Фото И. Ефимова.

Следя за острыми перипетиями пьесы Крона, настороженно ожидает зал окончания словесного поединка между командиром подводной лодки Горбуновым (А. Бибе) и Селяниным (П. Чиков). Пусть сами события уже стали на сегодня историей — моральный конфликт, лежащий в основе пьесы, отнюдь не устарел, не утратил своей значимости...

Итак, три театра идут своим путем, не повторяют друг друга. Хорошее чувство современности делает их нужными сегодняшнему зрителю.

Н. БАЛАШОВА

ПЕРЕД КАРТИНАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ХУДОЖНИКОВ

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения, профессор

«Прекрасное пленяет навсегда». Мудрые слова великого английского поэта Джона Китса приходят на память перед картинами французских художников. Их работы занимают большую часть выставки картин старых мастеров Запада, привезенных в Москву из Лувра и других музеев Франции.

Я много раз видел почти все эти картины раньше, но к настоящему, большому искусству можно возвращаться бесконечно, никогда не надеясь исчерпать его до конца. Высокое, подлинно классическое искусство не только доставляет радость, не только воспитывает ум и облагораживает душу. Оно приносит не подвластную никаким враждебным силам уверенность, что накопленные человечеством сокровища мысли, чувства и художественного вкуса навсегда с человечеством и остаются, не предают и не изменяют, сколько бы их ни пытались заслонить разные преходящие художественные течения более поздних времен.

Устроители выставки, ныне открытой в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, оказались щедрыми и внимательными. На нее они дали, за очень немногими исключениями, действительно первоклассные работы как французских, так и иноземных мастеров. Впрочем, подбор картин художников Италии, старых Нидерландов, Германии, Испании, Фландрии, Голландии, Англии — при таком небольшом общем количестве картин — неизбежно оказался случайным. Что же касается французских мастеров, то двадцати семи картин оказалось достаточно, чтобы дать почувствовать мастерство и характер каждого художника. И более того — высокий уровень и дух искусства целой страны на протяжении трех с половиной веков ее истории.

Почти за каждой из этих двадцати семи картин стоит не одна лишь яркая индивидуальность автора и его эпоха, но и преемственность драгоценной гуманистической традиции, связывающей единой цепью лучших художников Франции. От поколения к поколению, как эстафету, передавали они друг другу доброе наследство: найденные ими яркие и значительные человеческие образы, честную и неподкупную жизненную правду, насыщенную большими мыслями и чувствами, несли высокие представления о человечности, о красоте и сложности мироздания, так же как чеканное, уверенное, умное и изящное мастерство.

Из всех художников, оказавшихся включенными в эту прекрасную выставку (на ней представлено творчество далеко не всех крупнейших живописцев Франции!), разве один лишь Ларжильер, работавший при дворе престарелого короля Людовика XIV, не так уж стремился к жизненной правде, вкладывая в свои мастерски написанные парадные портреты знатных людей того времени немало почтительной лести и деликатного умолчания о действительных душевных качествах его высокопоставленных моделей. Большой эффектный мужской портрет показывает не столько то, что было на самом деле, сколько то, что «полагалось должным» в придворных и аристократических сферах. Только этот портрет и напоминает коротко о существовавшем в разных формах в течение всех этих трех с половиной веков официальном искусстве господствующих классов, в чьи задачи не входило реалистическое отражение действительности, далеко не всегда для них приятной.

Лишь отчасти отдал дань внешнему и уклончивому изображению своих современников великий Энгр — один из самых больших мастеров Франции XIX века. Такие холодные, равнодушные портреты, как женский портрет, имеющийся на выставке, он не раз писал в свои поздние годы. Но по работам, взятым на выставку, нельзя и в малой мере судить об его высоком мастерстве и пламенном темпераменте: совсем другим был автор гениального, жестоко правдивого и обобщающего образ целой эпохи портрета Бертена, нежного, застенчивого «Источника» или обаятельной «Жанны Гонэн». Отсутствие настоящих больших творений Энгра — явный пробел выставки.

Но Франция знала времена, когда и придворный портрет был далек от какого-либо «идеального» преображения и приукрашивания изображаемых людей; эпоха выступала в нем в честном и неизмененном виде. Так было во времена французского Возрождения, в частности в середине XVI века, в годы умного, веселого и лукавого короля Франциска I, некоторыми своими свойствами напоминающего Петра Великого. Тогда даже такой изысканный мастер, как Франсуа Клуэ, интересовался не только тщательной и блестящей передачей костюма, но и живой прелестью, а то и резкой грубостью человеческого облика. Его «Портрет Елизаветы Австрийской» — подлинная драгоценность, словно созданная из серебра и жемчуга, где тончайшая проработка нарядной одежды служит только оправой для чуть надменного, чуть капризного, чуть насмешливого женского лица. От Клуэ (и еще более Корнеля де Лиона) идет путь не только к Антуану Ватто и Шардену, но и к Коро и к «Лоле из Валенсии» Мане.

Подобно тому, как во французской литературе в разные ее периоды постоянно встречались два типа писателей: пылкие мечтатели, ораторы и трибуны, скажем, Гюго или Роллан, и умные, внутренне взволнованные, а внешне хладнокровные наблюдатели реальной окружающей жизни, извлекавшие высокие поэтические и моральные ценности из пристально изученной ими неприкрашенной обыденности, как Стендаль или Сент-Экзюпери,— так и во французской живописи начиная с XVII века много раз можно встретить эти два типа творческого воображения. Оба они одинаково чужды и враждебны идеализированному, часто просто лживому искусству верхов.

Впрочем, эти два крайних способа выражения жизненного и идейного содержания, большого и правдивого, постоянно — и нередко причудливо — переплетались в творчестве многих великих мастеров Франции.

Можно сказать, что есть глубокая преемственная связь, ведущая от Жана Гужона к Пуссену, Давиду, Делакруа и далее к Рюду или Родену, так же как есть и явное наследование иного типа большого реалистического искусства в творчестве сначала Корнеля де Лиона и Луи Ленена, потом Шардена и Гудона и дальше Жерико, Домье, Мане или Дега. Я не думаю, что нужно придавать всепоглощающий и универсальный смысл этим наследственным связям, но нужно неизменно помнить, что настоящее и подлинно высокое реалистическое искусство всегда опиралось на глубоко изученную и прочувствованную старую реалистическую традицию ради того, чтобы создавать новое реалистическое искусство, проникнутое идеями и задачами своего времени.

На выставке это прекрасно видно. Открывать и устанавливать черты наследственного сходства у большинства художников ничуть не менее увлекательно, чем регистрировать черты различия, а часто этим только и занималось старое искусствознание.

Мне кажется необычайно интересным, да и очень важным, следить, как тянутся нити от величаво прекрасного и сурового, таящего в себе назревающую трагедию пейзажа Пуссена с Орфеем и Эвридикой к столь же патетической и прекрасной «Греции на развалинах Миссолонги», бессильно замершей в своем горестном отчаянии, или к другой картине Делакруа — «Барке Дон-Жуана», где спокойное море своим бесстрастным равнодушием, словно в безнадежную темницу, заключает смятенную массу людей, потерпевших кораблекрушение и решающих жребием, кому быть убитым ради спасения остальных.

Но не нужно думать, конечно, что только такими предельно напряженными и героическими человеческими образами можно передать душевное волнение и тревогу. Сумрачный пейзаж Жерико с печью для обжигания извести будто предельно прост и прозаичен. В то же время он пронизан щемящей тоскою и подлинно драмати-

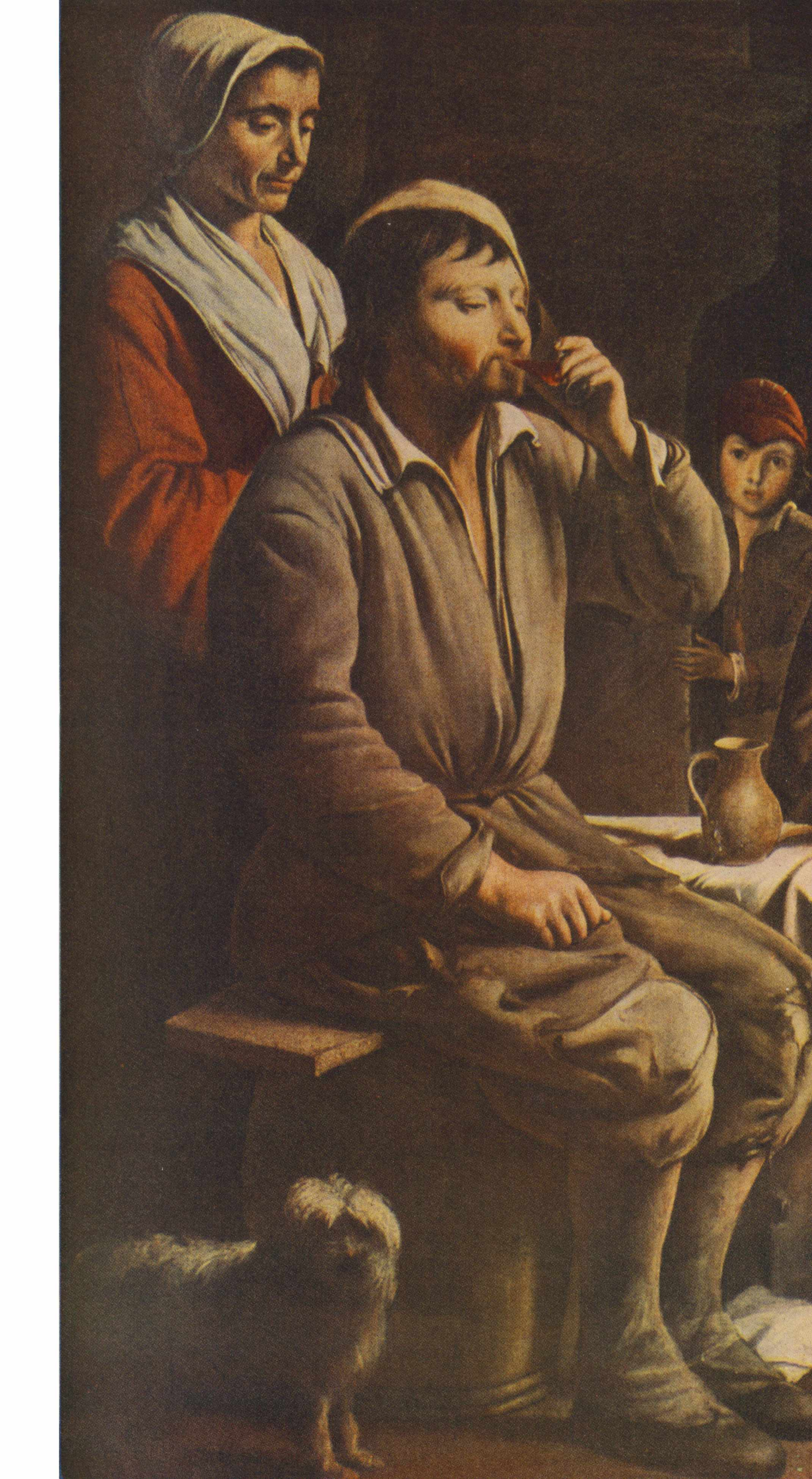
Э. Делакруа. 1798—1863. ГРЕЦИЯ НА РАЗВАЛИНАХ МЕСОЛОНГИ. Бордо. Музей.

«Огонек». 1965.

Л. Ленен. Около 1593—1648.

ТРАПЕЗА КРЕСТЬЯН.

Париж. Лувр.

Э. Дега. 1834—1917. АБСЕНТ.

Париж. Музей импрессионистов.

ческим чувством. А как явно он подготавливает еще более острую печаль и душевную боль в написанном через полвека «Абсенте» Дега, полном глубокой горечи и обиды за людей. Трудно сказать, что выглядит неприютнее и враждебнее человеку — изображенная Жерико пустынная и мрачная, засыпанная известью окраина Парижа под свинцовым грозовым небом или изображенный Дега опустевший ресторан, заставленный грязными столиками, бесконечно безразличный к невеселым мыслям двух запоздалых посетителей, чужих друг другу.

И такую же перекличку сквозь века — правда, на этот раз не такую печальную и тяжелую — можно услышать, сравнивая полную благородной простоты и чистосердечной человечности картину Луи Ленена «Трапеза крестьян» с работами прямых потомков Ленена — женщиной, вернувшейся с рынка, Шардена и написанной еще через одно столетие матерью, кормящей ребенка, Милле.

В разные века они искали одного и того же — раскрытия высокой моральной значительности и поэтической чистоты обыкновенной повседневной жизни простых людей, тех, на кого в «высшем обществе» смотрели с пренебрежением, если не со страхом, и кто на самом деле был основой и движущей силой истории французского народа. Монументальная сила Ленена смягчилась у Шардена нежнейшим колоритом, спокойным и задумчивым лиризмом. А у Милле снова родилась на свет строгая и монументальная героизация простых человеческих образов. Они сумели понять и воплотить в своем искусстве глубокое душевное здоровье французского народа, непоколебимую веру в его силы.

Если названные мною художники представлены на выставке такими работами, которые рассказывают о самых характерных и самых главных их качествах и склонностях, то о некоторых других мастерах приходится судить по работам не совсем обычным, раскрывающим лишь одну из сторон их сложного творчества.

Для тех, кто представлял себе Антуана Ватто лишь как нежнейшего лирика, создателя романтической утопии о прекрасном человеке на прекрасной земле, будет совсем неожиданным его мощный и суровый портрет скульптора Патера, столь непохожий на одновременный портрет Ларжильера по всему своему серьезному и правдивому художественному строю. Ватто умел вкладывать такую же психологическую глубину, такое же острое чувство сложности человеческой духовной жизни в каждое изображенное им человеческое лицо, в любую фигуру актера ярмарочного театра либо какого-нибудь мечтателя из его романтических фантазий, тревожных и грустных. Так что портрет Патера, земляка Ватто, до сих пор хранящийся в музее Валансьенна, родного города Ватто, не представляет собою чего-то несвойственного художнику. Просто другие портреты, выполненные Ватто, затерялись во времени, от этого, конечно, единственный достоверный его портрет и кажется таким необычным.

Необычен и «Портрет маркизы д'Орвилье», написанный Луи Давидом в 1790 году, всего за три года до «Смерти Марата», в котором воплотился весь пафос Великой французской революции. Давид вовсе не был так спокоен и бесстрастно наблюдателен в разгар революции, как можно подумать, глядя на холодный, ясный и изящный портрет восемнадцатилетней девушки, держащейся, пожалуй, чересчур важно и взросло для своего возраста. То спокойное и внимательное любопытство, с каким передал Давид миловидные черты своей модели, говорит о трезвом реализме его наблюдений, сменившемся, когда это понадобилось, огромной сердечной взволнованностью и подлинно революционным воодушевлением «Марата» или «Зеленщицы».

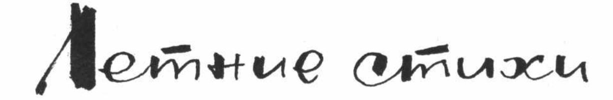
В наших музеях совсем нет живописи Домье и Тулуз-Лотрека, как нет и серьезных и значительных работ Эдуарда Мане. Поэтому особенно приятно, что на выставке они представлены очень хорошими вещами. Но вещами не вполне для них характерными и не дающими полного и точного представления об этих замечательных художниках.

На примере двух картин Жерико, имеющихся на выставке, можно хорошо понять, как сложно бывает творчество большого мастера. Ведь так непохожа на пейзаж с печью для обжигания извести висящая рядом, светлая, сверкающая яркой, стремительной, жизнеутверждающей энергией картина того же Жерико — юноша, останавливающий коня!

Точно так же и картина Домье «Криспен и Скапен» раскрывает только один из обликов Домье: его увлечение театром, его умение создавать сильные и выразительные образы литературных героев (вершина этого ряда—глубоко человечный образ Дон-Кихота). Но в «Криспене и Скапене» нет главного качества Домье: его глубочайшего гуманизма, сердечной доброты и жалости к людям, как нет и его мощной сатиры, уничтожающей все низкое и подлое. По картине можно судить больше всего о колористическом строе живописи Домье, сложном, тонком и красивом, во многом напоминающем живопись Рембрандта.

Прекрасная «Лола из Валенсии» Эдуарда Мане знакомит лишь с самым ранним периодом творчества великого художника, поднявшегося в дальнейшем, на мой взгляд, до высшего уровня Веласкеса или Гойи. Но и по этой ранней картине (об удивительном цвете которой хорошо сказал Бодлер в стихотворении, ей посвященном: «Жемчуг розовый и черный») можно судить о благородном мастерстве Мане, о глубоком его уважении к реалистической традиции прошлого и смелой новизне его собственных открытий.

Прелестная картина Тулуз-Лотрека «Туалет» показывает этого большого художника с его наиболее нежной, мягкой и лирической стороны, не давая даже возможности подозревать о резкой, безжалостной правдивой и ничего не боящейся силе, заключенной в его искусстве, о глубокой горечи изображения обитателей парижского дна, отверженных и обойденных судьбой. Тулуз-Лотрек — мастер редкого обаяния, и в то же время он создал самые страшные образы социальной несправедливости, какие только были в искусстве XIX века. От него идет прямой путь к неореализму XX века — к Феллини или Гуттузо. Им правильно заканчивается выставка, потому что именно Тулуз-Лотрек вместе с Ван-Гогом стоит на переломе к искусству совсем уже иного, нового мира.

Осип КОЛЫЧЕВ

ЧЕТВЕРТАЯ ЗОНА

Мы здесь отдыхаем не первое
лето
И эти места навещаем влюбленно.
С железнодорожного смотрит
билета
Четвертая зона, четвертая зона...

Люблю полустаночки
с рощею пестрой,
Где кружатся листья
бесшумно и сонно...
На листьях отметины,
точно компостер...
Четвертая зона, четвертая зона!

Люблю берега подмосковных
речонок,
Где ивы склонились над гладью
затона,
Где листья сквозь солнце
прозрачны и тонки...
Четвертая зона, четвертая зона!

Березы люблю,
их чувствительность к свету:
То вечер синеет в коре
отраженно,
То рдеют горячие краски
рассвета...
Четвертая зона, четвертая зона!

Где — память о битвах —
зияли воронки,
Там в зелени, полной
шмелиного звона,
Цветы узнаю медуницы,
матренки...
Четвертая зона, четвертая зона!

Места боевые, но цветы полевые!
Опять Подмосковье цветет
возрожденно.
Мир после дождя
точно создан впервые...
Четвертая зона, четвертая зона!

И ягод созревших люблю
изобилье
И просеки те, где так много
озона...
В страну,
что навек мы с тобой полюбили,—
Нас поезд увозит
в четвертую зону.

ПТИЦЫ

Зеленый цех инструментальный...
Как звонко иволги поют!
Не в крохотные ль наковальни
Кувалды крохотные бьют?

Их грохот оглушает дали...
Не ласточками ли с утра
Выпиливаются детали
Из золота и серебра?

Студеный ветерок повеял,
И брызнул дождь со всех сторон,
Но солнечных лучей конвейер
Не останавливает он.

О наковальни поминутно
Кувалды маленькие бьют
И песню солнечного утра,
Сверкая искрами, куют.

И долго маленькие кузни
Гремят, запрятанные в тень;
На них невидимый искусник
Выковывает новый день...

О летний лес! О цокот дальний!
Зеленый цех инструментальный!

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

В НОЧЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Ты помнишь сумрачный костел,
сырую полночь
и костер?..

Его танкисты разожгли
и грелись на броне.
А мимо люди шли и шли...
Настал конец
войне!

Как встречи празднично остры,
и что нам
боль веков!..
Но площадь помнила костры,
костры еретиков.

Метались тени по стене,
и багровел восток.
Костер плясал,
осатанев,
огромный, как восторг.

Средневековым не чета —
ему-то
повезло! —
он знал:
подведена черта,
и не бессмертно зло.

ПЕСНЬ СТАРОЙ БЕРЕЗЫ

Ее мы встретили под Брянском,
приметив статную красу.
Там три могилы партизанских
в сыром и пасмурном лесу.
Печален ствол,
печальна крона
березы строгой
и седой.
И проржавевшие патроны
у ног рассыпаны
войной.

Ее лица суровый мрамор,
годами тронутый слегка,
незаживающие шрамы
избороздили на века.

О чем поешь?..
Какие грозы
на долю выпали твою?
И, вздрогнув,
молвила береза:
— Я плачу.
Разве я пою?

Ленинград.

Глава девятнадцатая

На следующий день я пригласил господина Барбатуса в министерство для разговора о похоронной монополии. Услыхав отрицательный ответ, он не мог скрыть своего разочарования.

— По новому закону о картелях монопольные права предоставляются лишь в исключительных случаях,— сказал я довольно сухо.— Я сделал все, что в моих силах, но не смог вам помочь.

— Тогда мне придется вложить средства в иностранные предприятия. А я уже надеялся начать похоронное дело на той неделе...

— Есть ведь и другие возможности.

— Есть, разумеется. Но я бы хотел основать такое предприятие, которое не страдало бы от постоянных грабежей. Разве вы слышали, господин министр, чтобы покойников грабили?

— За самое последнее время не припомню. Но вообще ведь преступники ничем не брезгуют. Я, право же, огорчен, что не мог помочь вам.

— Деньги мои, денежки... Что с ними теперь будет?

— Вложите их в государственные облигации мира.

ОБ ЭТОМ ПОМА

— Плохое применение... А когда же, кстати, начнут прибывать покойники?

— Точно время еще не определено.

— Во всяком случае, на этих днях?

— Возможно.

— И минимум двадцать пять тысяч?

— Да, по предварительным наметкам.

В глазах господина Барбатуса вспыхнул огонь отчаяния. Каждый покойник был для него личной утратой. Он так хотел запустить свои деньги в работу, чтобы они трудились усердно, а приходилось приносить их в жертву инфляции. Деньги — это верный друг, который, однако, уходит от нас без тоски и сожалений. Мне было жаль господина Барбатуса. Ему решительно не везло.

Он вышел от меня опечаленный. Я искренне пожелал ему подыскать такое коммерческое предприятие, которое не страдало бы от грабежей. Мы попрощались, и человек, которому деньги не принесли счастья, грустно сказал:

— Я очень благодарен, что вы приняли меня. Последние дни я подумывал еще об одном деле, но об этом поговорим, когда вы наведаетесь к нам. А что бы вы сказали, если бы я переменил партию?

Я воздержался от каких-либо высказываний. Я начал серьезно подозревать, что господин Барбатус близок к тому состоянию, когда человеку всюду мерещатся зеленые чертики. Между бредом алкоголика и гениальностью огромная разница, но ее трудно описать. Для этого надо, вероятно, обладать литературным талантом, которого у меня нет.

Господин Барбатус был не единственный из видных граждан Лаконии, начавший вести себя несколько странно. Такого же рода симптомы замечались и у действительных министров и даже у государственных чиновников меньшего ранга. Я приписывал это действию куропотамского рома, но главный директор аптечного управления решительно отклонил мою версию. Он находил, что речь может идти о каком-то неизвестном вирусе, вызывающем нарушения мозговой деятельности. Выдающийся диагностик Лаконии доктор Плекотус отверг вирусную теорию, признавая, со своей стороны, что имеет место истерия, носящая характер эпидемии. По его мнению, правительство страны вызвало массовый психоз, раздувая дело Барбатуса. Каждому понятно, что доктора Плекотуса пришлось отстранить от работы и строго изолировать. Ему создали особые условия домашнего ареста.

Назначенный вместо него доктор А. Б. Пубес выдвинул свою теорию, тотчас одобренную правительством. Доктор Пубес утверждал, что Куропотамия тихой сапой начала бактериологическую войну. Она коварно использует стихийные силы природы и посылает с ветром бактерии на территорию Лаконии. Пресс-секретарь Вульвиус поспешно созвал конференцию представителей печати, но военные специалисты в последнюю минуту запретили ему говорить о бактериях; дело в том, что они ожидали перемены ветра, который со временем начнет дуть в сторону Куропотамии. Отряды гражданской обороны на всякий случай раздавали жителям Палинодни защитные маски и средства первой помощи. Каждый читающий газеты гражданин понимал, что враг хочет сделать всех нас помешанными. Но все же публично о бактериях не говорили.

Изолированный с сохранением содержания диагност Плекотус чувствовал себя под домашним арестом отлично. Он сразу же засел за мемуары, которые изданы в Лаконии года два тому назад. Между прочим, книга Плекотуса переведена и на финский язык и здесь была встречена исключительно благосклонно. Финны любят мемуары. Очень многие даже посвящают лучшие годы своей жизни тому, чтобы ворошить в памяти былое. Если не хватает смелости посмотреть в будущее, то самое умное — жить прошлым. Зачем сажать новый лес, если можно считать пни? Но, несмотря на все, я люблю финнов: их медлительность просто трогательна.

Читатель, несомненно, заметил, что я все время старался и стараюсь дать возможно более положительную и правдивую картину жизни Лаконии. Легче сделать доброе дело, чем объяснить, почему ты его не сделал. Я, разумеется, не собираюсь представить себя благотворителем, ожидающим признательности грядущих поколений, бронзовых монументов или хотя бы восковой фигуры в музее мадам Тюссо. Но смею сказать, что я обладал всеми гражданскими добродетелями, обязательными для должностного лица моего ранга. Меня нельзя обвинить в политическом шатании. Угри никогда не шатались. Меня нельзя обвинить и в судебных убийствах, потому что правосудие никогда не совершает убийств.

Говорят, что родина не знает своих сынов. Да и зачем ей знать? Это входит в задачи полиции. Друзья познаются в беде, например, Корвус, мой верный слуга, награжденный медалью за спасение человеческих жизней 2 декабря 1958 года. Я расскажу вам о его подвиге и прошу ответить: неужели он не заслужил медали?

23 ноября 1958 года я вернулся домой около полуночи с секретного заседания. Мы обсуждали, как поступить с доктором А. Б. Пубесом, чье душевное здоровье внушало серьезные опасения. Он панически боялся бактерий, которые мерещились ему повсюду. Войдя в свой тихий кабинет, я хотел было позвонить Ламелле, как дверь приоткрыл Корвус и задал свой обычный вопрос:

— Чай или кофе, господин министр?

— Кофе.

— На двоих?

— Мне одному.

— Подать сейчас?

— Пожалуйста.

— Что-нибудь еще, господин министр?

— Ничего. Принесете кофе и можете быть свободны.

Корвус принес кофе, накрыл на стол и остановился, словно ждал еще чего-то.

— Какой-нибудь вопрос ко мне?

— Да, господин министр. Внизу, в прихожей, адская машина. Я хотел спросить, куда ее деть.

— Адская машина? Корвус, да вы пьяны! Или больны.

— Господин министр, я не употребляю спиртного уже двадцать лет. Так куда мне девать эту бомбу?

Он попутно взглянул на часы и спокойно сказал:

— Ей положено взорваться через два часа. Ровно в три часа ночи.

Вскочив, я стал трясти его за плечи.

— Что вы болтаете? Ну, в чем дело?

— Дело в бомбе. Отпустите руки, господин министр. У меня и так ломит плечи. Должно быть, к перемене погоды. Ревматизм, видите ли. Ни массаж уже не помогает... ни патентованные лекарства. Суставы, суставы. Старые суставы...

— Корвус! Вы больше у меня не работаете. Можете уходить. Сию минуту!

— С удовольствием, господин министр. У меня есть пенсия и кое-какие сбережения. Завтра утром соберу вещи и поеду в Лутению, к брату. Наверно, поезда-то еще ходят? Да, только эта бомба. Унести бы ее куда-нибудь.

У меня лопалось терпение. Я не привык к таким дурацким выходкам, хотя и давно смотрел на мировом театре абсурдную пьесу, в которой безумию дается хитроумное истолкование. Полная лаконийская свобода все же не означает, что подчиненные могут позволять себе столь дикие шутки с начальством. А может быть, доктор А. Б. Пубес все-таки прав и враг начал бактериологическую войну, желая поразить безумием великую державу?

Корвус стоял и ждал.

— Не изволите ли, господин министр, поглядеть на нее? — покорно спросил он, когда я снял руки с его ревматических плеч.

— Принеси эту бомбу сюда!

— Слушаюсь, господин министр.

Он опять поглядел на часы и, кивнув головой, сказал как бы про себя:

— Время еще есть. Час и три четверти. Если их часы не спешат...

Он спустился вниз и через минуту вернулся с продолговатым металлическим ящиком объемом примерно в два кубических фута. Он осторожно поставил ящик на восточный ковер и проговорил, отдуваясь:

— Ну и тяжелая... Тут вот квитанция, господин министр. За доставку платить не пришлось.

Он подал мне сложенную вдвое бумажку, на которой было четко, крупно выведено:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—35.

Последний привет величайшему идиоту Лаконии
Друзья демократии.
P. S. Обращаться осторожно, чтобы не взорвалась преждевременно, т. е. до трех часов ночи.
Те же.

— Вы уверены, что это адресовано мне?

— Конечно, я сперва было подумал, что ящик надо доставить премьер-министру или президенту. Но посыльные проверили адрес и сказали, что все в порядке: кому написано, тому и принесли. Примите и распишитесь. Ну, я и расписался.

— Идиот!

— Так они не меня имели в виду, господин министр.

— Все равно идиот! Кто это принес?

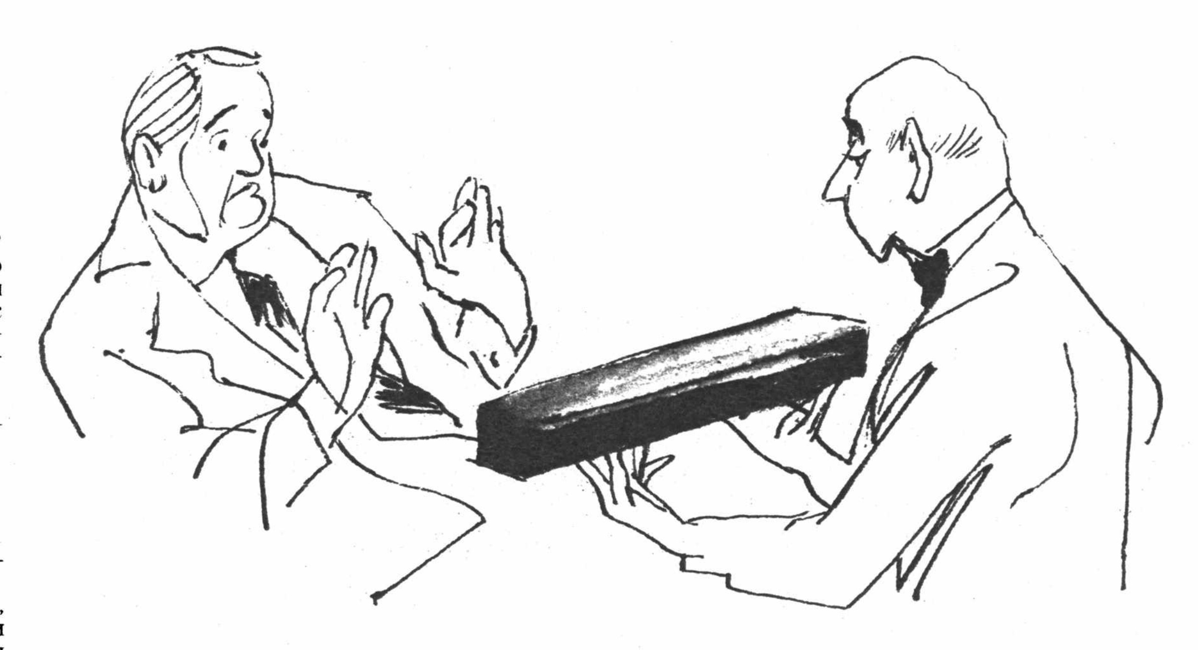
— Двое молодых людей.

— Когда?

— Может, час тому назад.

— Почему же вы сразу не заявили в полицию?

— Заявил. Но там сказали, что ничего, мол, пускай взрывается, а ты, дед, заткни уши ватой да выпей-ка еще глоток-другой и ложись спать. И еще кое-что добавили, такое похабное, что я не могу вам повторить, господин министр. Я все же культурный человек. Вы же знаете, что мать моя была

Рисунки В. Горяева.

ЛКИВАЮТ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

Роман-памфлет

Мартти ЛАРНИ

графского рода. Она эмигрировала в Лаконию из...

— Довольно! Перестаньте, черт побери, тянуть кота за хвост! Чем древнее род, тем глубже вырождение. Унесите это немедленно вон, хоть на улицу!

— Слушаюсь, господин министр. Время у нас еще есть — почти полтора часа.

Корвус утащил ящик, который, слава богу, хоть бесплатно доставили. Я поднял на ноги государственных сыщиков и своих людей. Позвонил также Вульвиусу, тот обещал вызвать пожарную команду, отряды гражданской обороны, скорую помощь и представителей прессы. Все почему-то жаловались на занятость и спрашивали, заплатят ли за экстренность и за ночной вызов. Я честно признаюсь, что волновался. В наши дни все подрывает в человеке веру: тут соревнуются и любовь, и демократия, и спешка.

Корвус оттащил адскую машину метров на шестьдесят от моего дома. Бомба взорвалась за полчаса до назначенного срока и причинила большой ущерб. Пострадало несколько зданий, и погибло человек тридцать. Я уверен, что несчастье больше всех потрясло господина Барбатуса, которому правительство не утвердило похоронной монополии. Он искренне горевал оттого, что не мог дать утешение родственникам погибших.

Покушение сразу же начали расследовать. В распоряжении сыскной полиции имелись ясные направляющие нити: Куропотамия фактически начала войну. Лишь один момент вызывал разногласия сыщиков: кого именно террористы хотели уничтожить? Премьер-министр предполагал, что тайная агентура иностранной державы замышляла ликвидировать именно его. Но, увидев своими глазами квитанцию с последним приветом «величайшему идиоту Лаконии», он покачал головой:

— Не думаю, чтобы это относилось ко мне.

Правительство экстренно собралось на чрезвычайное заседание. Все министры единодушно считали, что мирным войскам Лаконии надо безотлагательно дать приказ перейти границу и захватить Куропотамию.

— Бездействие подрывает моральное состояние армии,— сказал министр обороны.

— Бактериологические диверсии Куропотамии угрожают здоровью всего народа,— заявил министр здравоохранения.— У людей появляются странности. На площадях, в парках, на станциях метро, в кинотеатрах, в школах и на собраниях молящихся постоянно происходят беспорядки.

— Престиж Лаконии падает во всем мире,— сказал министр иностранных дел.— Нас упрекают в робости и беспомощности.

— Теперь уж нам нельзя думать о жертвах,— очень внушительно произнес премьер-министр, ибо именно ему предоставили похоронную монополию.— Акция мира не может обойтись без человеческих жертв. Двадцать пять тысяч покойников — недорогая цена за свободу.

— Сколько еще нужно покушений, сколько бомб нам нужно подбросить, чтобы мы очнулись наконец?— сказал я.

— И что скажет о нас история?— добавил министр просвещения.— Мы столько лет помогали всему свету, а теперь не можем постоять за себя. Будущие историки со стыдом станут рассказывать школьникам правду о днях унижения великой Лаконии. Культурные традиции нашей страны обязывают нас применить самое действенное оружие — газ. Пешеход уклоняется от автомобиля, бизнесмен — от налогов, а политик — от ответственности. Но мы не можем, не имеем права уклоняться. Во имя культуры, во имя цивилизации уничтожим Куропотамию!

Президент Бос Таурус умел талантливо слушать. Он дал министрам высказаться, а затем спокойно сказал:

— Господа, вы хотите, чтобы я поступил так, как поступили бы вы, будь вы на моем месте. Врагов надо тщательно выбирать. Я не скажу, что мы ошиблись в выборе. Куропотамия — ценный враг. И с нею надо обходиться так, чтобы получить максимальную выгоду. Подготовка к миру требует терпения и тщательного, всестороннего вооружения. Разоружение совершенно нереально. Пусть им занимаются женщины: это их дело, так же как и стриптиз. Конечно, мы могли бы оккупировать Куропотамию хоть завтра. Но если мы сможем получить все, чего требуем, то с оккупацией можно и повременить. Одно дружественное нам молодое африканское государство — Башмания — согласно выступить посредником при урегулировании конфликта между Лаконией и Куропотамией. Так что, господа, подождем еще дня два.

— Чего ждать? Новых покушений?— спросил министр обороны, нетактично проявив свое раздражение.— Что я скажу верховному командованию армии?

— Скажите, что состояние готовности номер один продолжается и что правительство полно надежд. Пресс-секретарю Вульвиусу даны точные указания относительно освещения в печати инцидента со взрывом адской машины. Но о бактериях мы пока молчим. Лично я не возражал бы против захвата Куропотамии сегодня же, чтобы поставить точку на деле Барбатуса. Но тут надо еще подумать. Я объявлю свое окончательно решение завтра.

Министры разошлись в подавленном настроении. Я поехал к себе в министерство, и мне сразу же подали рапорт государственной сыскной полиции: участники покушения задержаны и сами во всем сознались. Я распорядился пока не публиковать никаких сообщений. По-моему, сотрудники полиции ошиблись. Просто невероятно, чтобы свои же лаконийские граждане — два молодых студента — могли совершить столь безумный поступок. С какой стати им надо было мстить за смерть Валериана Пулекса, явившуюся следствием вполне естественной человеческой ошибки? Я приказал сотрудникам моего собственного бюро продолжить расследование, концентрируя внимание на куропотамских переселенцах.

Каждая новая мысль представляет ценность, если только появляется в нужный момент.

Глава двадцатая

Покушения продолжались. Палинодия едва успела пережить первый испуг, как ей уж был приготовлен второй. В кабинет премьер-министра через окно забросили маленькую бомбу. Взрыв был слабый и материального ущерба не нанес. Но зато запах от нее был просто умопомрачительный. Запах этот явно напоминал куропотамское национальное кушанье — бисикаку,— приготовляемое из кислого мульего молока, чеснока и кореньев карицики. После покушения весь правительственный дворец пришлось проветривать. Разумеется, рептилии встретили это сообщение с нескрываемой радостью. Их главный орган «Рептилия» напечатал известие под претенциозным заголовком, столь же броским, сколь непристойным: «Правительственный дворец нуждается в проветривании! Правительство работает по-домашнему».

Министр юстиции наложил арест на газету рептилий, поскольку ее выступление было оскорбительно для лаконийской свободы. Отношения угрей и рептилий становились все более натянутыми, так как, несмотря на дело Барбатуса, обе партии готовились к новым выборам.

За пахучей бомбой последовало третье покушение. У входа в дом министра просвещения подорвался грузовик, доверху нагруженный тухлыми гусиными яйцами. Террористы стали осторожнее, они уже не предлагали расписаться в накладной и не выдавали квитанций с глупыми приветствиями. Нет смысла повторять одну и ту же шутку.

У квартир министров усилили охрану. Даже мне пришлось три раза доказывать, что я — это я, и предъявлять пропуск, чтобы пройти в собственный дом. Поэтому визиты Ламеллы были чрезвычайно затруднены. Для верности она одевалась монашкой и пряталась в футляр от контрабаса, который Корвус и Кабаллус извлекали из подъезжавшей к дому министерской машины и несли прямо ко мне в спальню. Невозмутимый Корвус объяснял моим телохранителям, что министр полиции страдает приступами слуховой меланхолии и ему помогает игра на инструменте с низким, густым звуком.

Голос моего драгоценного инструмента прозвучал на этот раз жалобно.

— Милый, ты должен помочь мне! — с мольбой проговорила Ламелла, едва я открыл крышку футляра.— Я так несчастна и просто не знаю, что делать.

— Прежде всего сними эту ужасную униформу.

— Не будь жестоким, Лепус. Ты же видишь, я вся дрожу от страха.

— Только от страха? Успокойся, маленький вампир. Мой дом охраняют особенно зорко, и слуги больше не принимают никаких посылок. Негодяи не смогут повторить свой глупый фокус. Они просчитались. Думали, я поверю, что это лишь безобидная шутка. Но я и не подумал открывать их ящик, а живо выставил его на улицу.

— Слава богу! Какой ты молодец, Лепус! Подумать только, что было бы, если бы ты открыл этот ящик! Лепус, я люблю тебя. Скажи, милый, не правда ли, мне идет это платье монашки?

Вечная забота женщины состоит в том, чтобы демонстрировать одновременно себя и свой наряд. Мне больше нравилась она сама. Теперь она была очаровательна, как никогда. Страстная, чуткая и покорная. На минуту я даже забыл, что она имела непосредственное отношение к делу Барбатуса. Но вскоре я должен был вернуться к неприятной действительности. Ламелла заговорила о муже. Замужество Ламеллы представляло собою сплошной клубок неприятностей, недоразумений и ссор. Она доверялась мне и предавала своего мужа. Я чувствовал, что со мной она искренна. Потому что меня она не могла бы предать. Я был единственный человек, которому она могла открыто рассказать о намерениях мужа. Гней Барбатус замышлял удрать за границу.

— Вчера он попытался перейти в вашу партию, но его заявление отклонили,— сказала Ламелла.— Угри не верят ему с тех пор, как он переметнулся к рептилиям. А две недели назад он перевел большую часть нашего состояния в Швейцарию. И вот теперь он задумал бежать в Англию.

— Зачем?

— Не знаю. Он совсем обезумел. Он говорит, что боится мира... Или, может быть, не столько мира, сколько мирных действий. К тому же он не доверяет нынешнему правительству. Он говорит, что премьер-министр — алкоголик и кретин. Я, конечно, не знаю, что значит кретин, но я знаю премьер-министра...

— Так твой муж недоволен нынешним правительством? — спросил я.

— Не говори твой муж. Он просто мой сосед по квартире. Теперь мы даже спим в разных комнатах. Он говорит во сне почти столько же, сколько наяву. И так же невнятно. Да, он недоволен. Он говорит, что правительство Лаконии неспособно обеспечить своим гражданам даже минимальной безопасности. Затем, он не верит, что Куропотамия готовится на нас напасть. Но ведь все же знают, какие варвары эти куромоиды! И запах от них такой ужасный! Вот поэтому муж... нет, Гней и хочет бежать в Англию. Но я не поеду с ним. Не поеду.

— Почему же он стремится именно в Англию?

— Не знаю. То есть как-то раз он сказал. что в Англии удобнее всего организовать эмигрантское правительство Лаконии, поскольку там сейчас очень много противников нынешнего правительства. И еще он сказал, что Англия очень охотно предоставляет радиостанции Би-Би-Си в распоряжение эмигрантских правительств.

— Он действительно так сказал?

— Я готова поклясться. Разве ты не знаешь Гнея? Это сумасшедший. Он воображает, что алкоголь для него так же безвреден, как и для коньячной бутылки. Я подозреваю, что он тоже кретин. Да и не удивительно. Бандиты похитили у нас на одиннадцать миллионов ценностей, а он чуть ли не столько же заплатил сыщикам за расследование! Лепус, неужели и я должна покинуть Лаконию?

— Нет, дорогая... Нигде в мире жизнь человека не обеспечена так, как в Лаконии. Ты подумай о нашей свободе, о нашем уровне жизни, о нашей истории.

— А бомбы?

— Их не станет. как только мы перейдем к активным мирным действ...

Я не договорил. Мы вскочили, точно по уговору. Раздался могучий грохот орудий. Дом задрожал. С улицы доносились крики и неопределенный шум. Зазвонил телефон. Референт из министерства полиции объявил, что правительство немедленно собирается на чрезвычайное заседание. Дело спешное. Я был радостно взволнован. Значит, президент наконец-то принял решение. Наступление мира и свободы началось! Де-

ло Барбатуса следствием прекращается и, надо полагать, сдается в архив на вечные времена. Я горячо обнял Ламеллу, дрожавшую как в лихорадке, и, торжествуя, воскликнул:

— Наконец-то, дорогая! Начинается!

— Ужасно! О боже мой! Я боюсь...

— Совершенно напрасно. Разве ты не слышишь, как наша артиллерия приветствует мир? Какой могучий салют в честь мира! Теперь вся Лакония упьется миром...

Мы быстро оделись. Ламелла хотела было юркнуть в футляр от контрабаса, но я схватил ее на руки и пронес сквозь плотный кордон полиции к ожидавшей меня министерской машине. Кабаллус перекрестился и прочел «Аве Мария», увидав, что в машину садится монашка. Ничего другого ему видеть и не полагалось. Я довез Ламеллу до ворот монастыря кармелиток, откуда было лишь две минуты ходьбы до дома Барбатуса, и дальше помчался пустынными улицами к правительственному дворцу. Орудийные залпы стихли, и кое-где любопытный обыватель уже рисковал выглянуть на улицу.

Перед входом в зал заседаний я заметил, что забыл надеть галстук. Я почувствовал неловкость, но, увидев, как министр социального обеспечения снимает кухонный передник и безуспешно пытается запихнуть его в карман брюк, я ощутил в себе приятную уверенность свободного человека. На лицах министров витали счастливые улыбки. Только министр обороны поглядывал довольно мрачно. Наша славная армейская артиллерия получила возможность сделать лишь сто одиннадцать залпов. Согласно приказу президента. Сорок залпов в честь Куропотамии и семьдесят один залп в честь Лаконии.

Заседание правительства началось. Президент Бос Таурус вынул из портфеля пачку бумаг и доложил следующее:

— Господа! Сегодня славный день в истории Лаконии. Согласно нашей демократической конституции, президент наделен властью и правом единолично решать вопрос о войне и мире. В течение последних двух недель я вел тайные переговоры с главой государства Куропотамии. Лаконийская служба информации действовала безупречно, и нам удалось восстановить против Куропотамии мировое общественное мнение. Куропотамия признала все наши обвинения основательными. Поэтому я взял на себя смелость подписать сегодня договор о дружбе между нашими двумя странами, который отныне и впредь гарантирует нам свободу и мир. Битва за мир выиграна, господа! И мирные действия наших оборонительных сил прекращаются сегодня же.

Члены правительства бросали друг на друга изумленные взгляды. Признаюсь, я почувствовал себя несчастным. Дело Барбатуса надо было все-таки продолжать. У премьер-министра дрожали губы. Он лишился по меньшей мере двадцати пяти тысяч похорон. Это составляло, даже по самым осторожным подсчетам, десять миллионов лаконийских долларов. Я, кажется, заметил, как на лице у него легли складки обреченности. Наверно, он вдруг почувствовал себя старым, одиноким человеком, единственным утешением которого была похоронная монополия... в условиях нормальной смертности. И министр просвещения тоже как-то вдруг осунулся. Боевой дух угас, и он сразу почувствовал себя стариком. Старость подходит порой неожиданно. У одних появляется мудрость, у других же — только морщины.

Президент продолжал свою торжественную речь:

— Господа! Я вижу, вы глубоко взволнованы. От радостного порыва у вас чуть ли не слезы навертываются на глаза. Я уверен, что чувство облегчения наполнит сегодня сердца и души всего нашего народа. Мы одержали мирную победу и будем по-прежнему вооружаться, чтобы закрепить и упрочить мир. Великая Республика Лакония и Младореспублика Куропотамия заключают между собой следующий

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ

Правительство Великой Республики Лаконии, с одной стороны, и Правительство Младореспублики Куропотамии — с другой,

исполненные решимости прекратить возникшие между обоими государствами разногласия и создать условия мирного сотрудничества между ними

и убежденные в том, что прочный мир равно соответствует интересам обеих договаривающихся сторон,

сочли нужным заключить настоящий Договор о дружбе и с этой целью возложили все необходимые полномочия на

Президента Республики Лаконии Боса Тауруса и

Президента Куропотамии Хабачиба Хай Бай Каина.

Предъявив друг другу свои полномочия и признав их действительными, оба Президента договорились о следующем:

Статья 1.

Куропотамия немедленно соглашается на дружбу и обязуется впредь никогда не публиковать заявлений, оскорбительных для Республики Лаконии.

Статья 2.

Республика Лакония обещает относиться к Молодой Республике Куропотамии деликатно.

Статья 3.

Государственная граница между Республикой Лаконией и Младореспубликой Куропотамией демаркируется таким образом, что пограничные районы Друхас-Мулькку с находящимися там нефтепромыслами и со всем оборудованием последних отходят к Республике Лаконии на неопределенное время или до тех пор, пока нефтяные месторождения окончательно не иссякнут. Республика Лакония, со своей стороны, соглашается продавать Куропотамии нефть по себестоимости, с начислением приемлемого процента прибыли, обеспечивающего рентабельность поставок.

Статья 4.

Младореспублика Куропотамия соглашается отменить охранные пошлины на лаконийские кинофильмы, комиксы, фотографии, возбуждающие половую активность, а также на гусиные яйца. Со своей стороны, Лакония соглашается покупать у Куропотамии ограниченное количество текстильных товаров и кинокамер, но пока воздержится от ввоза собачьих хлопушек.

Статья 5.

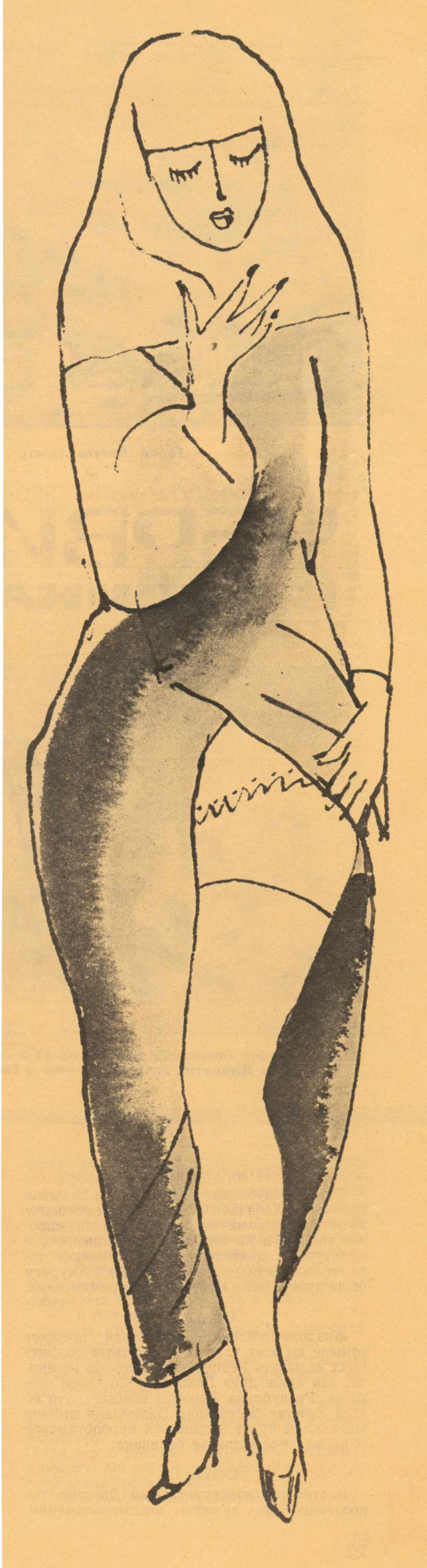
Младореспублика Куропотамия немедленно прекращает табачный демпинг и больше не продает своих табачных изделий торговым партнерам Лаконии.

Статья 6.

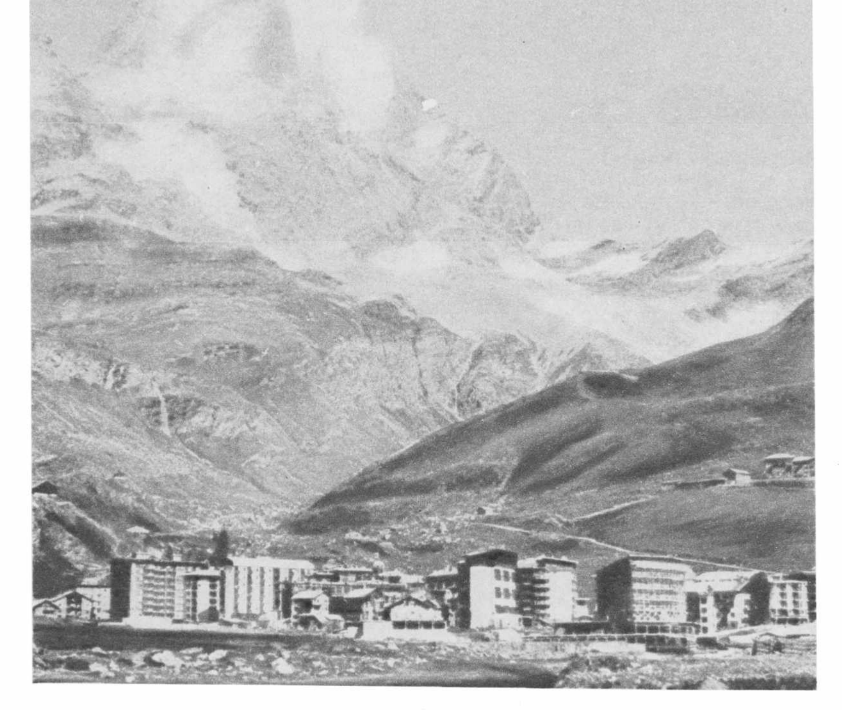
Младореспублика Куропотамия снизит крепость экспортируемого ею рома с восьмидесяти пяти (85) до сорока (40) градусов и одновременно повысит цену этого превосходного напитка на сорок пять (45) процентов. Младореспублика Куропотамия соглашается уплатить Республике Лаконии сто миллионов (100 млн.) лаконийских долларов компенсации за одурманивание лаконийских граждан. Со своей стороны, Республика Лакония соглашается, чтобы этикетки рома остались прежними.

Статья 7.

Республика Лакония соглашается репатриировать в Куропотамию всех проживающих в Лаконии куромоидов, которые непосредственно не участвовали в ограблении магазина Барбатуса. Со своей стороны, Младореспублика Куропотамия обязывается возместить Республике Лаконии расходы, связанные с постройкой дополнительных тюремных лагерей, согласно счетам, которые Лакония представит позднее.

ЧЕРВИНО — ВЕРШИНА НЕ ПРОСТАЯ

Город Бреуль тянется вверх.

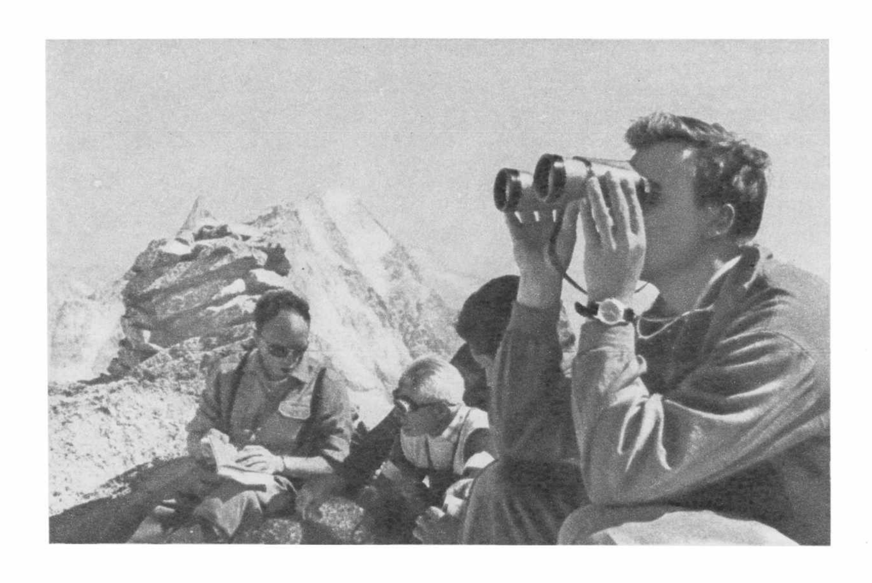
А. КУЗНЕЦОВ,
мастер спорта

Фото автора.

Огонь камина красноватым светом мечется по некрашеному дереву стен и мебели, отражается в зеленом пластике пола. Поблескивает длинный ряд серебряных кубков — награды за победы в горах.

— Врачи, наука никогда не смогут понять, откуда берутся силы у альпиниста для преодоления последних нескольких сот метров. Эти метры выходят за пределы человеческих возможностей,— говорит хозяин дома.

Это Компаньони, человек небольшого роста, плотно сложенный, с крупными чертами лица. Поверх черной шерстяной рубашки на нем надета толстая вязаная кофта серого цвета, на ногах шерстяные носки и домашние туфли. Ахилле Компаньони с Лино Лачеделли были первыми людьми, которые поднялись на вершину «К-2», вторую высоту мира. Компаньони глубоко сидит в грубом деревянном кресле, прикрывая по привычке правой ладонью изуродованные пальцы левой руки — они были обморожены.

На вершине Тур Рондо. Слева направо: итальянский альпинист Серджо Джомотто, Владимир Кизель и Владимир Шатаев.

— У нас этот предел наступил где-то на высоте 8 500 метров. Оставалось подняться всего сотню метров. Лачеделли уже несколько раз спрашивал меня: «Скажи, как меня зовут?» Я отвечал ему: «Тебя зовут Лачеделли, Лино Лачеделли». Мы умирали и понимали это. Но мы продолжали идти вверх. Я знал, что, если мы не дойдем до вершины, мы погибнем. Вершина дала нам силы на возвращение...

Раньше, до знакомства с Альпами, слово «гид» ничего не говорило мне. Я представлял себе так: гид — это что-то вроде экскурсовода. Он водит по городу туристов, показывает им картины, памятники, дворцы и мосты. В Альпах это слово означает совсем иное.

Чтобы стать гидом, альпинист должен окончить специальные курсы. После этого минимум четыре года (а бывает, и десять) он ходит в помощниках гида, в носильщиках. По-итальянски это называется «портаторе». Портаторе не имеет прав самостоятельно водить клиентов на вершины выше трех километров и должен прославиться как спортсмен, то есть сделать не менее десяти восхождений высокого класса. Обычно портаторе, чтобы стать известными, стремятся пройти какой-нибудь рекордный маршрут, удивить спортивный мир. Если после этого носильщик доживает до двадцати пяти лет, он имеет право поступить в школу гидов и держать государственный экзамен. Выдерживает его меньшинство, остальные ходят в носильщиках иногда всю жизнь. В общем, это не экскурсия по Миланскому собору.

Звание гида присваивается пожизненно, до тех пор, пока не переводят в почетные гиды в преклонном возрасте. Я не говорю «или по здоровью» потому, что все гиды на редкость сильны, здоровы и выносливы, как мулы. Вывести из строя его может только серьезная травма.

Гид обязан делать не менее десяти восхождений в год и ежегодно проходить что-то вроде нашей переаттестации — предъявляет в ассоциацию гидов свою книжку, куда каждый клиент заносит отзыв о его работе.

Наша группа — А. Каспин, В. Кизель, Г. Аграновский, К. Клецко, В. Кивуненко, В. Шатаев — приехала в Италию по приглашению ассоциации гидов и министерства туризма Аосты в Северной Италии, альпийской части страны. Наш визит был ответным: в 1962 году итальянские гиды побывали у нас на Кавказе и совершили ряд интересных восхождений. Мы должны были познакомиться с организацией альпинизма в капиталистической стране, укрепить наши спортивные связи и подняться на несколько альпийских вершин.

Городок Бреуль примостился под самым Маттергорном, на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Он вырос неожиданно быстро, как гриб, всего за каких-нибудь восемь-десять лет. Мы разговаривали с крестьянами, продавшими землю за бесценок, просто как не очень хорошее пастбище. А теперь вряд ли найдется в Аосте земля, стоящая так дорого, как в Бреуле. Поскольку по всем его окраинам ежегодно скатываются все разрушающие на своем пути лавины, Бреуль не может расширяться и тянется вверх. Вот и получился городок небоскребов. В наиболее простом доме один квадратный метр, включая балконы, кухню и прочие подсобные помещения, стоит сто тысяч лир. Здесь могут жить только миллионеры. Они здесь и живут.

Подъемник — подвесная канатная дорога — за семь минут увозит в вагончике пятьдесят человек на расстояние в четыре километра. За пятнадцать минут с одной пересадкой вы попадаете на Фурген или Теста Гридия, прямо на гребень хребта, и можете катить на лыжах обратно в Бреуль или по другую сторону, в Швейцарию. Рядом с этими подъемниками быстро сооружается еще одна подвесная дорога, которая за это же время и на это же расстояние будет увозить одновременно 150 человек.

Хороши в Альпах хижины. По пути к Маттергорну мы встретили несколько красивых и благоустроенных хижин. Они так и манят проходящих мимо альпинистов. А

Статья 8 (Секретная).

Младореспублика Куропотамия и лично президент Хабачиба Хай Бай Каин обещают всеми средствами воздействовать на мировое мнение и на ведущих политических и культурных деятелей мира, добиваясь того, чтобы президенту Лаконии Босу Таурусу была присуждена Нобелевская премия мира.

Статья 9.

Младореспублика Куропотамия обещает отныне во всех устных и печатных сообщениях называть Республику Лаконию не иначе, как «наш друг Лакония». Со своей стороны Республика Лакония обещает, что во всех лучших ресторанах Палинодии отныне желающим будет подаваться куропотамское национальное кушанье бисикака.

Статья 10.

Настоящий конструктивный Договор, основанный на лучшем взаимопонимании, взаимном уважении и многовековых традициях добрососедства, вступает в силу тотчас после его подписания и подлежит неукоснительной ратификации.

Обмен ратификационными грамотами состоится через три дня после подписания Договора в столице Республики Лаконии — Палинодии.

Настоящий исторический Договор о дружбе, могущий служить примером и образцом для всех народов и стран мира, составлен в двух экземплярах, на лаконийском и куромоидском языках, причем оба текста являются аутентичными.

Палинодия, 29 ноября 1958 года.
Бос Таурус Хабачиба Хай Бай Каин.

Правительство безмолвствовало. Оно было подавлено силой десяти статей договора. Седеющий министр просвещения, автор школьных учебников по истории, тихо всхлипывал. Министр обороны, питавший отвращение к легким победам, устремил свой взор в пустоту. Премьер-министр что-то рассеянно писал в своем блокноте. Министр внутренних дел судорожно сжимал руку министра социального обеспечения. Остальные члены правительства сидели совершенно неподвижно.

— Добрые друзья всегда идут на взаимные уступки, если ничто не мешает этому,— произнес президент несколько патетически.— Куропотамия входит в число наших добрых друзей. Мужчинам нравятся женщины, которые редко говорят «нет». Великой державе особенно милы те страны, которые боятся сказать «нет». Так рождаются взаимопонимание и крепкая дружба. Но дружба накладывает и обязательства. Теперь мы обязаны принимать все, что друг предложит нам. Я распоряжусь, чтобы все наши средства информации начали широко пропагандировать дружбу между нашими двумя странами, чтобы в ближайшие дни в Куропотамию выехала наша торговая делегация для ознакомления с новыми возможностями

зайдя в такую хижину, окунувшись в ее тепло, уют, посидев у огня, не хочется уже и уходить. Ночевали мы в хижине «Савоя» на высоте 3 835 метров. Эта хижина стоит на полпути от перевала Фесета дель Лионе до вершины Маттергорна (4 478 м). Вернее, она не стоит, она прилепилась к стене на выложенной из камней площадке. Чтобы попасть в хижину «Савоя», надо долго лезть по скальным стенам с применением крючьев и веревки. Местами эти стены отвесные.

Хижина рассчитана на десять — двенадцать человек. У нее нет хозяина, она принадлежит альпинистам. И в ней чистые и теплые одеяла, вся необходимая посуда, печурка, газовая кухня, аварийный запас продуктов и снаряжения. В «Савое» не бывает и не может быть других людей, кроме альпинистов, а они тщательно следят за чистотой и порядком в хижине, оставляют здесь продукты, пополняют запасы топлива.

На Маттергорн мы шли ввосьмером — шестеро наших и Франко Гарда с Джино Бармасом. Поднимаясь к перевалу по сыпучим скалам, мы встретили трех альпинистов, которые ждали нашего подхода, чтобы не сыпать на нас камни. Подойдя к ним, мы увидели, что средний в связке весь окровавлен, а его шерстяная шапка туго натянута на забинтованную голову. Мы сразу предложили помощь и готовы были без всяких колебаний отказаться от восхождения, чтобы спустить этого парня. Но, к нашему удивлению, от помощи они отказались категорически. Парень с поврежденной головой шел сам. Он не мог позволить нести себя, тем более посторонним людям: ведь за спасательные работы здесь полагается платить. Так они и ушли, и мы ничего не могли для них сделать.

С увеличением крутизны и сложности скал нам все чаще стали попадаться кресты. Прямо в скалы вцементированы кресты и мемориальные доски, а на них написано: здесь тогда-то погиб такой-то. Иногда фотография погибшего. Это, конечно, делает рекламу вершине, но не действует на альпинистов ободряюще. Иной раз создается такое впечатление, что ты идешь по вертикально поставленному кладбищу.

За один только этот год и на одном лишь массиве Монблана погибло пятьдесят пять альпинистов. Отчего же происходят несчастные случаи в Альпах? В первую очередь эти страшные цифры можно объяснить тем, что здесь каждый идет куда хочет и когда ему вздумается. Люди без всякого опыта и альпинистской техники, без знания гор и их опасностей отправляются на самые рискованные маршруты, нередко в одиночку. Альпинизм расценивается как заведомый риск, как игра со смертью.

Маттергорн, или, как его называют итальянцы, Червино,— вершина не простая. Здесь надо лезть, бить крючья, работать с веревкой и все время идти с попеременной страховкой. Двойка же наших друзей — Франко и Джино, оба держа веревку в кольцах, проходили все стенки без остановки и без оглядки. Они сильные ребята, кроме того, они уверены в себе и хорошо знают маршрут.

Позже, когда мы уже спустились в Бреуль, нам сказали, что в день нашего восхождения на Маттергорне разбился один француз и замерз англичанин. Англичане шли на вершину со стороны Швейцарии. Видимо, допустив просчет в тактике, не рассчитав время, они не успели за день подняться до вершины и вынуждены были заночевать на стене. К утру один из них замерз, а остальных сняли гиды.

Если бы на наиболее сложных стенках Маттергорна не было навешано толстых, в руку человека канатов, маршрут, по которому мы поднимались (самый простой на эту вершину), мог бы быть классифицирован по нашей системе как 4-Б категории трудности. А так и не знаешь, как его оценить. Эти канаты помогают, конечно, подниматься, но в то же время к ним следует относиться с осторожностью. Они старые, прогнившие. Потом, по ним никто не лезет со схватывающим узлом. В любой момент подъема или спуска альпиниста всегда может ударить по голове или по руке небольшой камень. Этого будет достаточно, чтобы на секунду выпустить канат и полететь вниз.

Гарда и Бармас, пролупив очередную стену, садились на уступчике поджидать нас. При этом Джино доставал свою флягу, а Франко—оплетенную ивовым прутом бутыль, и оба они запрокидывали головы. Пили они отнюдь не воду. Итальянцы вообще пьют много виноградного вина.

...Мы сидим в большом солнечном холле хижины «Торино» среди наших новых друзей. Высота — 3 370 метров. В окно смотрят сверкающие льды и остроконечные пики Монблана. Наша четверка вернулась с восхождения на Гранд Капуцин. Это большая победа. Стена Гранд Капуцина широко известна не только в Европе, но и среди альпинистов всего мира. Ребята прошли пятьсот метров стены крутизной более девяноста градусов, преодолели около пятнадцати нависающих участков скал. Все время на весу. Сегодня мы отдыхаем, даем интервью, беседуем. Интерес к нам, к Советскому Союзу настолько велик, что мы ни на минуту не можем остаться одни.

На следующий день мы уезжаем из-под Монблана. Альпинисты провожают нас. Хозяин хижины стоит и молча смотрит, как мы укладываем рюкзаки и снаряжение в вагончик подъемника, который умчит нас сейчас вниз, в город. Ребята подходят пожать ему руку. Глаза его краснеют и наполняются слезами. Он что-то быстро говорит по-итальянски и поспешно уходит в дом. Нам переводят его слова:

— Прощайте, ребята! Я был в России, в плену. Голодные и оборванные русские женщины кормили нас тогда. Тогда у них у самих ничего не было. Ничего! Может быть, это были ваши матери.

КОНКУРЕНТ БУДЕТ ПОМОЩНИКОМ

Добрые дела нефтепровода «Дружба» известны далеко за пределами нашей страны. Большую экономическую выгоду, которую он дает, уже успели получить Венгрия, Чехословакия, Польша и Германская Демократическая Республика — страны, по которым сейчас течет нефтяная река, берущая начало в заволжских далях.

Но монополии нефтепровода «Дружба» скоро наступит конец. У него появится конкурент и помощник — газопровод, которому уже сейчас дали доброе имя «Братство». Более чем пятисоткилометровая нитка газопровода свяжет богатейшее месторождение близ Дашавы и один из промышленных районов Чехословакии.

Проект газопровода разработан специалистами киевского филиала института «Гипрогаз» в содружестве с чехословацкими специалистами.

Трасса газопровода пройдет в районах, не простых для ее прокладки. Одним из основных препятствий явится карпатская гряда. Здесь предстоит вырубать специальные террасы-полки и укладывать на них трубы довольно значительного диаметра.

Советские специалисты предусмотрели применение новейших механизмов, которые позволят посылать газ под высоким давлением, что значительно ускорит его доставку и позволит отправлять большие порции голубого топлива.

К. КОСТИН

Воздушный водовоз

— Наши пилоты возят в Каракумы продовольствие, оборудование, почту геологам, изыскателям, строителям, которые работают в Дарвазе,— рассказывает пилот-инструктор Иван Николаевич Меркулов.

Мы сидим с ним в тени навеса на аэродроме. Жарко. Наливаю стакан воды, а Иван Николаевич, улыбаясь, говорит:

— Кстати, и воду в Дарвазу на самолетах доставляем. Хоть дороговато, но иного выхода нет. Возим регулярно. Каждый день — два-три рейса...

Пилот-инструктор ведет меня на стоянку самолетов и указывает на один из них.

— Вот он, наш воздушный водовоз, знакомьтесь!

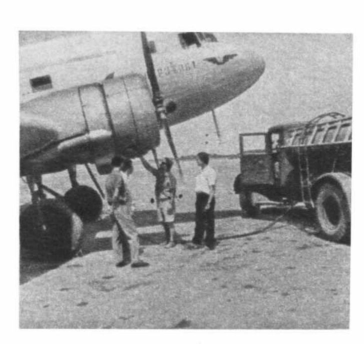
Но знакомиться не надо. Ведь это «ЛИ-2», на котором я летал во время войны. В пассажирской кабине, где сейчас огромный бак для воды, стоял на турели крупнокалиберный пулемет. А в пилотской кабине все осталось по-прежнему. Только с кресел летчиков сняты бронеспинки.

Рейсы над пустыней на стареньком «ЛИ-2» требуют от пилотов настоящего летного мастерства, физической выносливости. Приняв на борт две с половиной тонны воды, «ЛИ-2» медленно набирает высоту. А солнце его разогрело так, что в пилотской кабине, будто в печке. Командир экипажа Петр Васильевич Бурмаков, второй пилот Феликс Михайлович Залесковский, бортрадист Петр Иванович Воронин обливаются потом. От раскаленного песка поднимаются мощные потоки нагретого воздуха. Пустыня словно дышит, и ее дыхание жестоко болтает самолет. И так на протяжении всего рейса, пока на желтом фоне песка не появятся четкие контуры буровых вышек, ряды временных домиков. Воду перекачивают в цистерны, и экипаж отдыхает.

Каждый день — в жару, в болтанку, а то и сквозь черные бури, когда мелкий песок темным пологом закрывает землю,— воздушные водовозы доставляют строителям Дарвазы живительную влагу.

А. ГОЛИКОВ,
спецкор «Огонька»

Ашхабад — Дарваза.

Самолет загружают водой.

развития экспорта, чтобы школьные учебники были переизданы с необходимыми исправлениями: такие определения, как «варварская Куропотамия» и «отсталая соседняя страна», следует всюду заменить на «дружественная нам Куропотамия» и т. п. Следует также отменить некоторые ограничения, существующие у нас для куромоидов. Надо установить, например, чтобы представитель куромоидной расы мог получить в армии звание офицера интендантской службы, чтобы смешанный брак между лаконийцем и куромоидкой не преследовался и чтобы дети от таких смешанных браков — куромулаты — имели право занимать даже руководящие должности после десятилетнего испытательного срока. Крепкая дружба между двумя нашими странами потребует еще многих распоряжений, но мы отдадим их позже. Может быть, года через два опубликуем специальный сборник постановлений.

Президент Бос Таурус окинул членов правительства вопрошающим взглядом. Поскольку все молчали, я собрался с духом и спросил:

— Господин президент, в какой мере Договор о дружбе меняет характер дела Барбатуса?

— Очень незначительно. Только теперь придется рассматривать его как чисто внутриполитическое событие. А направляющие нити у вас имеются?

— Имеются, господин президент.

— И обвиняемых достаточно?

— Совершенно достаточно, господин президент.

— В таком случае лучше всего начать суд как можно скорее. Нам надо покончить с этим запутанным процессом до выборов. Заседание закрыто.

Выходя из зала заседаний, премьер-министр поймал меня и прошептал на ухо:

— Друг мой Тимидус! Последние дни я все думаю о судьбе господина Барбатуса. Он пострадал слишком сильно. Надо бы как-то возместить его утраты. Хоть частично. Принять в нашу партию такого идиота, конечно, нельзя, но у меня есть одно предложение, которое наверняка заставит его действовать в нашу пользу. Я, пожалуй, откажусь от похоронной монополии и уступлю ее по сходной цене господину Барбатусу.

— Слишком поздно,— сухо ответил я.— Он перевел капиталы в Швейцарию и сам собирается на днях сбежать в Англию.

— В Англию?

— Да, чтобы организовать там эмигрантское правительство.

Премьер-министр, наверно, не слышал последних слов, и ответ его прозвучал несколько рассеянно:

— Так-так... Это интересно. Я сейчас тороплюсь, но мы еще вернемся к этому разговору.

Он сел в машину и укатил в гостиницу «Фокус». Он всегда так спешил, что просто не успевал бросить пить.

Окончание следует.

А вечером Андрей Моргунов будет танцевать.

Воркутинские характеры

Н. ТОЛЧЕНОВА,
Е. УМНОВ

Говорят, все горняки — суровые люди: им, мол, под землей не до веселья! Шахтеры Воркуты опровергают подобное мнение. Конечно, никто из них в шахте не поет и не пляшет. Так ведь и в поле, и за письменным столом, и у станка настоящий человек трудится всерьез. Ну, а уж отработав смену, выбравшись на поверхность, воркутинский шахтер ни за что не будет сидеть дома. Он приведет себя в порядок, смоет начисто угольную пыль, только вокруг глаз, как у московской модницы, останется несмываемая уже вовеки полоска, будто прочерченная тушью, отчего у всех горняков со стажем взгляд становится каким-то особенным.

Горняк отправляется в клуб или Дом культуры. А если этот шахтер работает не первый год, то уж наверняка успел выявить свои таланты; в таком случае он садится на автобус и едет в Воркуту, во Дворец культуры шахтеров, на репетиции у себя в гримерной. Мы спросили его, не хотел ли бы он перейти на постоянную актерскую работу, ведь при Дворце культуры, кроме народного, есть еще и профессиональный драмтеатр.

— Зачем? — возразил, не раздумывая, Завалишин. — Жизнь моя полна!..

А разве уговоришь оставить шахту проходчика Андрея Моргунова! Он прирожденный горняк, хотя, находясь в армии, нес службу в частях морской авиации. Жена Андрея, Валюша,— учительница, у них растет трое ребятишек — все это приметы для шахтерского поселка немаловажные. Но когда мы приехали на шахту № 29 и попросили показать, где живет Андрей Моргунов, то встречные нас непременно переспрашивали:

— Ах, это, наверно, высокий Андрей, который танцует?..

Окончив студию, Моргунов танцует третий год. За это время он не пропустил ни одного спектакля, ни одной репетиции, как бы ни бесновалась на дворе пурга. Видно, что Андрей — человек тихий и покладистый, что характер у него ровный, как говорится, золотой, но достаточно упорный. Поэтому-то Андрей и обжился в Воркуте, как большинство здешней молодежи, после армии. Он воркутинец с 1959 года — это срок солидный. А вот совсем молодая воркутинка — врач Галина Борисовна Егорова, эпидемиолог. Она два года назад приехала из Ленинграда, окончив вуз.

Владения Галины Егоровой

Лишняя репетиция не помешает.

Не перечесть директорских забот.

Нину Сабурову знают все.

Гримируется экономист Завалишин.

занятия одной из многочисленных школ-студий.

Может случиться, что он и студию уже закончил. Ну так, значит, его ждут на репетицию либо на концерт или спектакль.

Народный ансамбль песни и пляски, народный драматический театр, оркестр народных инструментов, народная оперетта, народный ТЮЗ, студия изобразительного творчества — это перечень только самых крупных коллективов, получивших известность и в республике Коми и за ее пределами. А уж внутри этих коллективов особым почетом пользуются здешние Лемешевы и Максаковы, Мордвиновы и Плисецкие...

В нынешнем году народный драмтеатр, вероятно, откроет сезон пьесой Шкваркина «Чужой ребенок». Экономист Владимир Васильевич Завалишин готовится к

У Гали Егоровой богатое меццо-сопрано. Слушатели начинают аплодировать Егоровой, едва увидев ее на сцене; здесь она больше всего известна «Хабанерой». И в поликлинике и во Дворце культуры держится Галина Борисовна строго: еще бы, человек авторитетный. Но когда мы спрашиваем ее о Воркуте, она не может сдержать улыбки:

— Мне хочется крикнуть подругам: не бойтесь, идите жить в такие города, будьте смелее! Жизнь здесь — кладезь интересного, и ни один день не похож на другой...

Такой уж обычай в Воркуте: не таись от друзей, сразу покажи, на что ты способен! Ведь жить тут людям с песней, музыкой, танцем куда легче и светлей.

Вот этот хороший обычай и кладет в основу своей работы Нина Осиповна Сабурова. Она заведует отделом культуры в райкоме профсоюза угольщиков, а главное, обладает на редкость живым и общительным характером. По ее убеждению, людей без способностей вообще не бывает. И уж будьте уверены, обнаружив эти способности, она проследит, чтобы человек не остановился на полдороге, поддержит его добрым словом, шуткой, умным и дельным советом, заставит учиться. Хозяйство у нее огромное, но на всех шахтах она как у себя дома: всех знает, всех помнит, о всех умеет позаботиться! Вокруг таких людей, как Нина Сабурова, дело словно само собой ладится.

И получается, что трудней всех живется в шумном, веселом, залитом светом Дворце культуры директору В. В. Цимбалу. Вы только поглядите, как он озабочен! Пять коллективов сразу требуют большой зал и сцену. Что тут придумаешь? Никакой график не спасает...

Зато уж «захватив» сцену, воркутинские народные коллективы всегда могут рассчитывать на аншлаг, это доказано практикой. Однако любовь публики хоть и обеспечена, а все-таки о ней всегда надо заботиться, и лишняя репетиция перед концертом ничуть не помешает.

Среди танцоров здесь вы можете увидеть Андрея Моргунова, взметнувшегося в невероятном прыжке. А одна из малюсеньких женских фигурок — это телефонистка Люда Гичко, комсомолка, будущий врач. Вот она рядом, на нашей цветной вкладке. Когда многие старшие ее подружки разъехались в отпуск, девушка проводила дни на работе, а вечерами тренировалась еще и на лодочной пристани: сильные мускулы необходимы для балета, а с танцем Люда решила и впредь не расставаться. Тут тоже если еще и не родился, так уж точно, что наметился настоящий воркутинский характер...

Фото А. Бочинина.

Друзья наши, куклы

Юрий АРБАТ

Казалось бы, какая связь между освоением космоса и маленькой деревянной игрушкой — матрешкой?

А связь есть.

Когда космонавт-три Андриян Николаев собирался в свой звездный полет, на космодроме к нему подошел инженер-испытатель космических ракет, передал матрешку и шутя сказал:

— Возьми с собой. Если заскучаешь, будет чем поиграть.

И, веря в успех далекого рейса, добавил:

— Только помни: матрешку вернуть. И только мне. Я буду встречать на месте посадки.

Андриян Николаев ответил по-военному:

— Вас понял. Будет выполнено.

И действительно, он выполнил просьбу инженера, который теперь является обладателем уникального сувенира — матрешки, побывавшей в космосе.

Однако это еще не все о связи матрешки с космосом. Анастас Иванович Микоян во время одного из визитов на Кубу посетил писателя Э. Хемингуэя. Среди подаренных от имени Советского Союза сувениров была маленькая модель космического спутника и матрешка. Милую русскую деревянную куколку писатель уже знал и встретил ее улыбкой.

До нас дошли глиняные фигурки, которым несколько сотен лет. А матрешке менее семидесяти лет. Это одна из самых молодых русских игрушек. Первый образец, еще при жизни современных бабушек, сделал в Троице-Сергиевском посаде (ныне Загорск) токарь Звездочкин и расписал художник Сергей Малютин. За годы жизни одного поколения людей матрешка завоевала симпатии буквально всего мира: где она появляется — ее раскупают мгновенно, и заказы все увеличиваются.

Растет матрешкина семья. Теперь эти куклы-сувениры делают не только в Загорске, но и в подмосковных селах Бабенки, Гривны и Кузнецово, в Горьковской области (город Семенов, село Полховский Майдан), Калинине и Кирове. Появились матрешки в национальных костюмах — башкирская родом из Уфы, белорусская из Минска и Бреста, мордовская из Саранска, марийская из Йошкар-Олы. Пятьсот тысяч штук в год в одном месте, миллион штук — в другом, полтора миллиона — в третьем—и все равно матрешек не хватает.

Особенно разнообразные матрешки стали делать в Калинине: там есть и такие, где контуры росписи выжжены, а не нарисованы, есть озвученные, есть с неваляшкой внутри...

А с чего там началось? С артели «На все руки», созданной в 1935 году. Мало-помалу стали специализироваться на токарных игрушках с выжиганием. Заслуга калининской фабрики (у нее столь длинное и неудобопроизносимое наименование, что я обойдусь без него) в том, что здешние творцы игрушек умело сочетают старинные русские народные традиции токарного мастерства и современное отношение к форме и росписи. А кроме того, не забывают, что русской игрушке всегда был свойствен юмор.

В результате появляются невольно вызывающие улыбку усатый «дед», простодушная «баба», пузатый «повар», «пекарь» с булкой. А как забавен «грибник»: голова с белой бородой у него в форме редьки, подозрительно красноватый нос похож на кляп от бочки. И ничего, что голова величиной с туловище, ведь это же игрушка.

В веселую компанию точеных человечков входит и клоун Карандаш и милиционер в будке, которую народ-острослов давно окрестил «стаканом».

И удивительное дело: образцы, созданные для калининской фабрики в лабораториях Загорского института игрушки, не так остроумны и забавны, как те, что родились непосредственно в цехах.

За облик игрушек отвечает Анатолий Перетягин, окончивший Московское художественно-промышленное училище имени Калинина. Но в чуде создания новых игрушек — народных и современных — главные роли принадлежат двум, прямо скажу, необычным художникам-самородкам.

Один из них — Борис Шаров — сын местного сапожника и сам до армии работавший сапожником, нигде искусству не учился. Но его талант бесспорен. Шаров — автор самых интересных игрушек: усатого «деда», «бабы», «грибника», Карандаша. А сколько у него еще задумано забавных вещей! Будь дирекция фабрики и представители торговли порасторопней, на полках магазинов страны давно появилось бы много новых чудесных калининских деревянных вещиц. Впрочем, не надо и сейчас сужать географию спроса. Шаровские «ваньки-встаньки с балалайкой» и «ваньки-встаньки с гармошкой», а также другие игрушки охотно закупаются Англией, Голландией, Италией и другими странами. Игрушки эти дешевы: липа—материал, имеющийся в изобилии, а в качестве груза идут отходы с механических заводов.

Другой художник фабрики — Юрий Фокин — девятилетним пареньком попал под поезд и лишился обеих рук выше локтя и одной ноги. Немалую силу воли надо было иметь, чтобы окончить школу-десятилетку и стать художником. И не просто исполнителем — с этого Юрий только начал,— а художником думающим, автором превосходных образцов. Его «кубышка с корабликами» была показана на первой областной выставке декоративного искусства. Очень хорош у него маленький деревянный «Емеля» с ведрами меньше наперстка, сувениры «пряха» и «посиделки». Матрешка «Машенька» — его создание, так же как и трогательные «близнецы».

Как же рисует Ю. Фокин? Иногда приспособив на резинке кисточку к остатку правой руки, иногда взяв кисточку в зубы. Невольное уважение и восхищение вызывает у всех этот мужественный и талантливый человек.

Известно, что игрушка — это не только забава. Она помогает воспитывать ребенка, она становится сувениром, своеобразной визитной карточкой своей страны. Вот почему матрешку можно взять с собой в космос, а «грибника» или сказочного «Емелю» подарить другу и гостю.

Б. Шаров за работой.

ПУШКИНИСТ-ПОЭТ

История литературы — интереснейшая из наук. Она, к сожалению, становится скучной, когда к ней прикасаются люди, наделенные усердием, но лишенные таланта. Она сверкает яркими красками, если автор не только усерден в труде и терпелив в розысках, но и обладает талантом историка и писателя. В своей посмертно опубликованной рецензии на книгу «Незавершенные работы Пушкина» Юрий Олеша назвал ее автора, Илью Львовича Фейнберга, пушкинистом-поэтом. «К простому упоминанию имени,— пишет Олеша,— автор присоединяет еще что-то, почти неуловимое, некое «чуть-чуть», и за текстом филолога вдруг видишь картину: блестят ордена, дымят свечи, в зал входит Пушкин».

Вот это волшебное «чуть-чуть» и есть результат вторжения в историю автора, наделенного счастливым даром художественного видения.

От книги И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина» невозможно оторваться — так она интересна, хотя, казалось бы, сугубо специальна. Но, будучи строго научной, она воссоздает нам облик живого Пушкина, с его ослепительной улыбкой, умным и острым словом, со всеми радостями и печалями его короткой, кипучей и трагической жизни.

Книга И. Фейнберга так густо насыщена исследовательским материалом, что по праву может быть названа энциклопедией последнего периода жизни великого поэта. За каждой страницей книги зримо видишь горы прочитанных рукописей, документов, монографий, годы упорных поисков, сопровождавшихся радостными находками. Автор щедр — он не жалеет ничего для читателя. Другой на его месте издал бы на том же материале несколько томов, но Илья Фейнберг все вместил в один том. Вот тот случай, когда можно с полным правом сказать: «Словам тесно, мыслям — просторно».

Во время Великой Отечественной войны И. Фейнберг, причисленный к флоту, читал на кораблях, на полевых аэродромах, на военно-морских базах лекции о Пушкине. Тогда еще у него не было книг, он был молодым пушкинистом. Но читал он так, что моряки просили приезжать еще и обращались с рапóртами, что лекции о Пушкине поднимают дух личного состава.

Увлеченность, пронесенная через всю жизнь, увлеченность, соединенная с талантом историка и художника, дала нам пушкиниста-поэта, разновидность, не часто встречающуюся в среде литературоведов.

Илье Львовичу Фейнбергу 60 лет!

Хочется от души поздравить его. У него много читателей и поклонников, искренне любящих его.

Ник. КРУЖКОВ

ПЕСНИ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКОЙ

Подзаголовок этой книги — «Литературные очерки и портреты» — не совсем точно отражает ее содержание, хотя в основном книга действительно состоит из пяти критико-биографических очерков, посвященных крупнейшим белорусским поэтам: Янке Купале, Якубу Коласу, Максиму Танку, Аркадию Кулешову и Петрусю Бровке. Каждый из очерков представляет собой вполне законченное и самостоятельное исследование и мог бы существовать отдельно, но Евгений Мозольков, знаток белорусской литературы, поставил перед собой иную цель: раскрыть истоки и проследить формирование белорусской литературы в непосредственной связи с историей Белоруссии.

Автор начинает свою книгу с пересказа чудесной, поэтичной легенды о «поющей земле». И дальше, знакомясь с биографиями и творчеством Янки Купалы и Якуба Коласа, все время вспоминаешь этот образ, как бы слышишь голос «земли, рождающей музыку». Устами поэта говорит народ о своих страданиях, нищете и бесправии, о гневе и ненависти к угнетателям, о прекрасном будущем, за которое нужно бороться.

Та же высокая гражданственность звучит в творчестве Максима Танка, Бровки и Кулешова. Подробно анализируя крупные поэтические и прозаические произведения этих писателей, задерживая внимание читателя на целом ряде отдельных стихотворений, автор книги убедительно показывает неразрывное единство поэта и народа, отражение в литературе всего самого значительного, чем живет родная страна.

Много внимания уделяет Евгений Мозольков художественной манере, языку, стилю поэтов, о которых рассказано в книге. Подмечая своеобразность поэтического голоса каждого из них, он указывает и на общий для всех животворный источник — народную поэзию.

Подробные биографии, строки из воспоминаний, личные впечатления и встречи автора, главы, посвященные отдельным произведениям, литературоведческий анализ, осмысление родственных связей творчества белорусских писателей с творчеством классиков русской и украинской литературы — все это разнообразное богатство объединено в книге Евгения Мозолькова общим замыслом. «Поющая земля» — цельное и познавательное исследование.

Н. ЦВЕТКОВА

Евгений Мозольков. Поющая земля. «Советский писатель». Москва. 1965.

Примо Джибелли — командир звена Н-ского авиаотряда. 1926 год.

Лев **ВАСИЛЕВСКИЙ**,
полковник в отставке,
участник войны в Испании

«За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявление при этом героизма...»— так начинался Указ ВЦИК СССР от 31 декабря 1936 года. 17 гражданам нашей страны, до этого мало кому известным, присваивалось звание Героя Советского Союза. Среди них был и Примо Джибелли—летчик Н-ского авиаотряда. Как новогодний подарок прозвучал этот Указ в канун 1937 года.

За 50 дней до этого, 10 ноября 1936 года, с далекого аэродрома новичком, во всем сказывался его большой практический опыт и высокая теоретическая подготовка. Для него не существовало незнакомых типов самолетов.

...Есть на севере Италии город Турин, крупнейший промышленный центр, колыбель итальянского рабочего движения. Там в семье столяра в декабре 1893 года родился мальчик, которому дали имя Примо. Его отец, Анджело Джибелли, потомственный рабочий, активный участник первых рабочих социалистических кружков, появившихся в Италии во второй половине XIX века, до конца своей жизни оставался в авангарде революционного движения.

В Ортике, тогда еще деревушке близ Милана, маленький Примо начал ходить в школу. До нас дошла фотография тех лет, где на фоне грязной стены и дощатой двери бедной сельской школы в пять рядов сидят и стоят 38 учеников. Все они бедно одеты, у многих на ногах деревянные сандалии. Посреди группы важно восседает учитель. Высокий крахмальный воротник подпирает его округлый подбородок. Своих учеников он, наверное, наказывал роз-

Первая мировая война застает Джибелли все на том же заводе ФИАТ. Как и прежде, он смело агитирует против новой империалистической войны и в 1916 году вторично попадает в тюрьму. На этот раз его держат взаперти полгода. Война продолжается. Итальянская армия несет огромные потери. Призыв следует за призывом, и в декабре 1917 года очередь доходит до Примо Джибелли. Его направляют в ускоренную офицерскую школу. Что ж, революционеру, готовящемуся к классовым боям, не мешает знать военное дело. Новоиспеченный лейтенант получает назначение в 121-й Анконский полк.

К счастью, война вскоре оканчивается, фронты ликвидируются. И нет больше необходимости держать в армии политически неблагонадежного офицера. В 1919 году Примо Джибелли возвращается на завод ФИАТ и вновь с головой уходит в революционную работу.

Повода для нового ареста искать долго не пришлось. В третий раз Джибелли судят и приговаривают к двум годам тюрьмы. Но сидеть за решеткой, когда рус-

Примо Джибелли - Гер

> *«...Героя Советского Союза Джибелли Примо Анджеловича зачислить навечно в списки цеха «Мотор».*
>
> Из приказа директора Московского автозавода имени Лихачева, изданного к 20-летию Победы.

Примо Джибелли (в первом ряду третий слева) в кругу семьи Антонио Грамши (в первом ряду второй слева).

Альбасете в Испании в воздух поднялись пять тяжелых бомбардировщиков «Потез-54» 1-й Интернациональной эскадрильи только создававшихся военно-воздушных сил республики.

Один из этих бомбардировщиков вел сорокатрехлетний летчик Примо Джибелли.

Кем же был этот советский гражданин, итальянец по национальности?

В июле 1936 года одним из первых он появился на пункте записи добровольцев в интернациональные части Испанской республиканской армии. Слегка прихрамывая, он прошел по коридору в комнату, где оформлялись документы. Будущие бойцы интернациональных бригад не спешили уходить из этого дома. Небольшими группами они толпились в коридоре, обсуждая последние известия о ходе войны в Испании и знакомясь друг с другом. Но Примо Джибелли, быстро выполнив все формальности, вышел из комнаты и, пряча на ходу документы в карман гимнастерки, заспешил к выходу. «У меня много дел на заводе»,— сказал он товарищам, хотевшим задержать его, чтобы познакомиться и поговорить с ним.

Примо раньше всех уехал в Испанию, и, когда первая группа советских летчиков-добровольцев в августе 1936 года прибыла в Мадрид, он встречал их на вокзале. Этот энергичный человек не терял даром времени и с первого дня приезда в Испанию начал учить летному делу молодых испанцев. Всем бросалось в глаза, что в авиации Джибелли не был

гами — таков тогда был порядок в школах Италии. В верхнем ряду снимка, пятым слева, стоит маленький мальчик с веселыми и немного лукавыми глазами. На нем скромная курточка и сбившийся набок пышный бант, повязанный матерью ради торжественного случая. Это Примо Джибелли — сын столяра.

Отец стремился сделать из сына сознательного и грамотного борца за рабочее дело, и, хотя учение стоило дорого, он все же дал сыну среднее техническое образование. Примо после учебы в начальной школе уезжает во Францию и три года учится в гимназии в Безансоне. Затем в 1909 году оканчивает в Турине высшую школу мастеров-техников и поступает на крупнейший автомобильный завод ФИАТ.

Социалистический союз молодежи — первая революционная организация, в которую вступает молодой Джибелли. Королевская Италия в 1911 году начинает захватническую колониальную войну в Ливии. Тысячи молодых итальянцев погибают в жарких песках африканской пустыни. Война не нужна рабочему классу, и Примо Джибелли со всем жаром своей молодой души агитирует против нее. Его арестовывают и на два месяца заключают в тюрьму. Это — первое боевое крещение на его революционном пути. Тюрьма только закаляет революционера, репрессии не останавливают его. Биография молодого итальянского рабочего перекликается с биографией русского рабочего Павла, героя горьковской повести «Мать».

ская революция всколыхнула весь мир и вселила надежды, Примо не может. К тому же чернорубашечники Муссолини начинают расправляться с революционерами. Удачный побег из тюрьмы — и Джибелли переходит на нелегальное положение.

Все передовое в итальянском революционном движении группируется вокруг Антонио Грамши, создавшего в январе 1921 года Итальянскую коммунистическую партию. Среди ее первых членов был и Примо Джибелли.

Полиция и чернорубашечники-фашисты рыщут по его следам. Четвертый арест уже угрожал бы жизни молодого революционера, и по указанию партии он покидает Италию. С этого времени начинается новый этап в революционной биографии Примо Джибелли.

Преодолев все трудности, он достигает границ Советского Союза и вступает добровольцем в ряды Красной Армии. Ему довелось участвовать в последних боях гражданской войны. В четвертую годовщину Октябрьской революции Примо Джибелли становится членом Российской коммунистической партии большевиков.

Прекрасный механик, замечательный знаток своего дела, Джибелли после окончания гражданской войны поступает в Качинскую авиационную школу и успешно оканчивает ее. Отныне он пилот и командир Военно-Воздушных Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Став первоклассным летчиком и искусным воздушным бойцом, свой первый

П. Джибелли среди летчиков своего авиаотряда. 1928 год (третий слева).

П. Джибелли с дочерью в 1936 году, за несколько месяцев до отъезда в Испанию.

ой Советского Союза

орден Красного Знамени Примо Джибелли получает в 1926 году. В постановлении о его награждении орденом говорится: «За особые заслуги в борьбе против врагов Социалистической Родины». Это была не единственная награда, полученная отважным летчиком до 1936 года: именное боевое оружие, почетная грамота ВЦИК СССР.

Джибелли несколько лет работает в одной из авиационных школ, обучая молодых курсантов.

Такие летчики, как Примо Джибелли, неизбежно становятся испытателями. Десятки типов самолетов поднял он в воздух. На этом трудном пути ему не удалось избежать превратностей судьбы. Тяжелая авария и ранение, сделавшее его на всю жизнь немного хромым, заставили летчика-испытателя, которому уже перевалило за сорок, оставить любимую работу. В начале 1936 года он возвращается к своей первой профессии и поступает мастером на Московский автомобильный завод имени Лихачева.

Здесь его и застает известие о начале фашистского мятежа в Испании...

В 1-й Интернациональной эскадрилье сражались герои, о которых еще будут написаны книги: испанец Мокальдо Мендиола, награжденный орденом «Лавры Мадрида», русские Проскуров, Котов, Бибиков, Тхор, Деменчук, Десницкий, немец Эрнст Шахт, венгр Акоч Хевеши, итальянец Примо Джибелли, болгарин Захар Захариев, американец Пекарь, французы, бельгийцы, русские эмигранты из разных стран, чьи имена не сохранились. Немногие из них дожили до наших дней, судьба многих трагична... Среди оставшихся в живых соратников Примо Джибелли по войне в Испании — генерал-лейтенант Герой Советского Союза З. С. Захариев (Горанов), в прошлом летчик ВВС РККА, ныне военный атташе при посольстве Болгарской Народной Республики в Москве, штурман, ныне подполковник запаса К. Т. Деменчук и Герой Советского Союза стрелок-радист П. П. Десницкий. Эти трое на самолете, пилотируемом З. С. Захариевым-Горановым в тот памятный день, 10 ноября 1936 года, поднялись с аэродрома Альбасете, чтобы отправиться в полет, из которого Примо Джибелли не вернулся. Они летели в одном строю с его самолетом, пока он не отделился от них.

Итак, пять самолетов «Потез-54», получив задание уничтожить скопление зенитных батарей противника в районе Мадрида, взяли курс на цель. Над условленным пунктом их не встретили истребители прикрытия. Тогда командир группы бомбардировщиков, офицер старой королевской армии, майор Ла Рокетта отказался от выполнения боевого задания и повел эскадрилью на аэродром Алкала, находившийся немного восточнее Мадрида. Неразбериха, анархизм, предательство со стороны старых офицеров были нередким явлением в первые месяцы войны. Позже Ла Рокетта был разоблачен как предатель.

Сейчас трудно сказать: то ли Джибелли не заметил сигнала ведущего, то ли, не доверяя Ла Рокетта, не согласился с его трусливым решением,— но он не последовал за ним и повел свой бомбардировщик на выполнение задания, которому придавал большое значение. Придя на цель, он вызвал на себя огонь всех зенитных батарей и с поразительным хладнокровием начал прицельное бомбометание, поражая одну батарею за другой. На протяжении 7—8 минут его самолет оставался над целью среди массы разрывов зенитных снарядов.

С позиций республиканских войск видели, как самолет Джибелли был подбит и, объятый пламенем, стал падать. Кто-то из экипажа выпрыгнул с парашютом из горящей машины. Но никто из семи членов экипажа Джибелли не вернулся на республиканскую территорию.

Все, кто знал Примо Джибелли, как-то не верили в его гибель. Позже стало известно, что раненым он попал в плен. На протяжении суток его допрашивали, пытали озверевшие фашисты и, ничего не добившись, расстреляли.

15 ноября 1936 года германский бомбардировщик сбросил над Мадридом на парашюте ящик, в котором оказался расчлененный и обезображенный труп. Многие утверждали и утверждают до сих пор, что это был Примо Джибелли...

Так жил и умер коммунист Примо Джибелли, до конца выполнивший свой интернациональный долг. В рядах советской авиации и Испанской республиканской армии он сражался за свободу своего родного итальянского народа. На знаменах интернациональных частей было написано: «За вашу и нашу свободу!»

К этому времени Примо Джибелли было без малого 43 года— почтенный возраст для военного летчика. Воздушный противник в Испании был силен. Присланный Гитлером в помощь Франко воздушный легион Кондор обладал значительным численным превосходством и не испытывал никакой нужды в самолетах. В Интернациональной же эскадрилье летчиков было значительно больше, чем самолетов, и на боевые задания они летали по очереди. И все же за четыре месяца, участвуя в обороне Мадрида, Джибелли совершил 30 боевых вылетов на бомбежки войск противника.

В кратких записях его личного дела, хранящегося в архиве Советской Армии, можно прочесть: «Неоднократно участвовал в воздушных боях. Боевые задания выполнял с честью. Мужество, смелость и хорошая подготовка давали ему возможность всегда одерживать победы над врагами».

Товарищи любили Примо за веселый нрав, доброе отношение к людям. Во всех его поступках сказывался глубоко партийный человек.

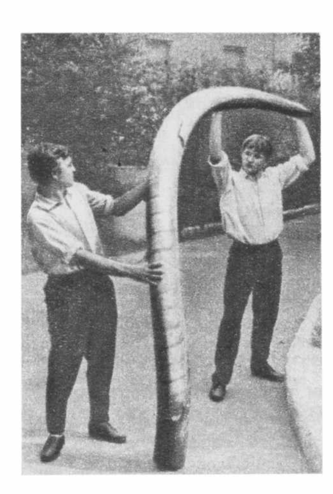
Со дня гибели Примо Джибелли прошло почти 29 лет, но память о нем не изгладилась. Его помнят и знают в нашей авиации. Память о нем свято хранят и автозаводцы, и его портрет занимает почетное место среди других портретов Героев Советского Союза, некогда работавших на этом прославленном заводе.

Загадка, проблема, открытие, факт

РЕДКАЯ НАХОДКА

Трудно представить обладателя этого огромного бивня.

Бивень нашли недавно на берегу реки Тары, которая впадает в Иртыш. В Омском краеведческом музее, где экспонируется находка, есть скелет мамонта высо-

той 2,5 метра, а бивни его не достигают и одного метра. Длина же найденного бивня — 3 метра 45 сантиметров, вес — около 120 килограммов.

•

ПАРАШЮТ БЕЗ СТРОП

Парашют становится не только достоянием летчиков, но и людей самых различных профессий: врачей, пожарников, геологов... Вот почему конструкторская мысль стремится создать простые, надежные в обращении приборы, способные доставить человека или груз на землю.

Изобретатели И. Л. Кадышев, С. Д. Хахилев и И. С. Адрияшенко предложили новую интересную конструкцию. Их парашют лишен строп. Он безотказно раскрывается и приобретает необходимую форму с помощью особой системы пружин. Достаточно летчику немного изменить положение, как над ним немедленно раскроется «зонтик». Оболочка нового парашюта состоит из двух частей: верхняя — из сплошной ткани, и нижняя — из сетки.

•

УРАН ИЗ ГРАНИТА

Сотрудники польского научно - исследовательского института атомной энергии внесли предложение добывать уран из гранита, залежи которого находятся в Крконошах. Анализ показал, что из тонны крконошского гранита можно получить 10 граммов урана. Иными словами, каждая тонна такого гранита таит в себе столько энергии, сколько дают 200 тонн угля.

•

НЕВИДИМЫЕ ДИАГНОСТЫ

Инфракрасные лучи, используемые в самых различных областях науки и техники, получили широкую прописку в медицине. Благодаря своим физическим особенностям глубоко проникать даже через мутные среды они позволили врачам-офтальмологам превратить их в своего верного союзника. Именно этими качествами невидимых лучей и воспользовались специалисты Института глазных болезней имени Гельмгольца при создании нового прибора для биомикроскопии глаза.

Как показал опыт, прибор можно широко использовать при изучении больных со светобоязнью, определять степень помутнения роговицы глаза, исследовать состояние радужной оболочки и стекловидного тела даже за мутным хрусталиком.

•

НОВАЯ МОДЕЛЬ «ТАТРЫ»

В этом году на дорогах Чехословакии и Европы появится новый тип автомобиля «Татра 2-603». Его двигатель на 15 лошадиных сил мощнее предыдущей модели, что позволяет машине развивать скорость до 160 километров в час. Новая «Татра» шестиместная, очень комфортабельная, снабжена установкой для кондиционирования воздуха.

•

СКОРОСТНОЙ ВЕРТОЛЕТ

Как известно, недостатком вертолета является сравнительно небольшая скорость его передвижения. Новый тип американского геликоптера «Локхид-ХП-5IА» может развивать скорость более 400 кило-

метров в час, что в настоящее время является рекордом. У вертолета на левом крыле реактор, увеличивающий двигательную силу его мотора.

•

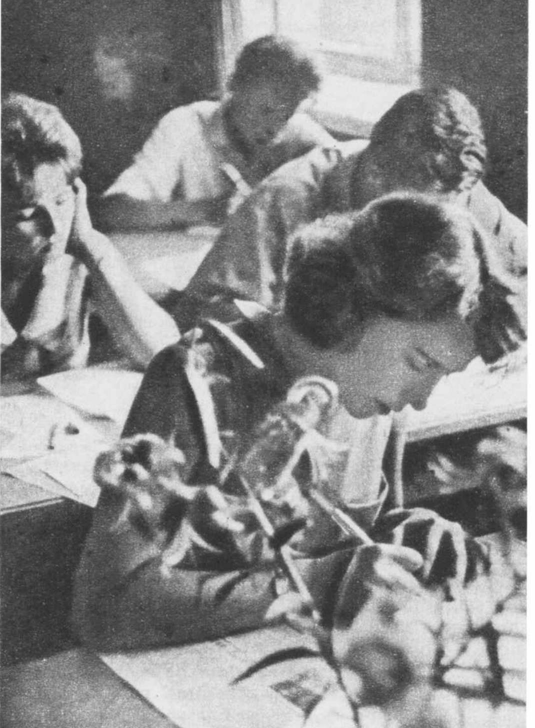
ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ В ЧЕМОДАНЕ

Глубокий шок, который в обычных условиях мог оказаться смертельным, не испугал врача санитарной авиации. Раскрыт небольшой чемодан, включен аппарат искусственного кровообращения — и снова забилось сердце больного.

О портативном аппарате искусственного кровообращения, позволяющем в самых тяжелых и неожиданных условиях возвращать человеку жизнь, давно мечтали врачи скорой, неотложной помощи и санитарной авиации. Такой аппарат разработан группой ленинградских изобретателей во главе с кандидатом медицинских наук Феликсом Владимировичем Баллюзеком. Аппарат, смонтированный в чемодане, весит всего лишь 12 килограммов. Его можно использовать в карете «Скорой помощи», на санитарном речном и морском катере и даже на спасательной лодке.

Светлана — оптимистка по натуре.

Цветы и логарифмы.

С каждым годом у нас студентов все больше. В минувшем учебном году их было около семи миллионов человек. В нынешнем только первокурсников будет свыше 830 тысяч.

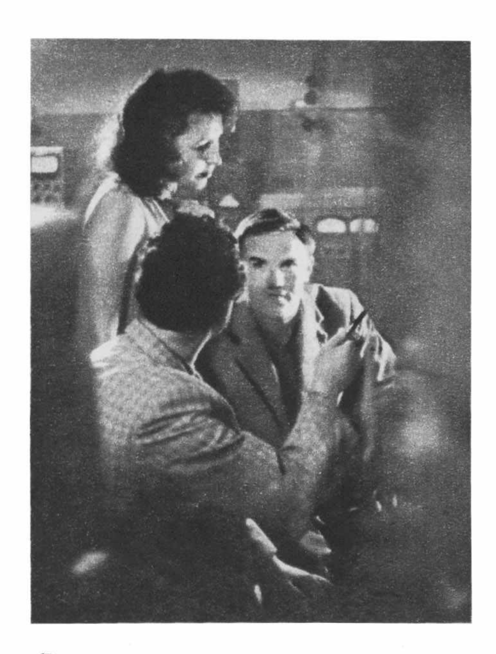
Мы публикуем репортаж со вступительных экзаменов в одном из самых молодых вузов — Омском политехническом институте.

В аудиториях идут экзамены, а в спортивном и актовом залах заканчиваются отделочные работы. К первому октября все должно быть закончено. И первокурсники помогают строителям.

Посвящение в таинство, или первое знакомство с институтом.

Полчаса как первокурсники.

етлана получила пятерку

Владимир ЕРМАКОВ, Дм. УХТОМСКИЙ

Коридор тревожно гудел, коридор поздравлял и сочувствовал, радовался и заливался горючими слезами. Он ничем не отличался от других институтских коридоров, где в эти дни томилась многотысячная армия абитуриентов.

Мы долго вглядывались в боевые порядки этой армии, выбирая героя будущего репортажа. Хотелось угадать в многолюдной, мятущейся толпе одного или одну, кому суждено стать счастливым обладателем студенческого билета.

...Она возникла перед нами внезапно. Минуту назад на том месте, сбившись в кучу, лихорадочно повторяла формулы и теоремы довольно большая группа абитуриентов. И вдруг эта группа расступилась и появилась она. Светлана Кургина! Она держала в руках букет пылающих огнем лилий, а сама светилась счастьем. Двух мнений тут быть не могло: девушка уже сдала экзамен, и, очевидно, блестяще.

Мы подошли к ней и поздравили с успехом. Ответ был самым неожиданным.

— А я еще не сдавала. У меня первый экзамен только через полчаса.

— Чему же вы радуетесь?

— А я оптимистка. Знаю, что все будет хорошо.

— Но эти цветы! Кто преподнес их?

— Я сама себе преподнесла. В честь первого экзамена. Они принесут мне счастье.

Странная это была девушка. С виду даже легкомысленная. Стоило ли ее делать героиней нашего репортажа? И ректор института Александр Константинович Машков тоже не был уверен.

— Лучше обратите внимание на двух сестер-близнецов из этой же группы,— говорил он.— Обе золотые медалистки, учились в очень сильной школе.

Честно признаться, мы ничего не имели против близнецов. Но вот девушка с букетом красных лилий...

Она выбрала себе стол у окна и принялась украшать его цветами. В аудитории стояла тишина. Впереди четыре экзаменационных часа. Сегодня самое сложное — письменный экзамен по математике.

На исходе был первый час, когда девушка с цветами вдруг попросила к себе экзаменатора.

— Я уже все сделала,— сказала Светлана.

Минут через двадцать она покинула аудиторию. Женщина-экзаменатор, тщательно посмотрев ее работу, сказала нам:

— Тут бесспорная пятерка.

Светлана Кургина окончила школу в прошлом году. С серебряной медалью и с мечтой работать на электронно-счетных машинах. Но поступать в институт Светлана не стала.

— Мне надо было проверить, насколько моя мечта серьезна,— рассказывает она.— Можно ли посвятить ей жизнь.

Год работы в лаборатории со счетно-измерительными приборами утвердил девушку в правильности ее выбора, и Светлана пришла в Омский политехнический институт уже не просто для того, чтобы поступить в вуз. Она пришла, чтобы стать специалистом по счетно-решающим устройствам.

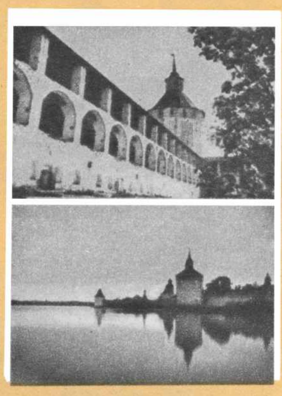
На следующем экзамене Светлана снова получила пятерку.

...В аудитории, на том столе, за которым она недавно сидела, горели красные лилии. А Светлана уже шла по улице. И опять с букетом цветов — нашим подарком.

УСТРЕМЛЕНЫ ТЫСЯЧИ ГЛАЗ

Еще только принято решение о создании Всероссийского добровольного общества охраны памятников культуры, а в адрес Оргкомитета, в редакции журналов и газет уже поступили десятки писем с самыми различными вопросами и предложениями. Сотрудник «Огонька» обратился с несколькими такими письмами к профессору Н. Н. Воронину, заместителю председателя Оргкомитета нового Общества.

— В древнерусском языке,— сказал он нам,— есть прекрасное слово — «многоочитый», то есть всевидящий. Этот эпитет хорошо выражает основное качество вновь создаваемого Общества. Вы представляете себе — бдительное устремление сотен и тысяч глаз!.. В самых отдаленных селах и городах будут у нас свои глаза: внимательные, добрые глаза краеведов, любителей старины, просто культурных людей, знающих, каким несравненным богатством для русского народа являются его памятники.

Все они, став членами Общества, должны будут осуществлять своеобразную инспектуру. Насколько эта задача важна, вы можете судить по тому, что за последние несколько лет из-за полной безнадзорности сокровищница русской культуры потеряла несколько шедевров. Сгорели деревянные несравненной красоты церкви в Белой Слуде и Турчасове, Архангельской области; предшественник знаменитой церкви в Кижах — храм в Вытегорском погосте Вологодской области.

Может быть, и спасли бы их местные жители, если бы понимали, что не старые церкви горят, а великая красота, великое народное достояние! Но так не случилось; и тут само собой напрашивается — члены добровольного Общества должны осуществлять миссию просветительскую, бороться с невежеством, а подчас и с самоуправством. Нелегкая это задача? Конечно! До сих пор не укладывается в голове страшное злодеяние: разрушение по прихоти городских властей единственного в Витебске храма XII века, современника «Слова о полку Игореве».

Большая и трудная работа нам предстоит. И здесь громадную помощь окажут пропагандисты, окажет местная и центральная пресса, радио, телевидение, школа. У самого Общества тоже должен быть свой печатный орган.

Радуют и волнуют письма; с каждым днем их все больше и больше! Первые рассказы о прекрасных начинаниях по охране памятников. Только хотелось бы, чтобы будущие члены добровольного Общества трезво представляли себе его задачи и возможности, не обольщали себя ненужными иллюзиями. Нельзя думать, что Общество примет на себя охрану памятников: это осуществляет государство. Реконструкция, реставрация, организация музеев — все это в ведении и возможностях государства.

Немалый опыт работы по охране памятников уже накоплен нами. Вот на обложке сегодняшнего номера «Огонька» замечательный памятник русской архитектуры — Кириллово-Белозерский монастырь. На его территории создается музей под открытым небом. Уже свезена сюда деревянная церковь из села Бородавы, построенная неизвестными мастерами в XVI веке.

Кириллово-Белозерск объявлен заповедником, как Новгород и Ярославль, Суздаль и Кострома. Суровая красота стен и башен, отраженных в водах озера, напоминает о неиссякаемых творческих силах, о таланте народа русского. Это прекрасно понимают авторы многих писем, единодушно требующие благоустроить дороги. Немногие энтузиасты могут добраться сюда, в чудесную белозерскую глухомань. Надо строить гостиницы для туристов.

Спрашивают в письмах: не сумеют ли, вступив в Общество, люди своим скромным взносом помочь делу охраны памятников? Несомненно! Общество должно располагать своим материальным фондом, и, по-видимому, оно будет принимать в качестве своих членов не только отдельных лиц, но и организации. Впрочем, устав наш еще не разработан, это — дело ближайшего будущего!

ЗАБАВНЫЕ

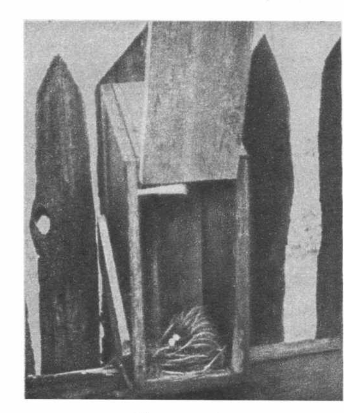
ВМЕСТО ГАЗЕТ И ПИСЕМ

Однажды утром в конце мая этого года, открыв почтовый ящик, я обнаружил маленькое, в бледно-красных крапинках яичко. В этот же день, возвратившись с работы, попросил сына заглянуть в почтовый ящик, и он увидел в нем маленькое гнездо.

Утром следующего дня в гнезде было найдено второе яичко, такое же, как и первое.

Мы стали следить за гнездом — хотелось увидеть квартирантку. Но нам долго это не удавалось.

Количество яиц с каждым днем все увеличивалось, а

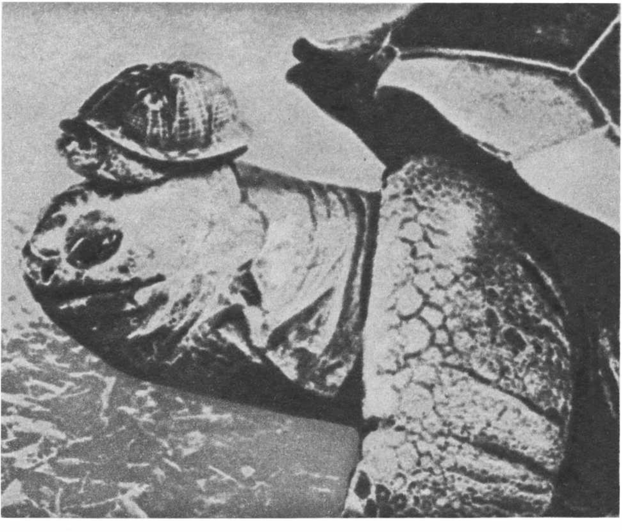
гнездо благоустраивалось. Когда набралось восемь яиц, птица уже не стала оставлять гнезда. И тогда мы ее увидели — это была трясогузка.

Пришлось для газет сделать новый почтовый ящик и установить его рядом с занятым.

Трясогузка очень смело защищает свое гнездо. Когда кто-нибудь приближается к ящику, из него слышится сердитое шипение. А когда жена немного приоткрыла дверцу ящика, то птичка бесстрашно бросилась на нее.

Б. ПРИКАЗЧИКОВ

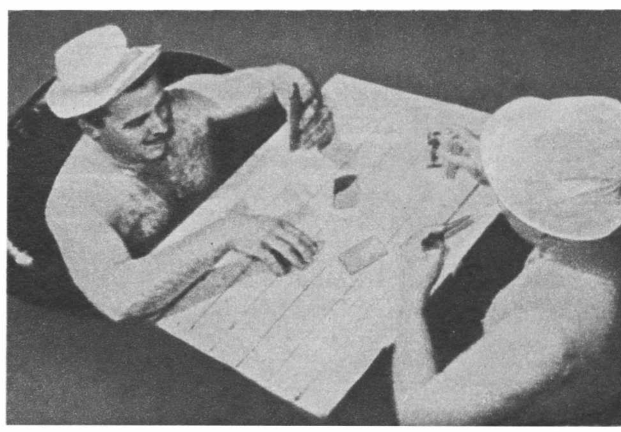
Вильнюс.

ЧЕРЕПАХА СО ШЛЯПКОЙ

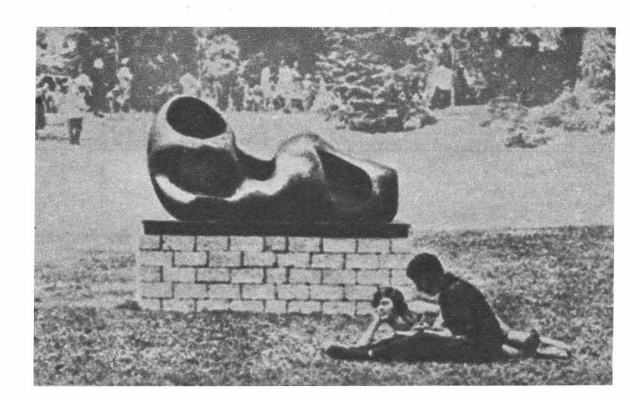
Шляпка? Нет. Это обыкновенная маленькая черепашка заблудилась и очутилась на голове своей пятисоткилограммовой родственницы.

Снимок сделан в зоопарке Индианаполиса (США), где живет этот редкий экземпляр ребристой черепахи-гиганта.

ЖАРА ИМ НЕ СТРАШНА

Невероятная жара, 42° в тени, захватившая юго-восток Италии, заставила жителей этих краев искать спасения в воде. Вот два римлянина удобно устроились в прохладных водах Тибра. Зной им теперь не мешает, и друзья могут спокойно часами играть на плавучем столе в карты.

ПОХОЖЕ ИЛИ НЕТ?

Молодая пара, расположившаяся на траве в одном из женевских парков, послужила моделью для некоего скульптора-модерниста. Удалось ли ваятелю передать позу и настроение своей модели, судите сами. Во всяком случае, посетители парка узнают о том, что хотел изобразить скульптор, только по надписи на самом «произведении искусства».

СПАСИТЕЛЬНИЦА

Пятилетняя Алисон Хирш, играя на берегу Темзы, упала в воду. Проходивший мимо Алф Манчини как был, в одежде, бросился ее спасать. За хозяином сразу же кинулась в воду и его собака. Алфу удалось схватить девочку, но намокшая одежда и ботинки потянули его на дно. К счастью, в это время подплыла собака, хозяин ухватился за нее и вместе с ребенком выбрался на берег.

мелочи

ГРИБОЛОГИЯ

Нынешнее лето в средней полосе страны сердило многих из нас каждодневными дождями. Но зато оно радовало любителей ходить по грибы. А теперь грибникам и вовсе раздолье: наступает их золотая пора — осень.

Предлагаем вниманию читателей биографии нескольких необычных грибов.

ПОДЗЕМНЫЕ ГРИБЫ

Есть грибы, которые вовсе не показываются на божий свет. Сидят себе под землей — попробуй найди. А в общем-то их находят, только с помощью специально обученных собак и свиней. Можно обойтись и без помощников. Очень опытный грибник замечает их снаружи потому, что на этом месте трава как бы выжжена. Называются подземные грибы трюфелями, из них готовится приправа к самым изысканным блюдам. Шоколадные конфеты трюфели только внешне напоминают эти грибы.

В пределах нашей Родины самый ценный трюфель — черный, распространенный в юго-западных дубовых и буковых лесах.

Белый трюфель встречается шире. По своему вкусу это малоценный гриб. Совсем не съедобен олений трюфель, его едят только олени и белки.

Опытные северные охотники-бельчатники сумели этот гриб использовать как лучшую приманку при добыче белок.

ГРИБ-ГИГРОМЕТР

У наших обычных дождевиков есть причудливая родня — грибы-гигрометры, растущие в степях и в полупустынях. Наружная часть гриба очень похожа на подсолнечник. Раскрывается гриб во влажную погоду, а в сухую, чтобы не высохнуть, закрывается.

МАЛЮТКИ

В арктических тундрах растут крошечные грибы, под стать моховому покрову. Некоторые из них располагаются прямо на стебельках мха. В общем грибочки получаются чуть побольше сантиметра.

ГРИБЫ-ЦВЕТЫ

В оранжереях Ботанического института Академии наук в Ленинграде в кадках с тропическими растениями появились ярко-красные необыкновенные грибы.

Этих чужеземцев привезли в кадках вместе с растениями. Они больше напоминают цветы, чем своих обычных сородичей.

ПОЛЗАЮЩИЕ ГРИБЫ

На поверхности пней иногда можно увидеть оранжевые, желтые и белые лепешки. Принадлежат они к необыкновенным существам, которые долго смущали умы ученых. Их относили то к растениям, то к животным. В молодом возрасте эти лепешки ползают и самостоятельно забираются на пни. Грибницы у них нет, и она им не нужна. Забравшись на пень, такой гриб окружается хрупкой оболочкой и образует массу спор, как у дождевиков.

Ученые называют эти грибы несимпатичным именем «слизевики».

П. СМОЛИН,
Б. РЖЕВСКИЙ

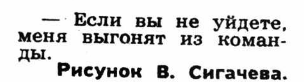

Рисунки В. Черникова

— Идти смотреть дневник — я все приготовил.
Рисунок В. Воеводина.

— Если вы не уйдете, меня выгонят из команды.
Рисунок В. Сигачева.

— Были в зоопарке, видели жирафа.
Рисунок Й. Сычева.

— Кому тут характеристику подписать? Николаеву? Петрову? Манину?
Рисунок В. Воеводина.

— Это завхоз из цирка. Давно уже сетку подбирает...
Рисунок В. Воеводина.

— Это была гениальная мысль — подарить старику телевизор.
Рисунок Б. Боссарта.

Без слов...
Рисунок В. Тамаева.

Саша Бондаренко, вратарь «Звездочки» (Гомель).

Сы

На световом табло московского стадиона «Динамо» появляется надпись:

«Восток-3» — «Парус»
(Алма-Ата) (Ленинград).

Голос диктора с такой же, как всегда, деловитой интонацией объявляет составы играющих сегодня команд.

Слышен футбольный марш. На поле выходят судьи в традиционных черных костюмах.

Наконец выбегают разноцветные цепочки футболистов с капитанами во главе.

Посреди центральной трибуны два пионера стоят в почетном карауле возле Кубка, увенчанного кожаным мячом,— приза победителям.

Все по-настоящему. С полной серьезностью, даже с некоторой торжественностью. Все, как и быть должно на крупных всесоюзных соревнованиях.

Идет матч. Зрителей, которых сегодня набралось предостаточно, сразу захватывает поединок. Не мудрено. Нет ни одной пустой минуты в игре! Накал борьбы высок, мяч азартно носится по полю, нацеливаясь на ворота и тут же отскакивая с тем, чтобы снова тут же ринуться сквозь частокол ног к воротам.

Вот это темп! И сколько непринужденной легкости в игре нападающих и защитников! Они играют так, что, нет сомнений, великую радость доставляют им эти минуты и здорово хочется, видно, чтобы подольше задерживалась стрелка на каждой белой минутной точке огромных стадионных часов.

Эта радость игры передается трибунам. Не слышно сегодня ни свиста, ни крика, ни гулких вздохов огорчения. Сегодня зрители просто смотрят и добродушно подшучивают:

— Эх, сынок, не дотянулся!

— Да, маловат еще...

Сынки... Это теплое слово гуляет сегодня по трибунам. Потому что играют на столичном стадионе мальчишки. Обыкновенные ребята с разных дворов, сынки от двенадцати до четырнадцати лет, побившие, верно, немало стекол за свой футбольный стаж.

Матч идет. Я сижу с запасными игроками команды «Восход-3». С десяток примерно чернявых и смуглых парнишек в желтых футболках и кедах нетерпеливо стучат ногами: когда же их выпустят на поле?

— Вы, ребята, с какой улицы?

— С Чапаевской!

— И давно вместе играете?

— Лет с пяти...

Им не очень хочется давать интервью. Махмуд забил еще один гол, и какой — в девятку! О, сколько черноглазого молчаливого ликования, толчков в бока: «Тихо, еще не выиграли...»

Двадцать команд, дворовых, мальчишеских, приехало в Москву на свой первый всесоюзный чемпионат. От одних названий становится весело. «Бюль-Бюль» — юные бакинцы, «Саяны» — ребята из Красноярска, «Ураган» — из Ташкента, «Чайка» — минчане, «Волна» — из Луганска, «Мушкетеры» — из Волжска, «Арагац» — армянские ребята...

Двадцать команд — лучшие, самые техничные, быстрые, сыгранные — из двухсот тысяч дворовых футболистов, играющих по всей стране.

Это соревнование называется «Кожаный мяч — 1965 год». Штаб его находится в редакции «Пионерской правды», задумавшей это прекрасное, радостное ребячье состязание. Оно будет отныне традиционным.

Ну а адрес прописки Кубка уже известен: Минск, команда «Чайка».

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

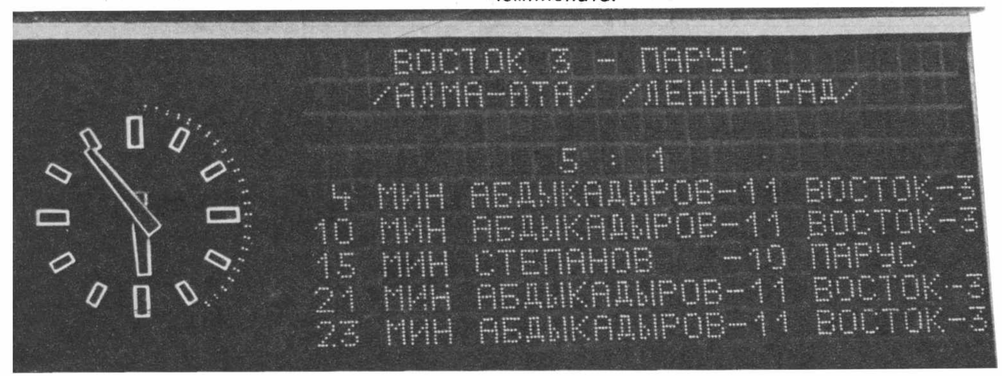
Гол!..

НКИ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

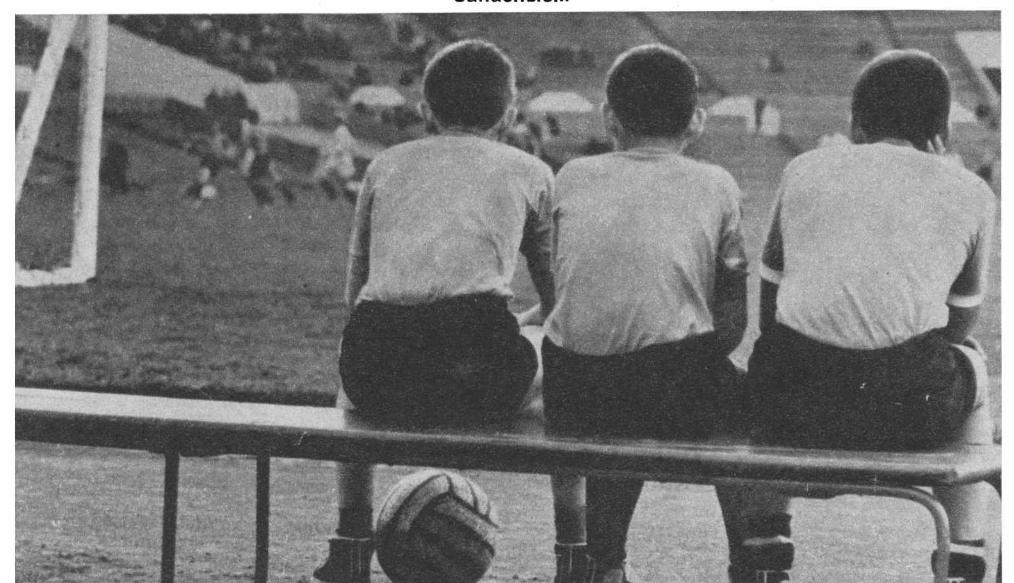

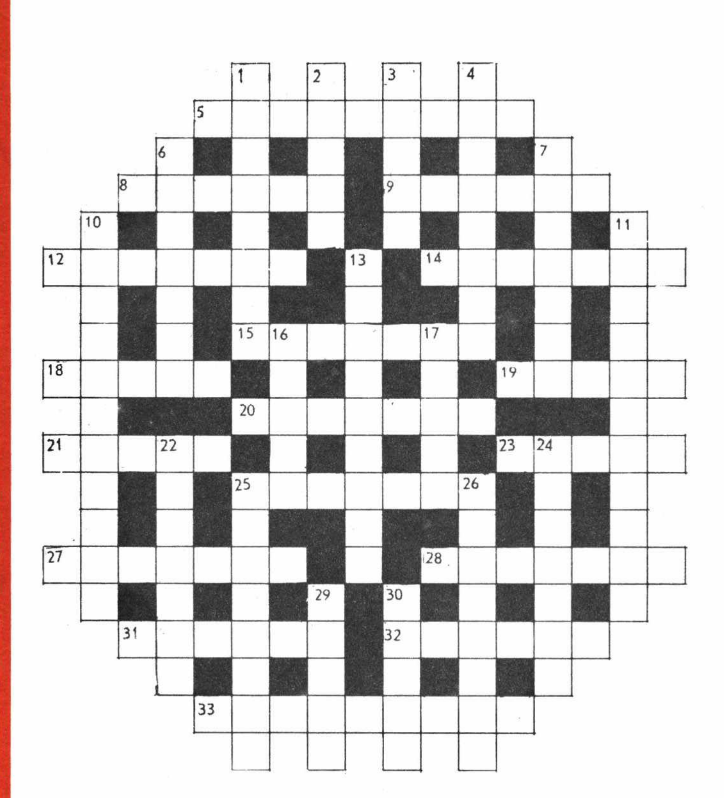
Заслуженный мастер спорта Алексей Хомич командовал парадом на открытии чемпионата.

Результат встречи, как всегда, красноречиво отражает табло...

Запасные...

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Помещение для чтения лекций, докладов. 8. Бобовое растение. 9. Произношение. 12. Роман Э. Золя. 14. Приток Днепра. 15. Химический элемент. 18. Антилопа. 19. Советский актер и режиссер. 20. Кондитерское изделие. 21. Лесная птица. 23. Гигантский советский самолет. 25. Остров в Средиземном море. 27. Форменный головной убор. 28. Установленная цена. 31. Горный массив в Болгарии. 32. Степная равнина в Северной Америке. 33. Сорт яблок.

По вертикали:

1. Повесть Т. Г. Шевченко. 2. Произведение киноискусства. 3. Прямая, соединяющая две точки кривой линии. 4. Металл, применяемый в ядерной энергетике. 6. Приманка для рыб. 7. Советский писатель. 10. Пособие для изучения иностранного языка. 11. Симфония Л. Бетховена. 13. Международное совещание ученых. 16. Река в Грузии. 17. Тихоокеанская сардина. 22. Единица количества тепла. 24. Русский путешественник XV века. 25. Духовой музыкальный инструмент. 26. Художник-передвижник, автор картины «Кочегар». 29. Покрой, модель одежды. 30. Порт в Югославии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

7. Цейлон. 8. Ваниль. 10. «Аида». 12. «Синица». 13. Каньон. 14. Нясиярви. 17. Колас. 19. Паром. 20. Альтернатива. 21. Ворот. 23. Рощин. 25. Квадрант. 27. Окуляр. 28. Ачинск. 29. Сага. 31. Ожешко. 32. Стайер.

По вертикали:

1. Орулган. 2. «Дачники». 3. Стенина. 4. Дина. 5. Лава. 6. Колонна. 9. Широконоска. 11. Новосибирск. 15. Селенга. 16. «Русалка». 18. Салют. 19. Повар. 22. Обложка. 24. Ошибень. 25. Крушина. 26. «Тачанка». 29. Соус. 30. Асва.

●

На первой странице обложки — не совсем обычный показ моделей. Такие костюмы носили когда-то девушки-крестьянки. Ученицы Вологодского культурно-просветительного училища Лариса Шипинова (справа) и Татьяна Свириденко демонстрируют старинную одежду.

Фото М. Редькина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02050. Подписано к печати 1/IX 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2283. Тираж 1 850 000. Изд. № 1376.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Кирилло-Белозерский монастырь в Вологодской области. Стены Нового города и Московская башня. Новый город, построенный в XVII веке, был одной из сильнейших древнерусских крепостей.

Фото М. Редькина.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663